

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»
СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ПРАВОСУДИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ
НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Ответственный редактор
доктор юридических наук, профессор
Н.Г. Кадников

МОСКВА
Юриспруденция
2020

УДК 343.2/.7(063)
ББК 67.408
П73

Рецензенты:

Шкабин Г.С., д.ю.н., доцент, главный научный сотрудник НИИ ФСИН

Милин А.Е., к.ю.н., доцент Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

П73

Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: сборник научных статей / Отв. ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадников. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. Союз криминалистов и криминологов. – М.: ИД «Юриспруденция», 2020. – 304 с.

ISBN 978-5-9516-0881-9

Сборник подготовлен в преддверии проведения в Московском областном филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя с участием Союза криминалистов и криминологов всероссийской научной конференции «Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства».

Статьи посвящены проблемам применения норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за преступления против правосудия, норм уголовно-процессуального закона и криминалистических методик, применяемых при расследовании подобных преступлений. Сборник также включает статьи о проблемах дифференциации ответственности за подобные преступления и их квалификации.

Сборник будет полезен преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, учебных заведений МВД России, практическим работникам правоохранительных органов, адвокатам.

Печатается в авторской редакции.

УДК 343.2/.7(063)
ББК 67.408

СОДЕРЖАНИЕ

Дайшутов М.М., Кадников Н.Г.

К вопросу о совершении преступлений против правосудия должностными лицами – участниками со стороны обвинения на досудебных стадиях уголовного процесса (постановка проблемы) 7

Мацкевич И.М., Мацкевич О.В.

Обнуление оправдательного вердикта 18

Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Мишин А.В.

Проблемы обеспечения безопасности судей и иных участников уголовного процесса в ходе судебного разбирательства дела 28

Победкин А.В.

Об эффективности стимулирования правомерного поведения участников уголовного судопроизводства положениями главы 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (преступления против правосудия) 34

Плешаков А.М.

Принуждение к даче показаний с применением пытки и использованием животных. 41

Денисова А.В.

Часть 3 статьи 299 УК РФ и иные уголовно-правовые меры защиты прав субъектов предпринимательской деятельности 45

Карагодин В.Н.

Ситуационные особенности расследования преступлений против правосудия, совершаемых следователями 49

Жилкин М.Г.

Неисполнение должностным лицом вступившего в силу судебного акта в сфере предпринимательской деятельности как основание уголовной ответственности 54

Борисов С.В., Чугунов А.А.

Отдельные проблемы уголовной ответственности за неуважение к суду 59

Боровиков В.Б., Боровикова В.В.

О наказании за совершение преступлений против правосудия 65

Габдрахманов Р.Л., Журавлева Г.В.

Некоторые вопросы квалификация преступления, предусмотренного частью 1 статьи 299 УК РФ 72

Боровиков В.Б., Боровикова В.В.

Об особенностях преподавания темы «Преступления против правосудия» в учебных заведениях МВД России 78

Осокин Р.Б., Кокорев В.Г.

К вопросу о доказывании преступлений против собственности, совершенных с причинением значительного ущерба: проблемы и пути их решения 86

Кужиков В.Н.

Особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям в сфере экономической безопасности. 91

Азаренкова Е.А., Осипов В.А.

Некоторые вопросы квалификации провокации взятки. 96

Денисов Н.Л.

Новеллы уголовной ответственности за провокацию взятки 101

Борисов С.В., Решняк М.Г.

Соотношение несообщения о преступлении и укрывательства преступлений. . . . 105

Кузьмин С.И.

Нужен ли поиск смягчающих обстоятельств для преступников? 113

Карпова Н.А., Кадников Н.Г.

К вопросу об ответственности за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование 119

Балябин В.Н.

К вопросу о предмете доказывания по делам о незаконном изготовлении оружия (ст. 223 УК РФ) 126

Голубов И.И., Денисенко М.В.

К вопросу о дифференциации наказания за преступления против правосудия, совершаемые государственными (муниципальными) служащими с использованием своего служебного положения 134

Станкевич А.М., Котова А.А.

К вопросу о противодействии совершению преступлений, предусмотренных статьей 314.1 УК РФ, лицами, освобожденными из мест лишения свободы. 146

Гришин Д.А.

Предупреждение противоправных действий, направленных на противодействие предварительному расследованию 151

Густова Э.В.

К вопросу о недостатках законодательной техники и проблемах толкования норм уголовного закона о преступлениях против правосудия 155

Старых С.М., Юнда Я.О.

Бандитизм как одна из форм групповой преступности, направленной против правосудия 160

Старых С.М., Костина Е.А.

Проблемные вопросы квалификации преступлений против правосудия 167

Корниенкова М.Р.

Уважительная причина как конструктивный признак составов преступлений, предусмотренных статьей 157 УК РФ 173

Семочкина А.А.

К вопросу о квалификации фактов фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности. 178

Хлебницына Е.А., Рычкова А.А.

Особенности объективных признаков привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности 184

Саранов А.В.

К вопросу об уголовной ответственности за угрозу в связи с осуществлением правосудия 190

Имаева Ю.Б.

К вопросу о воспрепятствовании производству предварительного расследования. 196

Сидорова Е.З., Татарникова М.А.

О некоторых особенностях состава преступления «принуждение к даче показаний» (статья 302 УК РФ). 201

Федин А.Н.

К вопросу об уголовной ответственности за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд 206

Поляков В.Ю.

К вопросу о мотивах и цели заведомо ложного доноса о хищении транспортного средства 212

Чуканова Е.С.

О характеристике обмана как способа принуждения к даче показаний 218

Новиков И.А.

Фальсификация доказательств: новеллы уголовного законодательства и вопросы квалификации. 225

Раненкова Е.А.

К вопросу о субъекте фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности. 230

Доценко Е.А.

Уголовно-правовые риски освобождения от уголовной ответственности при применении нормы о малозначительности деяния. 237

Никонова Ю.В.

Особенности привлечения лица к уголовной ответственности за укрывательство преступлений. 241

Меерсон В.Р.

К вопросу о разграничении действий, дезорганизующих функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы, от иных преступлений (по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь). 247

Чефранов К.А.

К вопросу о квалификации заведомо ложного заключения судебно-медицинского эксперта. 253

Луговая А.В.

К вопросу о применении меры пресечения в виде заключения под стражу 258

Мионов В.В.

К вопросу об уголовной ответственности
за незаконное возбуждение уголовного дела 261

Рамазанов Р.М.

Обеспечение безопасности судей и иных участников
судебного разбирательства по уголовно-процессуальному
законодательству Республики Казахстан 265

Ланшаков Д.С.

К вопросу об уголовной ответственности за разглашение сведений
о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи
и иных участников уголовного судопроизводства 269

Петровский З.М.

К вопросу об ответственности за провокацию взятки,
коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров,
работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд 273

Бурганов Р.С.

К вопросу разграничения фальсификации доказательств
и результатов оперативно-разыскной деятельности (статья 303 УК РФ)
и некоторых смежных составов преступлений (статьи 285 и 286 УК РФ) 277

Примов Д.Р.

Генезис нормы о самоуправстве по законодательным актам
начального периода образования российского государства 282

Алимирзаев Э.А.

К вопросу о периодизации развития уголовно-правового запрета
надругательства над телами умерших и местами их захоронения 287

Попова А.Ю.

К вопросу о сущности укрывательства преступлений 293

Поличной Р.В.

К вопросу об уголовной ответственности
за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности 297

Дайшутов М.М.,

*к.ю.н., доцент,
начальник кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Кадников Н.Г.,

*заслуженный работник высшей школы РФ,
д.ю.н., профессор,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ – УЧАСТНИКАМИ СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Должностные лица – участники со стороны обвинения на досудебных стадиях уголовного процесса расследуют уголовные дела (следователи, их руководители, дознаватели и начальники органа дознания), принимают важные процессуальные решения, но в силу принципа состязательности имеют равные права с участниками процесса со стороны защиты. Тем не менее указанные должностные лица не всегда действуют в соответствии с законом, совершают должностные правонарушения, а нередко и преступления, в том числе посягающие на отношения, обеспечивающие справедливое правосудие, особенно на досудебных стадиях уголовного процесса (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, незаконное освобождение от уголовной ответственности, незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, принуждение к даче показаний, фальсификация доказательств, разглашение данных предварительного расследования и др.).

Опасность рассматриваемого явления состоит, прежде всего, в том, что оно формирует отрицательное отношение общества к правоохранительным органам и государственному аппарату, развращает само общество, приучая его к мысли, что насилие,

несправедливость, беззаконие со стороны представителей власти – вещи обыденные и естественные. Как совершенно справедливо отмечают специалисты, сильная государственная власть строится на уважении к закону, но как бы хорошо ни были разработаны законы, если представители власти будут действовать по своему произволу, если лица, призванные изобличать преступников, бороться с ними, вместо этого сами будут становиться преступниками, то в таком государстве и речи не может быть об истинном порядке, справедливости и законности¹.

Совершение указанных преступных посягательств порождает неверие граждан в социальную справедливость, подрывает престиж и авторитет правоохранительных органов, нарушает охраняемые законом права и интересы личности, влечет иные негативные последствия.

Можно привести следующие характерные примеры.

Невский районный суд в Санкт-Петербурге арестовал сроком на два месяца бывшего старшего следователя 2-го следственного отдела 1-го управления по расследованию особо важных дел ГСУ СК РФ по Петербургу Николая В. по подозрению в хищении и продаже 11 кг кокаина. По версии следствия, В. в 2015 г. принял к расследованию уголовное дело, которое возбудили таможенники по факту контрабанды 11 кг кокаина. Наркотик находился в камере хранения в здании существовавшего на тот момент управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. Вступив, по версии следствия, в преступный сговор с неустановленными лицами, В. 25 февраля 2016 г. похитил из камеры наркотическое средство, похищенный вещдок заменил муляжом из смеси лекарственных средств и кокаина, концентрация которого не превышала 0,51%. Украденный кокаин В. и его неустановленные сообщники продавали вплоть до 18 октября 2018 г. В отношении В. возбуждено уголовное дело по статьям о превышении должностных полномочий, незаконном сбыте и хищении наркотиков. Ему грозит до 20 лет лишения свободы².

18 июня 2018 г. Василеостровский районный суд Петербурга отправил под домашний арест следователя МВД Асама К., обвиняемого в служебном подлоге, который был совершен, чтобы не выпустить арестованного

---

¹ См.: Брайцева Е.А. Преступления, совершаемые следователями и дознавателями в системе органов внутренних дел (криминологический аспект): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 4.

² URL: <https://news.rambler.ru/crime/41285012-byvshiy-sledovatel-sk-peterburga-arestovan-po-obvineniyu-v-krazhe-11-kg-kokaina/> (дата обращения: 15.06.2020).

из СИЗО. По версии следствия, К., будучи следователем УМВД РФ по Василеостровскому району Петербурга, совершил служебный подлог после того, как летом 2017 г. в Петербурге задержали местного жителя по подозрению в сбыте наркотиков. Тогда задержанному не было предъявлено обвинение, и суд арестовал его в статусе подозреваемого, после чего ему должны были в течение 10 дней предъявить обвинение, в противном случае по закону арестованного не могут содержать в СИЗО и отпускают на свободу. Обвинение в установленные законом сроки предъявлено не было, но, чтобы фигурант не выходил из-под стражи, К. внес в документы диаметрально противоположную информацию¹.

3 апреля 2020 г. Басманный суд арестовал на два месяца заместителя начальника следственного департамента МВД РФ генерала Александра К., заместителя начальника следственного департамента МВД РФ Александра Б. и следователя МВД РФ по особо важным делам Александра Б., задержанных по обвинению в злоупотреблении должностными полномочиями при содействии в переводе бизнесмена из СИЗО под домашний арест².

Басманный суд Москвы арестовал заместителя начальника второго управления по расследованию особо важных дел ГСУ СКР по Московской области Алексея Т., а также бывших замначальника Ногинского межрайонного следственного отдела Дмитрия Л. и следователя этого подразделения Николая Ц. Они обвиняются в том, что за взятку отдали ногинской фирме автомобильные шины на сумму около 1,7 млрд руб., которые проходили по уголовному делу в качестве вещественного доказательства. При этом следователи скрыли от учета само уголовное дело³.

Впервые в истории России следователь пошел под суд за незаконный обыск. Адвокат из Воронежа, у которого провели незаконный обыск, добился возбуждения уголовного дела в отношении следователя, оно направлено в суд.

В квартиру к адвокату Анатолию Р. пришли с обыском 8 октября 2018 г. В 8 утра дверь стали выламывать. Р. предупредил незнакомцев, что они нарушают закон, поскольку проникают в жилище адвоката. Постановление суда о разрешении обыска было выдано в отношении обычного

---

¹ URL: <https://news.rambler.ru/crime/40090385-sud-v-peterburge-otpravil-pod-domashniy-arest-obvinyаемого-v-služebnom-podloge-sledovatelya/> (дата обращения: 15.06.2020).

² URL: https://tass.ru/proisshestviya/8159365?keepThis=true&TB_iframe=true&height=500&width=1100&caption=TACC (дата обращения: 15.06.2020).

³ URL: https://www.znak.com/2018-02-22/v_podmoskove_sledovatelya_arestovali_za_ischeznovenie_vchodkov_stoimostyu_bolshe_milliarda (дата обращения: 15.06.2020).

гражданина, а адвокаты являются спецсубъектами. Кроме того, у следователя не было никаких оснований проводить обыск. В отношении Р. не возбуждалось уголовных дел, его не привлекали в качестве обвиняемого, даже как свидетеля не допрашивали. В ходе обыска полицейские незаконно изучили документы адвоката и файлы на компьютере, нарушили адвокатскую тайну. Адвокат при поддержке коллег собрал доказательства и обжаловал постановление суда о разрешении обыска. Спустя полтора месяца эти мероприятия признали незаконными. Следователя привлекли к дисциплинарной ответственности. Адвокат продолжал собирать доказательства виновности следователя в превышении должностных полномочий. Когда их набралось достаточное количество, Р. написал заявление о возбуждении уголовного дела. Дело было возбуждено 19 марта 2019 г. Следственный комитет и прокуратура нашли в действиях следователя состав преступления, а потому уголовное дело передали в суд. Как говорит Р., впервые в истории России следователь окажется на скамье подсудимых за незаконный обыск¹.

За избиение и пытки электрошокером двух подростков в Красноярском крае арестованы глава районного следственного отдела СКР и старший следователь того же отдела. Им вменяют превышение полномочий. По результатам рассмотрения материалов процессуальной проверки руководителю следственного отдела по Богучанскому району ГСУ СК России по Красноярскому краю и Республике Хакасия и старшему следователю этого же отдела предъявлены обвинения в превышении должностных полномочий с применением насилия и спецсредств. По данным следствия, правоохранители заподозрили двух 18-летних жителей поселка Пинчуга в краже ноутбука из их рабочего кабинета в следственном отделе. Сотрудники СКР поручили наряду полиции доставить к ним подростков. Когда юношей привели, то следователи заковали их в наручники и применили к ним электрошокер, требуя сознаться в краже. Признательных показаний от подростков не добились и отпустили домой. Дома потерпевшие рассказали о произошедшем родителям и сфотографировали следы от побоев. Мать одного из пострадавших написала заявление в правоохранительные органы².

Генеральный прокурор на совещании в 2017 г. назвал такие цифры: за последние 2,5 года количество незаконно возбужденных дел достигло 6,7 тыс., по 1,3 тыс. были проведены аресты, но никто не

---

¹ URL: <http://новости-воронежа.ru-an.info/новости/следователь-пошел-под-суд-за-незаконный-обыск-впервые-в-истории-россии/> (дата обращения: 15.06.2020).

² URL: https://www.znak.com/2020-05-22/krasnoyarskih_silovikov_obvinili_v_tom_chto_oni_pyтали_podrostkov_iz_za_noutbuka (дата обращения: 15.06.2020).

понес за это ответственности. В 2015 г. по ст. 299 УК не было осуждено ни одного человека. В первой половине 2016 г. по ней осудили всего двух человек. Один из них получил два года лишения свободы, другой – чуть больше¹. В 2016 г. наказание по ст. 299 УК уже ужесточили. Сейчас максимальное наказание по ней – 10 лет лишения свободы. Однако и такое суровое наказание не переломило ситуацию.

Более того, на досудебных стадиях эти должностные лица совершают и преступления коррупционной направленности в совокупности с преступлениями против правосудия, а нередко преступления против личности, в том числе и против конституционных прав и свобод граждан, собственности (причинение телесных повреждений, пытки и истязание, нарушение равенства прав и свобод, нарушение неприкосновенности частной жизни граждан, нарушение неприкосновенности жилища, тайны переписки, телеграфных, почтовых и иных сообщений, хищения и иные корыстные преступления против собственности, злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий, взяточничество, служебный подлог и халатность). Преступления данного вида обладают повышенной латентностью, их можно зафиксировать лишь с использованием специальных технических средств, которые необходимо применять строго в соответствии с нормами УПК РФ и ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»², применение их весьма затруднено³.

Совершение указанными должностными лицами преступлений создает ошибочное представление у граждан о том, что все эти лица коррумпированы, ничего нельзя добиться, никакой истины по уголовным делам не устанавливается. Корыстное использование следователями и дознавателями своего служебного положения во все больших масштабах фиксируется на фоне интенсивного нарастания числа фактов непринятия законных мер к их изобличению.

Отмечается увеличение числа выявленных фактов укрытия преступлений от учета, искажения статистической отчетности о результатах борьбы с преступностью, фальсификации материалов предварительной проверки органов следствия и дознания. Растет

---

¹ Российская газета – Неделя. № 147 (7313). 05.07.2017.

² Здесь и далее в названиях данного федерального закона, других нормативно-правовых актов, а также в библиографических ссылках и цитатах из них сохранена орфография слова «розыскной».

³ СПС «КонсультантПлюс».

количество лиц, наказанных за использование незаконных методов ведения следствия и дознания, виновных в необоснованном привлечении граждан к уголовной ответственности. Бывает, что следователи, дознаватели, а нередко и в соучастии со своими начальниками следственных подразделений и органов дознания вступают в коррумпированные связи с организованными преступными сообществами, находятся на содержании организованных криминальных структур, непосредственное участвуют в их преступной деятельности¹.

Таких фактов действительно много, они отражают глубокий кризис в системе подготовки следователей и дознавателей и отсутствие должного процессуального контроля за их деятельностью. Общее качество расследования на досудебных стадиях находится на низком уровне. Обвинительный уклон, несоблюдение закона приводят ко многим ошибкам, дисциплинарным нарушениям и преступлениям.

В России за 2017 и 2018 гг. доля оправданных упала в четыре раза и составила 0,24% от общего числа приговоров. Российские суды в 2017 г. оправдали 1,6 тыс. человек – втрое меньше, чем в 2013 г. Доля оправданий упала до 0,2%. В 2018 г. суды рассмотрели уголовные дела в отношении 885 тыс. человек. Из них 682 тыс. были осуждены и только 2082 человека оправданы. При этом 43% оправдательных приговоров были отменены вышестоящими судами, в итоге лишь 1463 человека из 2082 сумели отстоять свою невиновность до конца, оправдательные приговоры в отношении них вступили в законную силу². В 2018 г. суды меньше оправдывали по сравнению с 2017 г. на 151 случай, исходя из чего доля оправдательных приговоров достигла исторического минимума в постсоветской России. В 1990-е гг. суды выносили оправдательные приговоры в 0,3–0,4% случаев. Специалисты отмечают, что российские судьи чаще и охотнее оправдывают чиновников: из 3,4 тыс. привлеченных в 2018 г. к суду 105 были признаны невиновными. Им также предпочитают назначать наказания, не связанные с лишением свободы. Еще чаще российские суды оправдывают силовиков, отмечается в публикации. Самые суровые судьи в Москве: они готовы поверить лишь 1,4% заявивших о невиновности. В 2019 г. за незаконное освобождение от уголовной ответственности осудили одного

¹ См.: Брайцева Е.А. Указ. раб. С. 5.

² Издание «Проект» // lenta.ru/go/apnq. Подробнее см. на РБК: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377> (дата обращения: 15.06.2020).

человека, за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности – тоже одно¹.

Подавляющее большинство подсудимых полностью признают вину и соглашаются на особый порядок рассмотрения дела судом. В этом случае не исследуются доказательства и наказание назначается минимальное. Полностью отрицают вину лишь 4% подсудимых. Как указывает бывший генеральный прокурор России Юрий Скуратов, обвинительный уклон – «хроническая болезнь» судебной системы. По его словам, часто содержание обвинительного заключения буквально переписывается в приговор. При этом более половины дел рассматривается в особом порядке, условием которого является полное признание вины со стороны подсудимого, тогда суд не исследует доказательства и весь процесс может занять один или несколько дней. По его мнению, это возврат к временам, когда признание являлось царицей доказательств².

Актуальными являются проблемы точного определения границ служебных и процессуальных полномочий должностных лиц, представляющих сторону обвинения в уголовном процессе на досудебных стадиях. Очень часто уголовное дело начинает один следователь или дознаватель, который затем увольняется, уходит в отпуск или его привлекают к ответственности (в том числе и уголовной). Новый следователь, приняв дело к производству, не заинтересован в установлении истины по делу, т.к. оно уже заволокичено и доказательства утрачены. Нередки случаи, когда полномочия следователя или дознавателя временно возлагаются на иных лиц, не обладающих знаниями, умениями и опытом, что приводит к негативным результатам.

Нельзя забывать, что расследование уголовных дел – это не обычная работа, оказание услуг и т.п. Это ответственная государственная служба, в результате которой могут быть нарушены основополагающие права и свободы человека.

В некоторых случаях важно понять процессуальную роль судьи или прокурора в деятельности следователя или дознавателя на досудебной стадии. Особо это проявляется при избрании такой суровой меры пресечения, как заключение под стражу или санкционирование проведения обыска, разрешение на прослушивание переговоров или видеонаблюдение (в соответствии с нормами Федерального

---

¹ Преступления в цифрах: кого, за что и как судили в 2019 году. URL: <https://pravo.ru/story/215463/> (дата обращения: 15.06.2020).

² Подробнее см. на РБК: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377> (дата обращения: 15.06.2020).

закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), получение данных о телефонных переговорах, надзор за расследованием уголовных дел. Можно ли считать судей и прокуроров участниками со стороны обвинения на досудебных стадиях уголовного процесса – не ясно до сих пор.

В каждом конкретном случае необходимо убедиться, что должностное лицо из числа участников стороны обвинения действовало умышленно, а не совершало ошибочные действия по квалификации и доказанности причастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления.

Важность данной темы в том, что необходимо четко представлять себе не только участников уголовного процесса со стороны обвинения, но и понимать признаки составов преступлений против правосудия и иных охраняемых интересов, совершаемых такими участниками.

Необходимо понимать, что участники со стороны обвинения действуют не по своей прихоти, а в рамках принципа состязательности¹. Содержание принципа состязательности не означает того, как себе часто представляют участники со стороны обвинения (многие следователи, дознаватели, их руководители полагают, что на досудебной стадии уголовного процесса следует лишь изобличать виновных), а требует учета позиций международных конвенций, решений ЕСПЧ, Конституционного и Верховного Судов РФ.

Принцип состязательности сторон – основополагающий принцип уголовного судопроизводства, который обеспечивает правосудность принимаемых решений при рассмотрении уголовного дела (ст. 15 УПК РФ). Посредством рассматриваемого принципа реализуется назначение уголовного судопроизводства, а именно равная защита прав и интересов как подозреваемого в совершении преступления, так и потерпевшего. В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации принцип состязательности сторон действует на всем протяжении уголовного судопроизводства.

Однако действие данного принципа на досудебной стадии уголовного процесса не всегда соответствует его юридическому значению. По мнению Р.Г. Сердечной, принцип состязательности в стадии предварительного расследования наиболее ярко проявляется при привлечении лица в качестве обвиняемого, поскольку именно на данном этапе следователь, осуществляя функцию обвинения,

---

¹ Подробнее об участниках уголовного судопроизводства со стороны обвинения см.: Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. М., 2016. С. 320–344.

привлекает это лицо в качестве обвиняемого, и одновременно с этим ему еще до суда предоставляется возможность защищаться против предъявленного обвинения¹.

Однако в большинстве своем должностные лица – участники со стороны обвинения полагают, что имеют больше процессуальных прав, чем участники со стороны защиты, а это обстоятельство не способствует выяснению истины по уголовному делу.

При квалификации преступлений против правосудия и сопряженных с ними преступлений возникают проблемы, связанные с ошибочным пониманием уголовно-процессуальной природы деятельности должностных лиц – участников со стороны обвинения, с неверным толкованием признаков составов подобных преступлений и степенью участия в их совершении указанных субъектов². Как совершенно справедливо отмечают специалисты, многие положения, закрепленные в нормах об ответственности за эти посягательства, не могут быть адекватно поняты и приняты практикой без глубокого научного анализа соответствующих позиций в теории уголовного процесса и уголовного права. Отсутствует до настоящего времени судебное толкование по делам данной категории³.

Таким образом, актуальность данной работы заключается в едином подходе, выражающемся в рассмотрении и решении проблем, складывающихся по поводу процессуального статуса должностных лиц, участвующих на досудебных стадиях уголовного процесса со стороны обвинения, и уголовно-правовой характеристики совершаемых этими субъектами уголовного процесса преступлений против правосудия и смежных с ними деяний.

В результате совершения подобных деяний, по мнению специалистов, серьезно ущемляются интересы граждан, общества и государства и возникает опасность глубокой деформации правоохранительных органов. Как отмечают специалисты, факты нарушения закона названными категориями должностных лиц в сфере реализации указанной деятельности существенно снижают авторитет правосудия, подрывают доверие граждан к соответствующим государственным

---

¹ См.: Сердечная Р.Г. Привлечение лица в качестве обвиняемого и осуществление принципов уголовного процесса. Волгоград, 1999. С. 19.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 940–982.

³ См.: Мытарев М.В. Ответственность за преступления против правосудия, совершаемые сотрудниками ОВД: вопросы квалификации и совершенствования законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 5.

органам, стимулируют правовой нигилизм в обществе, порождают парадоксально порочную по своей сути ситуацию: правоохранительная деятельность осуществляется в нелегитимных формах¹.

Преступления против правосудия имеют бланкетные диспозиции, которые отсылают к нормам УПК РФ и ряда других федеральных законов, раскрывающих важные процессуальные понятия. Но не по всем из них прописана четкая процедура, имеются проблемные вопросы по оформлению соответствующих процессуальных документов.

До настоящего времени не решены многочисленные проблемы ответственности должностных лиц – участников со стороны обвинения за совершение преступлений против правосудия и иных преступных деяний (квалификация, дифференциация ответственности). Имеются вопросы по разграничению данных преступлений и должностных преступных деяний общего характера, а также преступлений коррупционной направленности. Таких исследований, которые посвящены уголовно-процессуальным проблемам деятельности должностных лиц – участников со стороны обвинения на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и совершаемым ими преступлениям против правосудия, а также иным связанным с ними преступлениям, до настоящего времени не проводилось.

Важно более точно определить: круг и признаки субъектов – должностных лиц, участников уголовного процесса со стороны обвинения на досудебных стадиях, их процессуальные полномочия в сочетании с должностными обязанностями; объективные и субъективные признаки составов преступлений против правосудия, которые указанные субъекты расследуют на досудебных стадиях; характер и виды причиняемого в процессе совершения подобных преступлений ущерба; правила квалификации преступлений против правосудия и смежных с ними преступлений, совершаемых указанными должностными лицами.

Нельзя сказать, что в науке уголовного процесса и уголовного права отсутствуют работы по процессуальному положению должностных лиц – участников процесса со стороны обвинения, их особому статусу, а также совершаемым такими субъектами преступлениям против правосудия и смежным с ними деяниям. По уголовному процессу можно выделить диссертационные и монографические работы таких авторов, как В.С. Джатиев, Н.Е. Павлов, О.А. Зайцев, Г.П. Химичева,

---

¹ См.: Кабашный И.Н. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов, осуществляющих уголовное преследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 3.

О.В. Химичева, О.В. Мичурина, Ю.В. Деришев и др.¹ В теории уголовного права проблемам ответственности за преступления в сфере правосудия посвящены монографические работы Ю.И. Кулешова, Л.В. Лобановой, С.А. Денисова, Т.И. Гарипова, К.Р. Идрисова и др.² Однако до настоящего момента отсутствуют работы по двум научным специальностям, сочетающие уголовно-процессуальные и уголовно-правовые аспекты преступлений против правосудия, совершаемых на досудебных стадиях участниками процесса со стороны обвинения.

Для устранения проблем, имеющих в уголовно-процессуальном и уголовно-правовом разделах, характеризующих должностных лиц – участников стороны обвинения на досудебных стадиях, совершающих преступления против правосудия и смежные с ними деяния, необходимо провести социологические исследования (опросы, анкетирование, изучение материалов конкретных уголовных дел, анализ статистики данного вида преступности и должностных нарушений соответствующих субъектов уголовного процесса).

Необходимо разработать предложения по совершенствованию соответствующих норм уголовно-процессуального и уголовного законов, а также проект рекомендаций для необходимого судебного толкования.

Таким образом, авторы полагают, что данная статья может быть положена в основу начала разработки соответствующей темы монографического исследования.

---

¹ См.: Джатиев В.С. Общая методология и современные проблемы обвинения и защиты по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Владикавказ, 1995; Павлов Н.Е. Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон: проблемы соотношения и применения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999; Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999; Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам (концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003; Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004; Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005; Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы реализации в органах внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

² См.: Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2007; Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2000; Денисов С.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002; Гарипов Т.И. Преступления против правосудия, совершаемые в досудебных стадиях уголовного судопроизводства его участниками и иными лицами: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015; Идрисов К.Р. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов предварительного расследования и суда: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007.

Мацкевич И.М.,

заслуженный деятель науки РФ,
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой криминологии и
уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина,
профессор Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
руководитель лаборатории антикриминальных
исследований в сфере энергетической
безопасности Российского государственного
университета нефти и газа (национальный
исследовательский университет)
имени И.М. Губкина,
президент Союза криминалистов и криминологов,
президент Международного фонда
правовых инициатив

Мацкевич О.В.,

к.ю.н., доцент,
доцент кафедры гуманитарных
социально-экономических дисциплин
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации

ОБНУЛЕНИЕ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ВЕРДИКТА

Проблему нуллификации уголовного закона в современной теории уголовного права поднял профессор Г.А. Есаков¹. На наш взгляд, этот вопрос незаслуженно остался без должного внимания. Предлагаем вернуться к этой теме и хотели бы высказать собственную позицию по этому важному вопросу, поскольку проблема нуллификации уголовного и уголовно-процессуального закона в действительности выходит далеко за рамки общетеоретической дискуссии о том, как быть в случаях вынесения *заведомо неправильного* (назовем это аккуратно так) приговора. (Здесь и далее курсив наш. – *Прим. авт.*)

---

¹ См.: Есаков Г.А. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей: зарубежный опыт // Социология уголовного права / Под ред. Е.Н. Салыгина, С.А. Маркунцова, Э.Л. Раднаевой. М.: ИД «Юриспруденция», 2013. С. 59.

По словам Г.А. Есакова, нуллификация уголовного закона представляет собой вынесение оправдательного решения вопреки наличию очевидных доказательств виновности подсудимого или (как иной вариант определения этого понятия) при отсутствии неустрашимых сомнений в виновности подсудимого.

Термин «нуллификация» происходит от латинского nullificatio – пренебрежение, презрение, что означает устранение действия уголовного закона в отношении конкретного лица, деяния которого профессиональный суд несомненно признал бы уголовно наказуемыми, а самого человека виновным в совершении преступления¹.

Таким образом, речь идет о вынесении не справедливого и не законного по существу, но *заведомо* (об этом термине подробнее чуть ниже) законного по формальным признакам приговора человеку, который по всем содержательным признакам (собранным доказательствам и уликам, хотя это и не определяющий фактор в контексте общего рассмотрения проблемы) виновен в совершении преступления.

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем развить содержание данного положения и назвать процессуальное понятие такого оправдательного вердикта его обнулением. Можно попробовать дать более емкое понятие – *нулевой вердикт* присяжных заседателей.

Глагол «обнулять» происходит от латинского nullus – никакой, не существующий, пустой. Одно из наиболее известных арифметических действий – это умножить на ноль, то есть аннигилировать, уничтожить. После этого результат перестает существовать (*Nota Bene! Запомним это!*).

В современном значении обнуление часто понимается в другом контексте, а именно как перезагрузка, что связано с внедрением в повседневную жизнь компьютеров. Казалось бы, чего проще, перезагрузил компьютер и начал жизнь, как говорится, с чистого листа. Однако в действительности это не так. Более того, начать жизнь с чистого листа невозможно. Вспомним, с чего начал свой президентский срок в США Барак Обама, – с перезагрузки политических отношений с Россией. И вспомним, к чему это привело, – к режиму политического давления и экономическим санкциям, которые длятся до сих пор и по своим масштабам сопоставимы с худшими временами холодной войны.

---

¹ Есаков Г.А. Указ. раб. С. 59.

К поднимаемым нами вопросам это не имеет прямого отношения, но мы настаиваем, что обнуление – это вовсе не перезагрузка. Да и перезагрузка – это вовсе не начало новой жизни. В лучшем случае перезагрузка – это начало нового этапа на новом, по идее, более высоком уровне развития (что, увы, тоже не всегда происходит). При этом, как утверждают психологи, перезагрузка в определенный момент, на том самом этапе обнуления, вызывает у человека состояние пустоты, а если человек находится в трудной жизненной ситуации (ст. 1 Федерального закона «О государственной социальной помощи»)¹, то состояние фрустрации. Такое состояние обнуления в период перезагрузки не так безобидно, как может показаться на первый взгляд, и далеко не всякий человек может это состояние пережить без серьезных психотравмирующих последствий для себя.

Для целей нашей работы принципиальное значение имеет понятие нуля. Что такое ноль? Ученые полагают, что ноль использовался с самых древних времен. Например, ноль был известен в Вавилоне в 1700–1000 гг. до н.э. Нулем оперировали индийские математики за 600 лет до н.э. При этом в Европе система арабских чисел с нулем появилась лишь в XIII в., а до этого любые числа, вплоть до сотен и тысяч, обозначались громоздким набором латинских букв. Кстати, название «арабские числа» не вполне точно обозначает происхождение правил написания чисел, поскольку арабские завоеватели сами эти числа не придумывали, а заимствовали их у индийцев.

Известная философ русского происхождения пантеистического направления Е.П. Блаватская утверждала, что ноль нельзя принимать как математическую единицу. Увлечшись тибетскими религиозными учениями, она говорила, что ноль ассоциируется с первозданной пустотой, не имеющей параметров, границ и величин. Таким образом, ноль – это идеальный параметр для описания абстрактных пространств. В ноль вкладываются понятие и суть зарождения любых вещей. Ноль – это всеобъемлющая пустота, которая принимает форму величины лишь вместе с какой-то иной цифрой, подтверждая, а иногда определяя значение и великую силу этой цифры. Известно выражение «ноль без палочки». Но с палочкой это уже 10!

Интересно, что ноль как единица измерения чрезвычайно подвижная цифра. Например, в физике ноль считался точкой отсчета,

---

¹ Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.

например в температурной шкале. Но с появлением теорий струн, астрофизики и теории относительности ноль имеет совершенно другое значение в определениях сингулярности и узлов Вселенной.

В свою очередь, в математике с помощью нуля определяются многомерные декартовы, сферические, полярные системы координат. Ноль обозначает уход в пространство отрицательных чисел. Парадоксы, связанные с невозможностью деления любых чисел на ноль, определяются как методы исследования абстрактных множеств. В математическом анализе деление на ноль – это бесконечность, которая может быть преобразована теорией пределов и описана различными образами.

Во всех этих образах и хитросплетениях цифр для нас в данном случае важно, что ноль – это не ничто. Например, деление нуля на самого себя, как и деление бесконечностей, – это, прежде всего, неопределенность¹ (*Nota Bene!*).

В ст. 345 и 346 УПК РФ определяется порядок вынесения присяжными заседателями оправдательного вердикта (так как нас интересует этот аспект проблемы, только в этом контексте мы рассматриваем нуллификацию уголовного закона, от других вопросов мы временно абстрагируемся). В ст. 346 УПК РФ дается императивное правило поведения после вынесения оправдательного вердикта: подсудимый немедленно освобождается в зале судебного заседания. Другими словами, суд на этом считается завершенным. Объяснять свое решение присяжные заседатели не только не обязаны, но даже не должны.

Статья 389.25 УПК РФ закрепляет правила отмены оправдательного приговора, вынесенного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, однако такая отмена может последовать спустя довольно серьезный временной отрезок после вынесения вердикта, и такое оправдание сопряжено с определенными трудностями процессуального порядка. Но дело даже не в этом. Речь идет о справедливости и законности, о двух понятиях, споры о торжестве которых при вынесении наказания виновному человеку, строго говоря, и породили возникновение права.

Заведомо вынесенный оправдательный вердикт виновному в совершении преступления человеку порождает неверие не в судебную систему и право, а в общие человеческие представления о добре и зле. Эти понятия являются абстрактными только до той поры, пока

---

¹ http://chtooznachaet.ru/chislo_nol.html (дата обращения: 27.04.2020).

разочаровавшийся в возможности добиться справедливости человек не становится сам орудием осуществления этой справедливости.

Присяжные заседатели дают присягу принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие, так и оправдывающие подсудимого. Следовательно, присяжные заседатели должны установить, что произошло в действительности, кто и при каких обстоятельствах совершил преступление. Подчеркнем это, поскольку, как правило, сторона защиты говорит о том, что устанавливает, что произошло в действительности, не дело присяжных заседателей. Соответственно, что важно и принципиально, приговор, постановленный на основании вердикта присяжных, должен быть обоснованным и справедливым.

Вместе с тем, и на это правильно обращает внимание И.И. Писаревский, российское законодательство исходит из того, что непрофессиональные судьи, коими являются присяжные заседатели, не должны объяснять свои решения, выраженные в виде ответов на вопросы вердикта. Соответственно, не должен этого делать и судья, постановляющий приговор, который, согласно доктрине разделения вопросов факта и права, решает только вопросы квалификации и наказания.

Складывается парадоксальная ситуация: обоснованность оправдательного вердикта присяжных заседателей не тождественна истинности. И что самое удивительное, закон это одобряет.

Данный подход поддерживается в прецедентной практике Европейского суда по правам человека. В постановлениях Европейского суда отмечается, что, в отличие от решений профессиональных судей, от присяжных заседателей не требуется приводить основания своих решений, более того, *их отсутствие* само по себе не образует нарушения права на справедливое судебное разбирательство¹.

Таким образом, в отечественной и международной судебной практике давно сложилось прецедентное понятие (примечательно, что мы упрямо отвергаем наличие в нашей системе судебного прецедента и одновременно признаем прецедентные решения Европейского суда по правам человека) *заведомо законного оправдательного приговора* виновному в совершении преступления человеку. Опасность такого прецедента заключается в большом соблазне у

---

¹ См.: Писаревский И.И. К вопросу об обоснованности приговора, постановленного на основании вердикта присяжных // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 77–83.

присяжных заседателей быть вовлеченными в процесс вынесения оправдательных вердиктов за деньги или по иным соображениям, например по политическим мотивам. При этом у них есть абсолютная гарантия, что никакой ответственности за это они не понесут (разумеется, если они не будут пойманы с поличным, да и в этом случае будет очень трудно доказать связь получения денег с вынесением оправдательного вердикта).

В комментарии к ст. 305 УК РФ (Вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта УК РФ), выпущенном под редакцией председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, говорится, что субъектами этого преступления являются судьи, а также иные лица, участвующие в отправлении правосудия: арбитражные и присяжные заседатели. «То обстоятельство, что вердикт коллегии присяжных заседателей не является итоговым судебным актом, так как на его основе обязательно должен еще быть постановлен приговор, которым и завершается производство по уголовному делу, не может служить основанием для исключения присяжных заседателей из числа лиц, подлежащих ответственности за принятие заведомо неправосудного судебного акта, поскольку и сам по себе вердикт способен порождать существенные правовые последствия: признание подсудимого виновным или невиновным (в последнем случае председательствующий в судебном заседании судья лишается возможности принять какое-либо иное решение, кроме оправдательного приговора)...»¹

Посмотрим, сколько лиц было привлечено к уголовной ответственности по этой статье. Как утверждает Н.С. Грудинин, за последние несколько лет по ст. 305 УК РФ было вынесено два обвинительных приговора². (В 2019 г., добавим, не было возбуждено ни одного дела.) Ответ, сколько обвинительных приговоров по ст. 305 УК РФ вынесено присяжным заседателям, является риторическим (конечно, риторическим может быть вопрос, а не ответ, но это так, для окраски в саркастический тон).

Предположение, что все оправдательные вердикты присяжных заседателей вынесены на совершенно законных основаниях и полностью соответствуют требованиям законности и справедливости, не очень вяжется со следующими данными.

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы X–XII (постатейный). Т. 4 / Отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017.

² См.: Грудинин Н.С. Уголовная статистика преступлений должностных лиц в сфере осуществления правосудия // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 1 (79). С. 32–37.

Оправдан бывший работник АФК «Система» А. Рула, который, по версии следователей, взорвал гранату на остановке в центре Москвы, в результате чего пять человек получили ранения.

Оправданы подозреваемые в нападении на инкассаторов в Санкт-Петербурге А. Нусимович, Г. Левинский и А. Геворкян, обстрелявшие, по версии следователей, машину, на которой полицейские перевозили 24 млн рублей. В результате двое полицейских скончались, а деньги были похищены.

Оправдан бывший владелец фабрики «Меньшевик» И. Аверьянов, который, по версии следователей, убил охранника, пришедшего вместе с судебными приставами описывать его имущество для взыскания долга в размере 3,3 млн рублей.

Оправдана О. Зеленина, заведующая химико-аналитической лабораторией НИИ сельского хозяйства Пензы, которая, по версии следователей, была пособницей преступному сообществу и имела прямое отношение к контрабанде наркотиков. О. Зеленина после оправдательного вердикта присяжных заседателей взыскала с государства 700 000 рублей компенсации за незаконное уголовное преследование.

Оправданы бывший гендиректор ФГУП «Ведомственная охрана объектов промышленности РФ» В. Подольский и исполнительный директор предприятия генерал-майор ФСБ А. Польщиков, которые, по версии следствия, фиктивно оформили в государственные организации своих родственников, нанеся, таким образом, ущерб государству не менее чем на 25,4 млн рублей. А. Польщиков обвинялся также в подготовке покушения на следователя, который расследовал уголовное дело, и также был оправдан по этому эпизоду.

Оправдан А. Бережной, который, по версии следователей, убил гражданина нетрадиционной сексуальной ориентации Р. Едалова на Курском вокзале. После оправдательного вердикта присяжных заседателей А. Бережной был осужден к одному году и 11 месяцам ограничения свободы за поби и освобожден в зале суда.

Оправдан М. Малсюенов, который, по версии следователей, убил офицера Росгвардии и директора местного частного охранного предприятия. Конфликт произошел в результате ссоры в ресторане и развивался на глазах у десятков посетителей. М. Малсюенов открыл огонь на поражение из оружия и причинил смертельные ранения охраннику С. Боровому и офицеру П. Ломакину. Оба скончались в больнице. Стоит отметить, что Малсюенов защищал

интересы некоего криминального авторитета А. Сараянца, из-за поведения которого разгорелась ссора¹.

В 2018 и 2019 гг. присяжные заседатели выносили обвинительные вердикты в 66–77% случаев. При этом количество обвинительных вердиктов на уровне областных судов в 2019 г. снизилось, а на уровне районных судов, напротив, возросло. В то же время в областных судах увеличилось количество оправдательных вердиктов, а в районных судах число оправдательных вердиктов сократилось. За второе полугодие 2018 г. районные и равные им суды отменили 20% оправдательных приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных, за первые 6 месяцев 2019 г. эта цифра достигла почти 40%².

Эти статистические данные мы оставим без комментариев, поскольку, что бы ни говорилось в пользу сокращения числа оправдательных вердиктов присяжных заседателей, это будет истолковано как предвзятое отношение к самому институту присяжных заседателей.

С.А. Насонов объясняет стабильно высокий процент оправдательных приговоров, вынесенных по итогам рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей (по его оценкам, в 2019 г. присяжными заседателями в районных судах вынесены оправдательные приговоры в 20,8% случаев, то есть по каждому пятому делу, в областных судах – 18,9%), более высоким уровнем состязательности в суде присяжных, реальным действием принципа презумпции невиновности, детерминированностью выносимого вердикта, убедительностью аргументации сторон, степенью достоверности доказательств и т.д.³

Понятно, что в действительности имеется в виду убедительность только одной стороны. Что касается степени достоверности доказательств, то она становится субъективным и даже избирательным элементом восприятия присяжными заседателями представленных им фактов. Презумпция невиновности при вынесении

---

¹ См.: Малаховский А. Оправдание и нехватка ораторских качеств: суд присяжных после реформы. <https://pravo.ru/story/218729/> (дата обращения: 27.04.2020).

² См.: Коробка Е. В суде присяжных в 100 раз выше шанс оправдания, но велик риск назначения более сурового наказания. 28 января 2020 г. <https://www.advgazeta.ru/novosti/v-sude-prisyazhnykh-v-100-raz-vyshe-shans-opravdaniya-no-velik-risk-naznacheniya-bolee-surovogo-nakazaniya/> (дата обращения: 27.04.2020).

³ См.: Насонов С. Суд присяжных в России: итоги 2019 г. и прогноз на предстоящий год. <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-v-rossii-itogi-2019-g-i-prognoz-na-predstoyashchiy-god/> (дата обращения: 27.04.2020).

оправдательного вердикта действительно торжествует, одновременно обнуляя (аннигилируя, уничтожая) принципы справедливости и законности (если их, конечно, рассматривать в неразрывной связи между собой).

Г.А. Есаков говорит о следующих признаках нуллификации: 1) нуллификация возможна только в суде с участием обывателей, которые: а) выносят решение отдельно от профессионального судьи; б) не мотивируют свое решение; 2) нуллификация происходит при очевидной виновности подсудимого; 3) нуллификация представляет собой конкретное представление о заслуженном и не заслуживающем наказании (не заслуженном), что может диссонировать с универсальностью и абстрактностью уголовного закона¹.

Наш опыт изучения практики судов с участием присяжных заседателей говорит о том, что важнейшая часть их содержательной деятельности связана с эмоциональным восприятием событий. Беда заключается в том, что они пытаются оценивать события, а не факты.

Нулевой вердикт присяжных заседателей является аннигиляцией соответствующего судебного процесса. Характерными признаками обнуления вердикта присяжных заседателей являются: а) потраченное время и деньги; б) отсутствие социальной справедливости; в) соблюдение формы закона; г) уход преступника от наказания и возмездия; д) ощущение безнаказанности у других преступников.

На наш взгляд, нулевой вердикт присяжных говорит о том, что присяжные заседатели как историческая категория участия ответственности в судебных разбирательствах давным-давно потеряла свое значение. Упорное стремление оставить этот анахронизм в судебном процессе приводит к крайне нежелательным последствиям, а именно росту так называемых досудебных соглашений о сотрудничестве между обвиняемым и прокурором (глава 40 УПК РФ). Вот против чего сегодня следовало бы направить все силы адвокатскому сообществу, а научному сообществу надо бы поддержать эти героические усилия.

Защитники нужны. Защита обязательна. Нельзя проводить ни одного следственного действия без участия защитников. Эти правила необходимо внедрить в практику так, чтобы они стали естественными для поведения любого сотрудника правоохранительных органов. Более того, эти правила следовало бы внедрять в практику административного производства. Чем чаще работник оперативно-разыскной деятельности, дознаватель, следователь будут общаться

---

¹ Есаков Г.А. Указ. раб. С. 59.

с адвокатами, представляющими интересы подзащитных, тем лучше, тем меньше будет у них соблазнов для злоупотреблений должностными полномочиями. Конечно, это не даст 100% гарантии от нарушений законов, но это обеспечит точное понимание в случае выявления таких нарушений, кто в этом виновен.

Бороться следует не за суд присяжных, а за качество и профессионализм судей, за качество и профессионализм сотрудников полиции, начиная от рядового и до высшего начальствующего состава. Предполагать, что суд присяжных поможет улучшить качество проведения дознания и предварительного следствия, настолько же наивно, насколько бесполезно, и даже вредно (фактически судья перестает юридически нести ответственность за результаты своей работы).

Если хирург делает плохо свою работу, его изгоняют из профессии. Никому в голову не приходит дать ему в этом случае 12 помощников. Более того, как было сказано в одном фильме, трудно себе представить даже гипотетически ситуацию, когда хирургу станут ассистировать 12 далеких от медицины людей, которых набрали случайным образом из соседних с больницей домов. Почему в ситуации, когда в суде решаются судьбы, как правило, большого числа людей (помимо подсудимого есть еще потерпевшие и их родственники), это отдается на откуп случайным людям?

Представим себе, что хирург по совету общественного помощника (медицинского присяжного заседателя) провел неправильную операцию, в результате чего пациент умер. Кто за это будет отвечать? В УК РФ есть ст. 235, в которой предусмотрена ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности. Получается, что мы наказываем за непрофессионализм в медицине и поощряем непрофессионализм в юриспруденции.

Почему допускаются случаи вынесения заведомо законного неправильного оправдательного приговора человеку, виновному в совершении преступления, за что опять-таки по закону никто не несет никакой ответственности? По мнению Г.А. Есакова, нуллификация, не будучи правом присяжных, является риском системы уголовной юстиции. С этим риском, по его словам, смирились даже противники подобной практики¹.

Извините за каламбур, риск смирения с практикой нулевых вердиктов нам представляется неоправданным и ничем не обоснованным риском.

---

¹ См.: Есаков Г.А. Указ. раб. С. 70.

Зайцев О.А.,

*заслуженный деятель науки РФ,
д.ю.н., профессор,
главный научный сотрудник отдела уголовного,
уголовно-процессуального законодательства;
судоустройства
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ*

Епихин А.Ю.,

*д.ю.н., профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и
криминалистики юридического факультета
Казанского федерального университета*

Мишин А.В.,

*к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и
криминалистики юридического факультета
Казанского федерального университета*

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СУДЕЙ И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Обеспечение безопасного рассмотрения и разрешения уголовного дела судом является одной из гарантий отправления правосудия. Решение вопроса о виновности (невиновности) и назначении уголовного наказания может осуществляться только в форме судебного разбирательства с соблюдением установленных процедур, выполнение которых строго обязательно. В этой связи создание надлежащих условий для исполнения своих процессуальных обязанностей и реализации прав для защиты законных интересов всеми участниками уголовного процесса полностью отвечает назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ)¹.

---

¹ Подробнее см.: Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 35. С. 92–99; Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 77–81 и др.

Угрозы и иные формы противодействия законному участию граждан в уголовном судопроизводстве могут иметь место на всем протяжении процесса, в том числе и в ходе судебного заседания. Полагаем, что именно на этом этапе происходит активизация угроз и иных форм преступных актов устрашения свидетелей и потерпевших. В практике были случаи оказания такого воздействия не только на свидетелей или потерпевших, но и в отношении судей, прокуроров, следователей, защитников. В связи с этим безопасность жизни, здоровья и иных благ участников процесса должна быть обеспечена правовыми средствами как гарантия конституционных положений. Перспектива возможного оказания воздействия на участников будущего судебного разбирательства, по нашему мнению, должна прогнозироваться судьей уже в стадии назначения уголовного дела к слушанию. При этом, как представляется, в подобной ситуации могут быть два варианта:

– меры безопасности ранее не применялись, и сведения об угрозе получены судьей при решении вопросов, связанных с подготовкой дела к судебному разбирательству;

– меры безопасности в отношении участников производства по уголовному делу уже были приняты в досудебном производстве¹.

Такая обязанность судьи установлена в ч. 3.1 ст. 227 УПК РФ: «В случае, если с уголовным делом поступило постановление о сохранении в тайне данных о личности участника уголовного судопроизводства, судья принимает меры, исключающие возможность ознакомления с указанным постановлением иных участников уголовного судопроизводства»². Обратим внимание на то, что данное предписание относится к уже ранее принятым мерам безопасности в ходе досудебного производства. То есть вариант реализации этой нормы судьей при назначении дела к слушанию предполагает наличие соответствующих сведений в материалах уголовного дела о применении уголовно-процессуальных и иных мер безопасности дознавателем или следователем в период предварительного расследования.

Отметим, что кроме мер безопасности, указанных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, судья вправе принять решение о применении

---

¹ Подробнее см.: Зайцев О.А. Особенности государственной защиты участников уголовного судопроизводства в ходе подготовки к заседанию в суде первой инстанции // Российское правосудие. 2019. № 4. С. 64–70.

² Введена на основании Федерального закона от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Собрание законодательства РФ. 30.12.2013. № 52 (часть I). Ст. 6997.

дополнительных мер безопасности на основании Федерального закона № 119-ФЗ¹. Так, в ч. 2 ст. 16 данного законодательного акта установлено, что «меры безопасности применяются на основании письменного заявления защищаемого лица или с его согласия, выраженного в письменной форме...».

Предписания закона обязывают судью, получив информацию от участника процесса о возникшей угрозе его безопасности, дать письменное указание в адрес органа, осуществляющего меры безопасности, о проверке этого заявления. Срок такой проверки установлен не более трех суток. После этого указанным органом выносится решение о применении мер безопасности или об отказе в их применении. В случае экстренности такое решение должно быть принято немедленно.

Обязанность обеспечения мер безопасности на основании решения судьи возложена «на органы внутренних дел Российской Федерации, органы федеральной службы безопасности, таможенные органы Российской Федерации по уголовным делам, находящимся в их производстве или отнесенным к их ведению, а также на иные государственные органы, на которые может быть возложено в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществление отдельных мер безопасности» (ч. 3 ст. 3 Закона № 119-ФЗ).

Отметим специфику обеспечения безопасности участников судебного разбирательства: реализация мер безопасности осуществляется органами внутренних дел, органами федеральной службы безопасности, таможенными органами, дислоцированными территориально в месте, где находится защищаемое лицо (ч. 4 ст. 3 Закона № 119-ФЗ).

Из перечня уголовно-процессуальных мер безопасности, установленного в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, в ходе судебного производства могут быть реализованы:

- закрытое судебное заседание (п. 4 ч. 1 ст. 241 УПК);
- допрос в суде без оглашения подлинных данных о личности свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК).

Помимо указанных средств, по нашему мнению, закон не исключает возможности применения и иных защитных способов обеспечения безопасности в судебном заседании:

---

¹ Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. 23.08.2004. № 34. Ст. 3534 (далее – Закон № 119-ФЗ).

– возможность использования видео-конференц-связи (ст. 278.1 УПК РФ);

– ограничение доступности сведений о защищаемом лице;

– продолжение процесса сохранения в тайне сведений, относящихся к процессу обеспечения безопасности защищаемого лица;

– оборудование в судах специальных помещений для допроса защищаемых лиц вне их визуального наблюдения (с применением специальных технических средств, комплексов, изменяющих тембр голоса допрашиваемого);

– применение видео-конференц-связи с удаленным доступом подсудимого;

– изменение внешних данных защищаемого лица с помощью средств, скрывающих и маскирующих его лицо, фигуру, телосложение и рост;

– оглашение ранее полученных в досудебном производстве показаний и просмотр видеозаписи допроса защищаемого лица при неявке по вызову суда (с согласия стороны обвинения и защиты);

– рассмотрение уголовного дела при закрытых дверях;

– проведение досмотра всех участников уголовного процесса в целях недопущения доставки в судебное заседание оружия и иных преступных средств;

– ограничение свободного доступа посторонних лиц, не являющихся участниками процесса;

– исключение возможности узнавания защищаемого со стороны посторонних лиц в судебном заседании путем проведения частично закрытого судебного заседания на основании п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ (при условии оставления в зале суда только защищаемого участника процесса) и др.¹

В современных условиях противодействия угрозам расследования и судебного рассмотрения уголовного дела особое значение проявляется в криминалистическом сопровождении процессуальной деятельности, в том числе в судебных стадиях уголовного судопроизводства².

Полагаем, что использование криминалистических знаний о применении мер безопасности в судебном заседании существенно

---

¹ См.: Мишин А.В. Охрана прав и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: учебное пособие. Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. С. 84–87.

² См.: Епихин А.Ю., Мишин А.В. Сохранение в тайне данных о личности защищаемого лица в уголовном деле: процессуальный и криминалистический аспекты // Тактико-методические особенности расследования экономических и иных преступлений. Казань, 2018. С. 23–30.

повысит эффективность судопроизводства и по этой причине становится актуальным самостоятельным направлением развития научных положений современной криминалистической теории. В этой связи практически значимым представляется дальнейшая разработка тактики судебных действий, в ходе которых реализуются меры безопасности защищаемых лиц.

Тактика процессуальных действий, сопряженных с использованием уголовно-процессуальных мер безопасности в судебном разбирательстве, имеет свои особенности, принимая во внимание организационно-тактические условия, которые сопровождают безопасное участие защищаемых лиц и выполнение ими процессуальных обязанностей.

По нашему мнению, до начала процесса обеспечения безопасности субъект доказывания должен установить сведения об объективности и реальности угрозы применения противоправного воздействия в отношении участника процесса. Следовательно, тактически важно уделить особое внимание планированию и подготовке действий, которые позволят создать возможности для эффективного сотрудничества объекта угрозы со следователем (судом).

Криминалистическое сопровождение судебного разбирательства предполагает организацию и применение оперативно-тактических комбинаций, связанных с реализацией мер безопасности защищаемых лиц, в том числе с преодолением противодействия уголовному правосудию. Считаем, что эти комбинации можно представить в виде тактического комплекса уголовно-процессуальных и внепроцессуальных действий, направленных на решение перечня тактических задач по обеспечению безопасности участников процесса. При разработке и осуществлении оперативно-тактических комбинаций, связанных с обеспечением безопасности защищаемых лиц в судебном производстве, суд согласовывает их с подразделениями правоохранительных органов (МВД, ФСБ, Управления Федеральной службы судебных приставов и др.), которые призваны оказывать ему содействие посредством оперативного сопровождения осуществления данной комбинации¹.

---

¹ Подробно см.: Епихин А.Ю., Мишин А.В. Криминалистическая деятельность по обеспечению права на безопасность участников судебного производства по уголовному делу // Современные проблемы защиты прав человека в судебной и прокурорской деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 20–21 апреля 2017 г.) / Под ред. В.М. Бозрова, Е.Р. Ергашева. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. Ч. 1. С. 23–29.

На наш взгляд, перспективным представляется криминалистическое исследование типичных судебных ситуаций, которые сопряжены с оказанием противоправного воздействия на участников судебного процесса. Это позволит, в свою очередь, «разработать теоретически обоснованные криминалистические рекомендации для судей, а также иных должностных лиц правоохранительных органов, направленные на разрешение в ходе уголовно-процессуально-го доказывания тактической задачи по обеспечению безопасности участников процесса. Такие рекомендации могут быть представлены в виде альтернативных программ (алгоритмов) как комплексов тактических средств по оптимальному разрешению указанных судебных ситуаций»¹.

В заключение отметим, что использование криминалистических рекомендаций по применению мер обеспечения безопасности защищаемых лиц в судебных стадиях по уголовному делу создает необходимые условия для их эффективного содействия правосудию.

---

¹ Там же. С. 27.

Победин А.В.,
*д.ю.н., профессор,
начальник кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России*

**ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТИМУЛИРОВАНИЯ
ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПОЛОЖЕНИЯМИ ГЛАВЫ 31 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ)**

Невзирая на отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК), в частности в ст. 6, какого-либо упоминания о публичном назначении уголовного судопроизводства, уголовный процесс в традиционном отечественном понимании был и всегда останется деятельностью, направленной в первую очередь на защиту общества от преступности. Этот аспект назначения уголовного процесса наиболее тесно связан с «внешней» его функцией, состоящей в реализации норм материального уголовного права. Конечно, реализация уголовного закона посредством уголовного судопроизводства может осуществляться по-разному. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК) в последнее время наполняется средствами договорного характера, неизбежно проецируемыми на уголовный процесс. Однако, формулируя такие «сделочные» нормы в УК, законодатель, если ему не отказывать в здравом смысле, должен предполагать, что договоренности, обусловленные в том числе и положительным посткриминальным поведением, могут состояться только с лицом, и в самом деле совершившим преступное деяние. Законодатель, формулируя уголовно-правовые нормы, априори исходит из несомненной доказанности посредством уголовно-процессуальных процедур факта совершения деяния лицом, в отношении которого применяются меры, предусмотренные УК. В этом смысле УПК обязан содержать надежные процедуры, гарантирующие правильное установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (увы, в настоящий момент эффективность реализации уголовного права сильно страдает от договорных уголовно-процессуальных форм, зачастую снижающих стандарты доказывания до недопустимо низкого уровня).

Однако влияние уголовного права на уголовно-процессуальное право как форму своей реализации состоит не только в подразумеваемом императивном требовании истинного установления тех обстоятельств, абстрактная форма которых используется в УК. Уголовное право само содержит средства, обеспечивающие безупречную реализацию процессуальной формы. Одно из основных средств такого характера – ответственность, предусмотренная за преступления против правосудия, качество которого иногда в решающей степени обеспечивается эффективностью и законностью досудебного производства.

В данном случае вопрос о безупречном соотношении уголовного и уголовно-процессуального закона стоит так же остро, как во всех других случаях взаимных отсылок материального и процессуального права¹.

В противном случае участники уголовного судопроизводства не ощущают должного уровня возможной ответственности за нарушение требований уголовно-процессуального закона, а уголовный закон попросту «бьет по ложным целям» или применяется с прямыми нарушениями.

Ясно, что в таких ситуациях УК не только не стимулирует участников уголовного судопроизводства к правомерному поведению в рамках уголовно-процессуальных отношений, но и формирует у них стремление воспользоваться слабостями уголовного закона или разрушает уважительное отношение как к УК, так и к УПК.

Обратим внимание, что УК зачастую не успевает за УПК, хотя и тот и другой закон изменяются с явно неразумной частотой.

1. Так, например, в главе 31 УК ряд составов преступлений по-прежнему сформулирован с использованием несуществующего с 2001 г. участника уголовного процесса – «лица, производящего дознание». Во-первых, не все специалисты склонны распространять данное в п. 7 ст. 5 УПК понятие «дознателя» на должностное лицо, производящее проверку сообщения; во-вторых, дознанием теперь не считается выполнение неотложных следственных действий. С учетом этих обстоятельств применение ряда статей главы 31 УК (ст. 298.1, 300, 302 и др.) в отношении должностного лица органа дознания, осуществляющего деятельность в ходе проверки сообщения о преступлении или в ходе выполнения неотложных

---

¹ См.: Павлов Н.Е. Уголовно-процессуальное право и уголовный закон: проблемы соотношения и применения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

следственных действий, попросту невозможно, даже если занять более чем спорную позицию о тождественности понятий «дознатель» и «лицо, производящее дознание».

Можно привести и другой (2013 г.) пример отставания УК от уголовно-процессуального закона. В ч. 1.1 ст. 144 УПК предусмотрено, что участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК. При этом в ст. 161 речь идет о неразглашении данных предварительного расследования, равно как и в ст. 310 УК РФ ответственность предусмотрена именно за это. Таким образом, привлечь участников проверки сообщения о преступлении за неразглашение данных предварительного расследования, увы, не получится.

2. Нельзя признать эффективным стимулированием средствами уголовного закона правопослушное поведение тех участников уголовного судопроизводства, процессуальный статус которых предполагает дачу ими показаний.

Во-первых, в ст. 307 и 308 УК не учтено, что показания, согласно ч. 2 ст. 74, ст. 76–80 УПК, – это сведения, сообщенные исключительно на допросе¹ подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, потерпевшим, экспертом и специалистом. Действительно, среди ученых бытует мнение, что показания могут быть даны и в ходе иных следственных действий (предъявления для опознания, проверки показаний на месте)². Однако УПК выражает позицию законодателя безапелляционно точно и в целом обоснованно: в ходе указанных следственных действий используются познавательные приемы, принципиально отличающиеся от приемов допроса и очной ставки.

В этой связи стремление правоприменителя, опираясь на ч. 5 ст. 164 УПК, предупреждать об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК (за дачу заведомо ложных показаний, отказ от дачи показаний), участников процесса, в них перечисленных, в ходе производства иных, кроме допроса и очной ставки, следственных действий – это не что иное, как доведение до указанных участников ложной информации о возможной уголовной ответственности³.

---

¹ Надо полагать, что и на очной ставке, поскольку таковая генетически по используемым познавательным методам является разновидностью допроса.

² Будников В.Л. Показания в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 40.

³ Автор настоящей статьи еще в 2005 г. предлагал внести в ст. 307 и 308 УК изменения, предусмотрев для свидетеля и потерпевшего уголовную ответственность за отказ от дачи и дачу заведомо ложных не только показаний, но и иных объяснений в рамках уголовного судопроизводства.

Во-вторых, уголовная ответственность за отказ от дачи показаний предусмотрена только для свидетеля и потерпевшего (ст. 308 УК). Представляется, что отказ эксперта или специалиста от дачи показаний как не влекущий уголовную ответственность необоснованно приравнен по степени общественной опасности к отказу от дачи указанными лицами заключения.

Известно, что эксперт может быть допрошен только об обстоятельствах, входящих в предмет экспертизы (ч. 2 ст. 205 УПК)¹, следовательно, его допрос может происходить только после проведения им экспертизы и дачи заключения. Соответственно, и отказ его от разъяснения им же сформулированного заключения по степени общественной опасности должен приравниваться к отказу от дачи показаний свидетеля. Также следовало бы решить и вопрос об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний специалиста, если он дает показания для разъяснения своего ранее высказанного мнения в ходе производства следственного действия либо в заключении, полученном по вопросам защитника или сторон в суде (ч. 4 ст. 80 УПК)². От уголовной ответственности специалиста за отказ от дачи им показаний по обстоятельствам, требующим специальных познаний (еще один вариант получения показаний специалиста – ч. 4 ст. 80 УПК), следовало бы воздержаться по тем же причинам, что и от уголовной ответственности за отказ от дачи заключения эксперта (в том числе и по причине его возможной некомпетентности³ или целесообразности привлечения к иному виду ответственности).

В-третьих, вовсе без внимания законодателя (как на уровне уголовно-процессуального, так и уголовного закона) остались вопросы стимулирования к даче правдивых показаний некоторых участников уголовного судопроизводства, процессуальный статус которых предусматривает дачу показаний.

Речь идет, например, о законных представителях и представителях потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика. Невзирая на производность процессуального статуса этих участников от представляемых ими лиц

---

¹ В иных случаях он может быть допрошен в качестве свидетеля.

² Заметим, что по невнятной причине в ч. 4 ст. 80 УПК дача показаний специалистом для разъяснения заключения, полученного по вопросам других участников процесса, кроме защитника, не предусмотрена. Мало того, невзирая на само наименование ст. 307 УПК, в ее диспозиции не предусмотрена уголовная ответственность специалиста за дачу заведомо ложного заключения.

³ См.: Григорьев В.Н., Леонов С.И., Победкин А.В. Расспрос как познавательный метод в уголовно-процессуальном доказывании. М.: МИИ, 2011. С. 67.

(ч. 3 ст. 45, ч. 3 ст. 55 УПК), очевидно, что право давать показания может быть реализовано только представителем и законным представителем лично¹. Однако уголовно-процессуальный закон умалчивает о таком источнике доказательств, а возможность допроса их в качестве свидетеля противоречит их самостоятельному процессуальному статусу. Это косвенно подтверждает и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, явно корректируя уголовный закон: законный представитель как несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, так и лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, допрашивается в качестве свидетеля только при его согласии и об уголовной ответственности предупреждается только за дачу заведомо ложных показаний². Ясно, что такие разъяснения относительно статуса свидетеля весьма сомнительны. Представляется, что исправить положение могли бы комплексные изменения в УПК и УК, предусматривающие самостоятельный источник доказательств – показания законного представителя и уголовную ответственность за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний таким участником, с учетом положений ст. 51 Конституции Российской Федерации. Также необходимо установить в УПК и правила допроса представителя, дифференцировав их в зависимости от того, выполняет ли функцию представителя адвокат или иное лицо, а также учитывая интересы того участника судопроизводства, которого он представляет. С этих позиций следует решать вопрос и об уголовной ответственности представителя за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний.

Близкая проблема просматривается и с показаниями гражданского истца и гражданского ответчика, процессуальный статус которых также предусматривает дачу ими показаний (п. 5 ч. 4 ст. 44, п. 5 ч. 2 ст. 54 УПК). Могут иметь место случаи, при которых статус гражданского истца или гражданского ответчика не совпадает с

---

¹ Странно, что применительно к законному представителю его право давать показания предусмотрено только, если он является законным представителем несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого и только в судебном разбирательстве (ст. 428 УПК).

² См.: О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум Верховного Суда) от 1 февраля 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4; См.: «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 7.

процессуальным статусом иных участников (потерпевшего, обвиняемого), и в таком случае вопрос о виде формируемых показаний и о стимулировании их правдивости уголовно-правовыми средствами должен решаться синхронизированными изменениями в УК и УПК.

3. С точки зрения уголовно-процессуальной формы небыло бы удивительно и изменения 2013 г. в ст. 308 УК, которыми сделана попытка усилить публичность уголовного судопроизводства за счет введения уголовной ответственности потерпевшего за уклонение от участия в ряде следственных действий.

Во-первых, неясно, по какой причине к числу преступного поведения не отнесено уклонение потерпевшего от участия в иных следственных действиях (например, в предъявлении для опознания, проверке показаний на месте, следственном эксперименте)?¹

Во-вторых, почему речь идет не об отказе, а именно об уклонении потерпевшего от прохождения освидетельствования, производства в отношении его судебной экспертизы (когда оно является обязательным согласно УПК), предоставления образцов для сравнительного исследования?

Судя по всему, прямой отказ потерпевшего от производства указанных процессуальных действий уголовную ответственность не влечет, а является основанием лишь для применения в отношении него принуждения, возможность которого в УПК, между тем, прямо не предусмотрена (аналогия же в уголовном процессе не предполагает применения прямо не предусмотренного принуждения).

Логично было бы предусмотреть уголовную ответственность и за отказ, и за уклонение потерпевшего от производства следственных действий, участие его в которых представляется необходимым при производстве по уголовному делу.

4. Явно стимулируют к преступной деятельности и снижению эффективности уголовного судопроизводства отдельные примечания к статьям главы 31 УК.

Некоторые из них находятся в системе поощрительных норм уголовного права, имеющих и оборотную сторону: они могут стимулировать продолжение преступного поведения, хотя и направлены на предупреждение преступлений². В главе 31 УПК к такой норме,

---

¹ Как отмечалось выше, в ходе этих процессуальных действий не формируются показания, равно как в ходе освидетельствования, уклонение от которого потерпевшего законодатель принял решение криминализировать.

² Курилов С.И. Поощрительные нормы Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, направленные на предупреждение преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

например, относится примечание к ст. 307 УК, согласно которой свидетель, потерпевший, эксперт, специалист или переводчик освобождаются от уголовной ответственности, если они добровольно в ходе досудебного производства или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявили о ложности данных ими показаний, заключения или заведомо неправильном переводе. Данное примечание прямо стимулирует указанных участников направить предварительное расследование по ложному следу (а на истинный впоследствии не всегда удастся и выйти), имея ресурс, позволяющий избежать ответственности, который может быть задействован вплоть до вынесения приговора.

Другие основаны на неверном толковании конституционного положения, согласно которому никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом (ч. 1 ст. 51 Конституции). Речь о примечании к ст. 316 УПК, которое гласит, что лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником. В данном случае законодатель основывался на неверном толковании термина «свидетельствовать» рядом достаточно противоречивых решений Европейского суда по правам человека и согласных с ними авторов¹, которое состоит в том, что право не свидетельствовать против самого себя освобождает от принуждения к предоставлению любой (а не только вербальной) самоизобличающей информации. Свидетельствовать в конституционно-правовом смысле – сообщать вербальную информацию устно или письменно в рамках любого юридического производства. И уж, конечно, положения ст. 51 Конституции РФ никак не могут стать основанием для активных общественно опасных действий, какими бы родственниками преступника они ни совершались.

Уголовный закон должен стимулировать участников уголовного судопроизводства к правомерному поведению в рамках процессуальной формы, в том числе и средствами главы 31 УК. Однако в случае асинхронности уголовного и уголовно-процессуального закона результат можно получить только обратный.

---

¹ См.: Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Рос. юстиция. 2003. № 2. С. 34.

Плешаков А.М.,

*д.ю.н., профессор,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ПРИНУЖДЕНИЕ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПЫТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЖИВОТНЫХ

В соответствии с российским уголовным законодательством преступлением против правосудия является принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля к даче показаний с применением пытки (ч. 2 ст. 302 УК РФ). Субъект этого преступного посягательства – специальный. Такие действия может осуществлять следователь или лицо, производящее дознание. Субъектом преступления может быть и другое лицо, которое, однако, пытается потерпевшего с ведома или молчаливого согласия представителя власти, то есть следователю или дознавателю достоверно известно (они уведомлены или согласны), что к человеку применяется пытка.

Пытка является квалифицирующим составом истязания (ч. 2 п. «д» ст. 117 УК РФ). Истязать – значит жестоко обращаться, мучить, заставлять терпеть боль, пытать¹. В объективно-нормативном плане под пыткой понимается систематическое причинение физических или психических страданий путем насильственных действий. В субъективном отношении такое деяние может совершаться для достижения одной из альтернативных целей: для понуждения к даче показаний, к иным действиям, противоречащим воли человека; для наказания; для иных целей (примечание к ст. 117 УК РФ).

Истязание и пытка как уголовно-правовые понятия различаются не только по названию, но и по содержанию. Истязание обладает более широким диапазоном действий, поскольку может совершаться и без применения пытки. Соответственно, пытка – это лишь одна из форм истязания.

В свою очередь, пытка имеет повышенную степень физических или психических страданий. Действия при пытке характеризуются более высоким уровнем насыщенности, изощенности и

---

¹ См.: Даль В. Толковый словарь живого великого русского языка. Т. 2. М., 1989. С. 61.

мучительства¹. Интенсивность пытки, то есть ее напряженность, может в значительной мере повышаться при использовании силы и энергетического потенциала представителей фауны, например за счет постоянных и болезненных укусов животных. В подобных ситуациях различные биологические особи (грызуны, насекомые, собаки и др.) выступают как орудие или средство совершения насильственного преступления.

Понятие пытки является универсальным международно-правовым понятием. Определение этой юридической категории частично имплементировано в российский уголовный закон из Конвенции ООН от 19 декабря 1984 г.² Международный документ запрещает применение пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Эта Конвенция в 1987 г. была ратифицирована Советским Союзом³.

В соответствии с указанной Конвенцией под пыткой понимается любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, как физическое, так и нравственное. Целями пытки является стремление достичь любого из пяти альтернативных результатов:

- получить сведения или признания от того, которого пытаются, или от третьего лица;
- наказать за действие, которое совершило какое-либо лицо или третье лицо;
- наказать за действия, в совершении которых лицо подозревается;
- запугать или принудить пытаемого или третье лицо;
- любая другая цель (причина), основанная на дискриминации любого характера.

Как видим, международно-правовое понятие пытки в субъективном плане (в целеполагании) регламентируется более подробно, чем в российском уголовном законодательстве. Однако каких-либо принципиальных различий не наблюдается. Детальное определение пытки Конвенцией ООН в отечественном уголовном законе вполне компенсируется использованием терминов «иные» (действия, цели).

Общие объективные и субъективные признаки принуждения подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля к даче показаний с применением пытки (ч. 2 ст. 302 УК РФ) охватываются

---

¹ См.: Иванова В.В. Преступное насилие. М., 2002. С. 44.

² См.: Уголовно-исполнительное право: сборник нормативных актов. М., 1997. С. 35.

³ См.: Международные акты о правах человека. М., 2000. С. 226.

более широкими и детальными международно-правовыми установлениями о целях причинения страданий. Это может быть стремление получить сведения или признание от кого-либо (например, о совершении преступления); запугать или принудить лицо к совершению каких-либо действий (например, подписать протокол); наказать за что-либо (например, за предыдущий отказ от дачи показаний). При любом варианте пытка сама по себе воздействует на сознание человека, на восприятие им действительности и на его волю. При пытке нет свободы выбора, нет самостоятельности в принятии решения, нет собственного волеизъявления.

В современной российской судебно-следственной практике принуждения к даче показаний с использованием животных не зафиксировано. Однако это не значит, что подобные ситуации являются гипотетическими. На наш взгляд, они, к сожалению, могут возникнуть и в будущем. Такой вывод основан на историческом опыте и прецедентах предыдущего преступного поведения.

Яркой иллюстрацией этого положения, разумеется, с поправкой на историческую и международно-правовую адаптацию является пример, описанный А.И. Солженицыным. В XX веке в системе ГУЛАГа применялись пытки с использованием животных. Достаточно интенсивно пытали подследственных (подозреваемых, обвиняемых) и осужденных (заключенных). Это пытка клопами, которая на тюремном сленге называлась «клопаной бокс». В своем художественном исследовании А.И. Солженицын описывал, что подследственного или заключенного раздевали и помещали в тесный дощатый шкаф, где его уже поджидали голодные насекомые. Тысячи клопов моментально обрушивались на жертву, переползая со стен и падая с потолка. В первые минуты человек боролся с ними, душил на себе и на стенах, задыхаясь от вони. Однако через несколько часов сопротивление ослабевало, и заключенный безропотно давал себя пить. Для этой пытки использовали так называемых постельных клопов с колюще-сосущим ротовым аппаратом. При нападении самец за один раз выпивает крови столько же, сколько весит сам, а самка высасывает в два раза больше. В таком боксе человека держали сутки или более, и он за это время терял много крови. Истязание клопами сочеталось с пыткой бессонницей. У человека возникал озноб от большой потери крови, а затем, когда ему не давали спать и пить, пересыхали оболочки глаз, язык распухал от жажды и глотательные спазмы раздирали горло.

Подобное сочетание пыток, как отмечал писатель, мутит разум, подрывает волю, человек перестает быть своим «я». Заключенный

действует наполовину бессознательно или вовсе бессознательно, так что за его показания на него уже нельзя обижаться¹.

А.И. Солженицын достаточно кратко упоминал и о такой форме истязания, как пытка муравьями². Чтобы наказать заключенного за что-либо, его раздевали догола, связывали, лишали возможности двигаться и помещали в муравейник. В условиях России для такой пытки можно использовать только рыжих лесных муравьев из отряда перепончатокрылых.

Другой исследователь, Ж. Росси (француз, который провел в ГУЛАГе более 22 лет), рассказывал о пытке комарами. В лагерях на Соловецких островах такое истязание для получения сведений или наказания называлось «выставить на комарики»³. В летнее время, когда на Севере жарко, человека раздевали до пояса, привязывали к столбу и оставляли на несколько часов для бесконечных болезненных атак неисчисляемой рати комаров и других кровососов – жгучих мокрецов, мошек, слепней, известных под общим названием «гнус».

Объем выпитой крови у 70 комаров-пискунов примерно равен рациону 4000 мокрецов. Самка слепня за один раз высасывает до 200 миллилитров крови, то есть столько же, сколько и 100 комаров. Подобная пытка «комариками» с большой потерей крови у человека, который слабеет и теряет сознание на какое-то время, была мучительным и трудно переносимым испытанием. Заключенный, как правило, говорил и выполнял все, что от него требовали.

Применительно к современному уголовному праву, принуждение к даче показаний с применением пытки в случае причинения легкого вреда здоровью с использованием животных дополнительной квалификации по ст. 115 УК РФ не требует. Все содеянное охватывается ч. 2 ст. 302 УК РФ. В ситуациях причинения вреда здоровью средней тяжести (ст. 112 УК РФ) также не требуется квалификации по совокупности с анализируемым преступлением против правосудия. Однако если в результате пытки с использованием животных причиняется тяжкий вред здоровью, то содеянное должно оцениваться по ч. 2 ст. 302 УК РФ и ч. 2 п. «б» ст. 111 УК РФ (с мучениями для потерпевшего). В случае умышленного причинения смерти с использованием животных в процессе применения пытки содеянное необходимо квалифицировать по ч. 2 п. «д» ст. 105 УК РФ (с особой жестокостью) и по ч. 2 ст. 302 УК РФ.

---

¹ См.: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Малое собр. соч. в 7 т. М., 1991. Т. 5. С. 102–109.

² Там же.

³ См.: Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу в двух частях. Часть I. Изд. 2-е, допол. М., 1991. С. 162.

Денисова А.В.,

*д.ю.н., доцент,
главный научный сотрудник
отдела научного обеспечения прокурорского
надзора и укрепления законности в сфере
уголовно-правового регулирования,
исполнения уголовных наказаний и иных мер
уголовно-правового характера
НИИ Университета прокуратуры РФ*

ЧАСТЬ 3 СТАТЬИ 299 УК РФ И ИНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Преступления против правосудия, закрепленные главой 31 УК РФ, выполняют задачу не только уголовно-правовой охраны интересов правосудия от преступных посягательств, но и уголовно-правового гарантирования соблюдения законности на всех процессуальных стадиях, охраны прав и свобод различных категорий граждан, защиты проводимой государством политики и интересов общества.

Одной из таких мультизадачных норм в системе преступлений против правосудия является ч. 3 ст. 299 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконное возбуждение уголовного дела, совершенное в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекшее прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба. Данная норма появилась в уголовном законе в декабре 2016 г. с целью сокращения рисков ведения предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации и формирования условий для создания благоприятного делового климата в стране. Суть предлагаемых поправок сводилась к усилению уголовной ответственности должностных лиц правоохранительных органов за совершение действий, повлекших необоснованное уголовное преследование предпринимателей и прекращение ими хозяйственной деятельности. Авторы законопроекта указывали на несоответствие прежних санкций данной статьи характеру и степени общественной опасности содеянного, подчеркивали, что предусмотренные статьей наказания были намного мягче, чем в иных нормах Особенной части Уголовного кодекса

Российской Федерации, устанавливающих ответственность за преступления против правосудия. Особую озабоченность у авторов законопроекта вызывали случаи, когда уголовные дела возбуждались не в отношении конкретных предпринимателей, а по факту совершения преступления. Такие дела расследовались в течение нескольких месяцев, а затем прекращались, что нередко приводило к частичному или полному разрушению бизнеса.

В связи с этим новая редакция ст. 299 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает в части первой максимальное наказание в виде семи лет лишения свободы. Частью второй этой статьи теперь предусматривается повышенная ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности как в случае, если оно соединено с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, так и в случае, если оно повлекло причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия.

Согласно новой части третьей данной статьи ответственность должностных лиц правоохранительных органов наступает в случае незаконного возбуждения уголовного дела, совершенного в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности, если указанное деяние повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба. Кроме того, в новой редакции у статьи появилось примечание, согласно которому крупным следует признавать ущерб в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей.

В пояснительной записке к данному законопроекту подчеркивалось, что принятие соответствующего закона позволит обеспечить условия для исключения возможности давления на бизнес с помощью механизмов уголовного преследования. Однако уже в процессе принятия возникло множество вопросов к законопроекту. Эксперты указывали на то, в новеллах не был конкретизирован субъект преступления, предусмотренного частью третьей ст. 299 Уголовного кодекса Российской Федерации. Из дословного текста третьей части статьи следует, то субъектом данного вида преступления может быть только должностное лицо, вынесшее незаконное и неотмененное прокурором постановление о возбуждении уголовного дела. При этом под действие части третьей ст. 299 УК РФ не подпадает деятельность по проверке сообщения о преступлении, проведенная без достаточных оснований органами дознания и следствия, которая может включать получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, изъятие их, назначение судебной экспертизы, производство

документальных проверок, ревизий и может причинить предпринимателю крупный ущерб, учитывая, что в соответствии со ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации эта деятельность может продолжаться до 30 суток.

Кроме того, конструкция введенной новеллы требует доказывания заведомой незаконности возбуждения дела, что сделать крайне сложно, а иногда и невозможно, так как решение о возбуждении уголовного дела, по сути, лежит в оценочной субъективной плоскости. Также непонятно, каким образом факт вынесения постановления о возбуждении уголовного дела может непосредственно причинить крупный ущерб предпринимателю либо прекратить его деятельность. Представляется, что правоприменители могут столкнуться с проблемой установления причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями. Данный вопрос было бы целесообразно разъяснить на уровне Пленума Верховного Суда РФ.

Не ясно до сих пор, что следует понимать под прекращением предпринимательской деятельности – ее фактическое прекращение (приостановление) либо государственную регистрацию соответствующего решения предпринимателя. По мнению разработчиков данного законопроекта, это «частичное или полное разрушение бизнеса», что подразумевает в первую очередь фактическое прекращение (приостановление) предпринимательской деятельности в связи с незаконным уголовным преследованием предпринимателя. Данный вопрос также нуждается в разъяснениях на уровне Пленума Верховного Суда РФ, как и вопрос о видах убытков, подлежащих учету при установлении крупного ущерба.

А самое главное – это даже не замечания правового характера к данным новеллам, а тот факт, что они так и не стали востребованными в правоприменительной практике. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, с 2016 г. не было возбуждено ни одного уголовного дела по ч. 3 ст. 299 УК РФ, хотя прокуроры ежегодно отменяют до 20 тысяч постановлений о возбуждении уголовных дел против бизнесменов¹.

Практически те же самые выводы можно сделать и об иных мерах защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, предусмотренных ст. 169 УК РФ и п. 1 примечаний к ст. 210 УК РФ².

---

¹ Юрий Чайка назвал причину давления на бизнес [Электронный ресурс] // Российская газета. 07.06.2019. URL: <https://rg.ru/2019/06/07/iurij-chajka-nazval-prichinu-davleniia-na-biznes.html> (дата обращения: 25.04.2020).

² Федеральный закон от 01.04.2020 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 06.04.2020. № 73.

Мы не должны забывать о том, что одними только законодательными мерами невозможно достичь желаемого социального результата, необходимо реализовать проводимую уголовную политику государства и в иных формах – через активизацию правоприменительной практики (проведение так называемых «доследственных» проверок и возбуждение уголовных дел по ч. 3 ст. 299 УК РФ) и совершенствование системы правового воспитания как в правоохранительной, так и в предпринимательской среде. Само по себе ужесточение санкций и введение новых уголовно-правовых запретов не создает никаких стимулов для более активного выявления и расследования соответствующих преступлений.

Отметим, что, по мнению ряда исследователей¹, проблема правоохранительного давления на бизнес заключается и в том, что порой сами предприниматели стремятся использовать механизмы уголовного правосудия в спорах с партнерами и контрагентами, в конкурентной борьбе, описывая предпринимательскую деятельность и сопутствующие ей деловые конфликты в терминах уголовного права. В этой связи пока господствует идея, что участников гражданского оборота и коммерческой деятельности надо защищать от недобросовестности и упущений их контрагентов при помощи уголовно-правовых средств (а не гражданской ответственности), будет сохраняться и возможность уголовно-правового давления на бизнес.

В сложившейся обстановке в условиях преодоления последствий пандемии и глобального экономического кризиса посягательства на права и законные интересы предпринимателей представляют собой один из серьезных факторов угрозы экономической безопасности Российской Федерации, подрыва делового и инвестиционного климата страны. Поэтому так важно продолжать развивать систему уголовно-правовой охраны предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации не только на законодательном, но и на правоприменительном уровне, существенным образом изменив практику работы правоохранительных органов, активизировав надзорную деятельность органов прокуратуры, осуществляя правовое воспитание как в правоохранительной, так и в предпринимательской среде.

---

¹ Обзор Центра стратегического развития «Проблема правоохранительного давления на бизнес: ложные посылки, бесперспективные и альтернативные предложения» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/uploads/2017/06/Report-10.04.17.pdf> (дата обращения: 26.04.2020).

Карагодин В.Н.,

*заслуженный юрист Российской Федерации,
д.ю.н., профессор,
директор Екатеринбургского филиала
ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета
Российской Федерации»*

СИТУАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ, СОВЕРШАЕМЫХ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ

Специфика расследования преступлений отдельных видов, как известно, обуславливается их криминалистической характеристикой. Элементы криминалистической характеристики рассматриваемого вида имеют определенные отличия. Так, в обстановке совершения подобных деяний важное значение приобретают не пространственно-временные, а организационно-правовые, психологические элементы. Организационно-правовой компонент охватывает установленный и сложившийся в данном следственном органе порядок досудебного производства, осуществления процессуального контроля за ним.

Установленный порядок регламентируется нормами уголовно-процессуального закона, организационно-распорядительных актов учреждений предварительного расследования и прокурорского надзора. Однако предписания названных норм на местах дополняются, изменяются, полностью или частично не соблюдаются. В результате в отдельных органах, подразделениях формируется сложившийся порядок, отличающийся от установленного.

Психологический элемент охватывает отношение сотрудников следственного органа к установленному порядку. Не секрет, что в ряде следственных подразделений сложилось негативное отношение к соблюдению требований полноты и объективности, разумных сроков проверки сообщений о некоторых видах преступлений. Вследствие такого отношения в ряде случаев выносятся необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом лица, выносящие, оставляющие в силе такие постановления, нередко исходят не из объективной оценки собранных данных

о наличии признаков преступления, а представлений о возможности его раскрытия.

Определенным своеобразием характеризуются и свойства личности субъектов преступлений анализируемой группы. В первую очередь среди них должны быть выделены уровень правосознания, взгляды и представления о возможности нарушения некоторых или любых требований установленного порядка. По этим качествам могут быть выделены следователи, считающие возможным отказ от исполнения нормативных предписаний, неисполнение которых не влияет на установление обстоятельств предмета доказывания. В частности, некоторые следователи не осматривают предметы, направляемые на экспертизу, а составляют протокол осмотра «задним» числом, после проведения экспертного исследования. Иногда такие процессуальные документы оформляются в отсутствие понятых, подписи которых поддельваются. Аналогичным образом некоторые следователи не считают обязательным направлять извещения заинтересованным физическим и юридическим лицам в случаях, предусмотренных действующими предписаниями. К материалам досудебного производства прилагаются копии извещений или документы, содержащие ложные сведения об уведомлении заинтересованных лиц.

Отдельную группу образуют следователи, считающие допустимым нарушения в строго определенных или любых ситуациях.

Следователи обладают определенной профессиональной квалификацией, знаниями и умениями, позволяющими им с разной степенью успешности скрывать совершаемое (совершенное) преступление против правосудия и уклоняться от ответственности после его обнаружения. Нельзя не отметить, что большинство следователей любых ведомств – это молодые люди, характеризующиеся окончательно не сформировавшимся мировоззрением. Негативные нравственные качества у субъектов преступлений также выражены в различной степени. Способы преступлений анализируемой группы различаются по структуре и содержанию. Подготовка некоторых из таких преступлений отсутствует или сводится к минимуму. Так, она фактически отсутствует при подлоге уведомлений о разного рода фактах, действиях.

Минимальна и подготовка способов преступлений, основу которых составляет фальсификация одного процессуального документа. Так, дознаватель полиции фальсифицировал протокол допроса свидетеля, не проводя данного следственного действия. Он составил

протокол, изложив в нем показания на основе объяснений свидетеля на стадии возбуждения уголовного дела. Подготовка к этому делу заключалась в сборе сведений о личности свидетеля, которые отсутствовали в материалах уголовного дела, изучении и пробных попытках воспроизведения подписи свидетеля.

К реализации сложных способов, основу которых составляет фальсификация информации о преступлениях, в действительности не совершавшихся, или о причастности к реально совершенному или инсценированному преступлению невиновного, требуется более серьезная подготовка.

Необходимо отметить, что в криминалистике фальсификации и инсценировки традиционно рассматриваются как приемы и способы сокрытия преступления¹. Исследования же указанных действий как элементов способа совершения преступлений против правосудия практически не проводились.

Представляется, что указанные операции могут быть отнесены к числу манипулятивных, оказывающих скрытое воздействие с целью совершения ими желаемых субъектами преступления поступков. Подобное воздействие оказывается на представителей стороны защиты, иных участников судопроизводства, чтобы добиться от них подтверждения ложной версии следователя. Направлено оно и на субъектов процессуального контроля, прокурорского надзора, правосудия, чтобы добиться от них признания достоверной фальсифицированной следователем информации, а его выводов – обоснованными и законными.

Своеобразием характеризуется и механизм слеодообразования преступлений данного вида. Значительная часть следов их совершения образуется в документах, в том числе электронных. С определенными сложностями связан процесс получения вербальной информации о такого рода преступлениях. Свидетели из числа коллег следователей, руководствуясь чувствами корпоративной солидарности, в ряде ситуаций не склонны к даче объективных показаний. Другие свидетели, опасаясь мести со стороны подозреваемых (обвиняемых), также дают недостоверные показания.

К началу расследования нередко возникают сложные ситуации, характеризующиеся наличием сведений, являющихся основанием

---

¹ См.: Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1979. С. 237–242; Лузгин И.М., Лавров В.П. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение. М., 1980. С. 10, 19–23, 28–36; Образцов В.А., Бертовский Л.В., Бертовская Н.Л. Фикции в криминальной и оперативно-розыскной практике. М., 2019. С. 239–260.

для равновероятных выводов как о наличии, так и об отсутствии состава преступления в действиях известного следователя. Эти ситуации могут осложняться противодействием названного субъекта, полностью или частично отрицающего свою вину и заявляющего о соблюдении закона. Некоторым из них удается уничтожить материальные носители информации о содеянном, и они заявляют о том, что совершали правомерные действия. Например, следователь незаконно прекратил уголовное дело и уничтожил его. На стадии возбуждения уголовного дела и первоначальном этапе расследования подозреваемый утверждал, что прекратил уголовное дело на законных основаниях и сдал его секретарю.

В подобных ситуациях восстанавливаются материалы досудебного производства, для чего исследуются базы данных компьютеров, которыми пользовался следователь, сведения контрольных производств, допрашиваются подозреваемые (обвиняемые), потерпевшие, другие участники расследования, в ходе которого совершено преступление, у названных и других субъектов изымаются процессуальные документы и т.п. По восстановленным материалам реконструируются действия, являющиеся элементом способа преступления против правосудия. Фактические данные об этом могут быть получены как от участников следственных и иных действий, в ходе которых формировалась ложная информация, так и из других источников.

Уместно отметить, что проведение оперативно-разыскных мероприятий по делам указанной категории сопряжено с преодолением серьезных трудностей при получении доступа к источникам искомой информации и ее извлечением. В некоторых проблемно-конфликтных ситуациях подозреваемые (обвиняемые) не отрицают совершения подлога, но заявляют, что он не является фальсификацией и не носит преступного характера. Так, вышеупомянутый дознаватель признал составление подложного протокола допроса свидетеля. Поскольку же в нем содержались достоверные сведения, исходящие от свидетеля, названный субъект не считал свои действия преступными. Позиция обвиняемого нашла поддержку в суде, который признал его невиновным, так как его действия не повлекли причинения существенного вреда. В подобных ситуациях доказывание подложности процессуальных документов требует установления недостоверности сведений не только об обстоятельствах предмета доказывания, но и об источниках, процедуре, времени и участниках их получения.

Не менее сложные ситуации возникают на последующих этапах расследования. В некоторых пособиях преувеличиваются трудности преодоления противодействия обвиняемых из числа следователей. При преодолении противодействия обвиняемых необходимо учитывать не только их профессиональные, но и другие качества. Гораздо большей спецификой, по нашему мнению, отличается решение таких задач последующих этапов расследования, как установление всех участников преступления и их ролей. Действия некоторых из соучастников следователя весьма своеобразно отражаются в окружающей действительности, что требует разработки и реализации специальных приемов и методов.

В настоящей публикации рассмотрены далеко не все особенности расследования преступлений рассматриваемого вида. Они обусловлены особенностями действий, явлений, свойств личности, обобщенные данные о которых содержатся в криминалистических характеристиках преступлений данного вида, а также специфическими условиями ситуаций, формирующихся на разных этапах расследования.

Жилкин М.Г.,
*д.ю.н., доцент,
начальник кафедры уголовного права и
криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

НЕИСПОЛНЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ВСТУПИВШЕГО В СИЛУ СУДЕБНОГО АКТА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Одной из особенностей уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности является то, что некоторые из них совершаются только должностными лицами, когда сама форма совершения этого преступления повторяет содержание других, более общих уголовно-правовых запретов, но в силу специфики видового объекта этих преступлений – отношений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности – выделяется в отдельный состав преступления.

Так, в ч. 2 ст. 169 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена уголовная ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности при наличии вступившего в законную силу судебного акта.

Данная норма является специальной по отношению к злостному неисполнению представителем власти, государственным служащим, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ч. 2 ст. 315 УК РФ), поэтому такие действия (а чаще бездействие) должны квалифицироваться только по ч. 2 ст. 169 УК РФ. Справедливости ради следует сказать, что данная позиция хотя и разделяется большинством исследователей, но имеет противников, которые полагают, что в этом случае имеет место идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 169 и ст. 315 УК РФ¹.

---

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 444.

Однако дискуссия о разрешении конкуренции этих норм не является предметом нашего исследования. Нас интересует специфический, преюдиционный, характер основания уголовной ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности.

Верховный Суд РФ разъяснил, какие документы, принятые судами, относятся к судебным актам¹. Они могут быть облечены в форму судебного приказа, решения, постановления, определения. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в ходе досудебного и судебного производства предусматривает вынесение таких судебных актов, как постановление судьи (суда) или определение суда, а также приговора.

Приговором мирового судьи <...> осужден по ч. 2 ст. 169 УК РФ за то, что он, занимая должность начальника <...>, в установленный период воспрепятствовал законной предпринимательской и иной деятельности <...>, неправомерно отказав директору <...> в выдаче удостоверения курсов подготовки водителей автотранспортных средств, перевозящих опасные грузы. Незаконность отказа в выдаче специального разрешения подтверждена вступившим в законную силу решением Арбитражного суда, от исполнения которого указанное должностное лицо уклонилось².

Таким образом, особенностью ч. 2 ст. 169 УК РФ является ее применение при наличии вступившего в законную силу судебного акта. В соответствии со ст. 90 УПК РФ решения по конкретным гражданским и арбитражным делам, рассмотренным в том числе по искам, касающимся отмены отказа уполномоченного органа по осуществлению государственной регистрации, являются преюдиционными³. Как указал Конституционный Суд РФ, преюдиционность позволяет избегать повторного исследования фактических обстоятельств при рассмотрении уголовного дела, если они уже установлены в судебном акте в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства⁴. Такая форма признания доказательств без

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

² Приговор мирового судьи судебного участка № 3 Ленинского судебного района г. Перми от 25.05.2018 по делу № 1-5/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

дополнительной проверки значительно упрощает рассмотрение уголовного дела, экономит ресурсы органов, осуществляющих правосудие, создает дополнительные гарантии соблюдения прав участников процесса. Однако на практике это законоположение не всегда соблюдается.

В рассматриваемом аспекте показательным является пример решения Арбитражного суда Нижегородской области, удовлетворившего требование о признании незаконным и отмене решения Межрайонной инспекции ФНС РФ № 6 по Нижегородской области.

<...> 7 ноября 2012 г. заявителем в регистрирующий орган было представлено заявление по форме Р13001 с пакетом документов для государственной регистрации юридического лица в связи с внесением изменений в сведения о юридическом лице относительно места нахождения (места регистрации) организации. Решением от 14 ноября 2012 г. регистрирующий орган отказал заявителю в государственной регистрации юридического лица, сославшись на подпункт «д» пункта 1 статьи 23 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», мотивировав свой отказ тем, что заявление подписано неуполномоченным лицом <...>.

Исследовав и оценив представленные в материалах дела доказательства, учитывая, что заявителем на государственную регистрацию представлены все предусмотренные Федеральным законом № 129-ФЗ документы, при этом по смыслу приведенных положений названного закона достоверность представляемых для государственной регистрации документов и их соответствие законодательству обеспечивается самим заявителем, который, подписывая заявление о государственной регистрации, подтверждает указанные обстоятельства, принимая во внимание, что решение участников общества от 2 ноября 2012 г. заинтересованными лицами не оспорено и в установленном законом порядке недействительным не признано, суд пришел к выводу об отсутствии у регистрирующего органа оснований для отказа в государственной регистрации изменений, вносимых в сведения о юридическом лице, что в соответствии с ч. 2 ст. 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации влечет удовлетворение заявленных требований.

Ссылка налогового органа в письменном отзыве на заявление о фиктивности и недостоверности сведений об адресе (месте нахождения) организации ООО <...> в связи с отсутствием постоянно действующего исполнительного органа юридического лица и заявителя по адресу, указанному в заявлении, учредительных и иных документах, представленных для государственной регистрации, судом не принимается, поскольку

не относится к рассматриваемому делу, так как принятию оспариваемого решения регистрирующего органа послужило иное основание¹.

Во исполнение решения арбитражного суда Межрайонная инспекция ФНС России № 6 по Нижегородской области провела государственную регистрацию изменений по документам, представленным ООО <...>.

После этого генеральным директором ООО <...> 7 июня 2013 г. в ОМВД России по Кстовскому району Нижегородской области было подано заявление о привлечении к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 169 должностного лица Межрайонной ИФНС России № 6 по Нижегородской области, виновного в нарушении ч. 2 ст. 23 Закона государственной регистрации² и незаконно отказавшего в регистрации юридического лица. По результатам проверки указанного заявления старшим оперуполномоченным ОЭБ и ПК ОМВД России по Кстовскому району Нижегородской области 17 июня 2013 г. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления. Впоследствии заявитель обратился с жалобой в Кстовский городской суд о признании незаконными действий органов дознания, отказавших в возбуждении уголовного дела, а после отказа в приеме жалобы ввиду отсутствия предмета разбирательства – в Нижегородский областной суд с апелляционной жалобой на незаконное решение суда первой инстанции, который также возвратил жалобу заявителю ввиду отсутствия предмета судебного разбирательства, обосновав свое решение тем, что обжалуемое заявителем постановление уже отменено прокурором. В обосновании своей апелляционной жалобы заявитель указал, что незаконные действия органа дознания выразились в проведении проверки заявления о совершенном преступлении без соблюдения требований ст. 90 УПК РФ, а именно выразились в отказе от признания преюдиции судебного решения, принятого в порядке гражданского судопроизводства³.

В данном деле обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 169 УК РФ за отсутствием состава преступления, при предварительно установленном в суде факте незаконности отказа в государственной регистрации юридического лица, выглядит по меньшей мере необоснованным. Арбитражный суд, по сути, предоставил

---

¹ Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 17.04.2013 по делу № А43-350/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

³ Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 23.10.2013 по делу № 22-6594АП/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

органам, на которые возложена обязанность проведения доследственной проверки заявления о преступлении, возможность действовать оперативно для проведения дальнейшего выяснения обстоятельств дела и установления вины лиц, причастных к описанному событию в рамках возбужденного уголовного дела. Однако правоохранительная машина сработала в режиме «торможения» и не выполнила качественно возложенную на нее задачу. Учитывая, что преступление, предусмотренное ст. 169 УК РФ, относится к преступлениям небольшой тяжести и сроки давности с момента совершенного преступления исчисляются двумя годами, такой подход ведет к необоснованному затягиванию дела и существенно снижает его судебную перспективу. Во-вторых, в рассмотренном деле заявитель справедливо указал на то, что правоприменитель проигнорировал норму ст. 90 УПК РФ о судебном прецеденте, что указывает на возможное умышленное совершение лицом, производящим дознание, преступления против правосудия.

Таким образом, необходимо констатировать, что заявления о вступившем в законную силу решении суда в рамках арбитражного судопроизводства, свидетельствующего о факте неправомерного отказа в государственной регистрации, при поступлении в правоохранительные органы должны приниматься соответствующими должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, без дополнительной проверки.

Неисполнение должностным лицом обязанностей, предписанных вступившим в законную силу судебным актом (например, о государственной регистрации юридического лица), при доказанности вины является безусловным основанием привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 169 УК РФ.

Борисов С.В.,

*д.ю.н., доцент,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Чугунов А.А.,

*к.ю.н., заместитель начальника
кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕУВАЖЕНИЕ К СУДУ

Преступления против правосудия характеризуются многообъектностью, что, в частности, присуще и действиям, запрещенным ст. 297 Уголовного кодекса Российской Федерации¹, заключающимся в неуважении к суду, выраженном в оскорблении участников судебного разбирательства (ч. 1) либо лиц, участвующих в отправлении правосудия, – судьи, присяжного заседателя или иного лица (ч. 2). Данные действия нарушают интересы правосудия посредством противоправного воздействия на его участников, наделенных определенным властным или иным процессуальным статусом².

Именно правовое положение потерпевшего придает оскорблению многообъектный характер, повышает общественную опасность деяния и отличает его от аналогичного административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Отметим, что ранее оскорбление частного лица также являлось преступлением, влекущим ответственность по ст. 130 УК РФ, но в 2011 г. данная статья была признана утратившей силу, а соответствующее деяние переведено в категорию административных

---

¹ См.: Карабанова Е.Н. Проблемы квалификации неуважения к суду, связанные с многообъектностью преступления // Российский судья. 2017. № 6. С. 40–44.

² См.: Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / Под ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 693.

правонарушений¹. Одновременно тем же образом было декриминализовано и другое посягательство на честь и достоинство личности – клевета (ст. 129 УК РФ), однако спустя семь месяцев уголовная ответственность за данное деяние была восстановлена посредством введения новой ст. 128.1 УК РФ². Полагаем, что данное обстоятельство указывает на отсутствие научно обоснованного подхода к формированию и развитию уголовного законодательства.

В частности, при внесении указанных изменений в УК РФ не были учтены требования полноты и системности уголовно-правовой охраны общественных отношений, поскольку при исключении уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности потерпевших, не наделенных тем или иным специальным статусом, без должной защиты осталось подавляющее большинство граждан. Между тем, согласно ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина. При этом в ч. 1 ст. 21 Конституции РФ указано, что достоинство личности охраняется государством и ничто не может выступать основанием для его умаления, а в ч. 1 ст. 23 Основного закона – право каждого на защиту своей чести и доброго имени. Считаем, что реализацию данных конституционных положений без закрепления уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности нельзя признать полной и обоснованной, поскольку именно в рамках уголовно-правовых и вытекающих из них уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений возможно принятие мер к установлению виновного, обеспечению гражданского иска и реализации мер государственного принуждения, в том числе ориентированных на предупреждение совершения новых общественно опасных деяний.

По нашему мнению, общественные отношения, обеспечивающие защиту чести и достоинства личности, в настоящее время выступающие вторым, дополнительным непосредственным объектом неуважения к суду, должны являться полноценным самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны не только от клеветнических, но и от других унижающих действий, входящих в объем понятия

---

¹ См.: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

² См.: Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4330.

оскорбления. В частности, применительно к преступлению, предусмотренному ст. 297 УК РФ, данный объект посягательства имеет не меньшее значение, нежели интересы нормального осуществления правосудия, что подтверждается и складывающейся судебной практикой в части освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением штрафа.

Ч. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ, состоявшего в словесном оскорблении представителя истца в присутствии других участников судебного разбирательства гражданского дела. Он был освобожден судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, в том числе в связи с тем, что он признал свою вину, а также загладил причиненный моральный вред посредством принесения извинений потерпевшей¹.

Несмотря на то что в приведенном судебном решении указано, что посредством оскорбления представителя гражданского истца Ч. проявил неуважение к суду, тем не менее при освобождении данного лица от уголовной ответственности было признано достаточным принятие его извинений со стороны потерпевшей. То есть на первый план вышли честь и достоинство личности, а не публичный интерес в виде обеспечения надлежащего осуществления правосудия.

Отметим, что вплоть до признания ст. 129 и 130 УК РФ утратившими силу они имели значение общих норм для статей о клевете и оскорблении, совершаемых в отношении так называемых специальных потерпевших, в частности для ст. 297 и 298 УК РФ об ответственности за неуважение к суду и клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава. Именно в ст. 129 и 130 УК РФ были закреплены конститутивные признаки клеветы и оскорбления, учитываемые при применении соответствующих специальных норм. Уголовная ответственность за клевету на уровне общей и специальной норм была исключена, а затем восстановлена указанными выше федеральными законами и в настоящее время регламентирована в ст. 128.1 и 298.1 УК РФ, тогда как общая уголовно-правовая норма об ответственности за оскорбление так и не была повторно включена в главу 17 УК РФ о преступлениях против свободы, чести и достоинства личности, несмотря на сохранение специальных

---

¹ См.: Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 12. С. 26.

норм, в том числе ст. 297 УК РФ. Тем самым ключевые признаки неуважения к суду приобрели бланкетный характер, поскольку для выяснения таковых необходимо обратиться к диспозиции ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ, где оскорбление определено как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме.

В связи с тем, что в уголовном законе понятие оскорбления не раскрывается, содержание диспозиций ч. 1 и ч. 2 ст. 297 УК РФ не в полной мере отвечает требованию правовой определенности. В практической деятельности возникают вопросы относительно того, насколько обоснованно распространять признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 КоАП РФ, на составы преступлений, объективная сторона которых включает оскорбление потерпевшего, например на ст. 297 и 319 УК РФ. Прежде всего, такие вопросы касаются неприличной формы унижения чести и достоинства потерпевшего.

В судебной практике сформировался подход к толкованию ст. 297 УК РФ через призму содержания общей уголовно-правовой нормы, которой ранее являлась ст. 130, в диспозиции ч. 1 которой оскорбление определялось через указание на присущую ему неприличную форму. Кроме того, несмотря на то что в диспозициях ч. 1 и ч. 2 ст. 297 УК РФ, в отличие от ст. 319 УК РФ об ответственности за оскорбление представителя власти, не упоминается признак публичности деяния, на практике при расследовании и рассмотрении уголовных дел о неуважении к суду, как правило, устанавливают не только неприличную, но и публичную форму унижения чести и достоинства потерпевшего.

Например, В. был осужден за два преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 297 УК РФ, при этом в приговоре и апелляционном определении суда подробно обосновано наличие в содеянном обстоятельстве, подтверждающих неприличную форму и публичность оскорбления. Для этого приводятся показания свидетелей и заключение комплексной психолого-лингвистической экспертизы, в выводах которой, в частности, указано, что в исследуемых материалах содержатся выражения из воровского жаргона, непристойные слова и фразеологизмы, сниженная лексика, при этом поступок В. является запланированным, направленным на унижение адресата, совершенным публично, поскольку исследуемые материалы представляют собой административную переписку, включающую документы, копии которых адресованы третьим лицам¹.

---

¹ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 16 мая 2019 г. по делу № 10-7152/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, в диспозициях ч. 1 и ч. 2 ст. 297 УК РФ не приводятся и иные признаки, которые позволили бы отграничить соответствующие уголовно наказуемые деяния от указанного административного правонарушения, а равно от нарушений порядка в судебном заседании, допускаемых лицами, присутствующими в зале судебного заседания, за которые они могут быть удалены из этого зала или подвергнуты денежному взысканию в соответствии со ст. 117, 118, 258 УПК РФ¹. В частности, в ст. 297 УК РФ в отличие от ч. 1 ст. 298.1 УК РФ не указан такой важный признак, как связь совершаемых действий с рассмотрением дел или материалов в суде. То есть в случае применения ст. 297 УК РФ на основе буквального толкования ее диспозиций к уголовной ответственности могут быть привлечены лица, оскорбившие различных участников судебного разбирательства по личным мотивам, никоим образом не связанным с их процессуальным статусом. Во избежание формирования такой негативной практики суды прибегают к ограничительному толкованию рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

Например, в приведенном выше апелляционном определении суд, в частности, указал, что в ч. 2 ст. 297 УК РФ ответственность предусмотрена за совершение оскорбительных действий не только в ходе непосредственного проведения судебного заседания, но и за его рамками, однако при условии, что мотивы действий виновного были связаны с профессиональной деятельностью судьи, заключающейся в разрешении конкретных дел и материалов, принятии по ним промежуточных и итоговых решений.

По нашему мнению, такой подход является обоснованным и заслуживающим внимания законодателя, тем более что ст. 297 УК РФ активно применяется на практике, что с учетом выделенных проблем ее редакции потенциально связано с риском незаконного привлечения к уголовной ответственности за действия, не обладающие общественной опасностью, равно как и с возможным отсутствием необходимых мер реагирования на посягательства, фактически обладающие общественной опасностью и признаками данного преступления.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2017 г. по ст. 297 УК РФ были осуждены 181 чел. (90 чел. – по ч. 1

---

¹ См.: Боловнев М.А. К вопросу о возможности квалификации процессуальных злоупотреблений как неуважение к суду // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5–3. С. 100–102; Доброва М.В. Проявление неуважения к суду в уголовном судопроизводстве // Вестник современных исследований. 2018. № 3.1. С. 95–96.

и 91 чел. – по ч. 2 данной статьи); в 2018 г. – 133 чел. (75 чел. – по ч. 1 и 58 чел. – по ч. 2); в 2019 г. – 178 чел. (90 чел. – по ч. 1 и 88 чел. – по ч. 2). Для сравнения, по ст. 298.1 УК РФ о клевете в отношении лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, в 2017 г. было осуждено 7 лиц, в 2018 г. – 3, в 2019 г. – 9 лиц¹.

Для устранения правовой неопределенности в регламентации уголовной ответственности за неуважение к суду считаем целесообразным внести изменения не только в диспозиции ч. 1 и ч. 2, но и в название ст. 297 УК РФ. Основываясь на системности уголовного законодательства, предлагаем изложить название ст. 297 УК РФ следующим образом: «Оскорбление лица, осуществляющего правосудие, или лица, участвующего в судебном разбирательстве». Именно в оскорблении соответствующего лица заключается сущность данного преступления, именно ему причиняется моральный вред, что осознается виновным, тогда как неуважение к суду происходит опосредованно, что следует подчеркнуть в диспозициях ч. 1 и ч. 2 ст. 297 УК РФ через указание на то, что деяние совершается в связи с рассмотрением дел или материалов в суде либо с участием в судебном разбирательстве. Помимо этого представляется, что одним из криминообразующих признаков в данном случае должен стать публичный способ оскорбления, при законодательном отражении которого важно закрепить возможность совершения деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Считаем, что предлагаемые изменения ст. 297 УК РФ при их восприятии законодателем могут способствовать повышению эффективности уголовно-правовой охраны интересов различных участников судебного разбирательства, прежде всего лиц, осуществляющих правосудие. Совершенствование уголовно-правовых мер противодействия оскорблениям данных лиц также должно затронуть санкции ст. 297 УК РФ, что предполагает проведение исследования криминологического и уголовно-исполнительного аспектов данной проблемы. Кроме того, для обеспечения надлежащей защиты чести и достоинства личности считаем необходимым восстановить общую уголовно-правовую норму об ответственности за оскорбление.

---

¹ См.: сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 07.05.2020).

Боровиков В.Б.,

*к.ю.н., доцент,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
заслуженный сотрудник органов
внутренних дел*

Боровикова В.В.,

*к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

О НАКАЗАНИИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Наказания за преступления против правосудия преследуют те же цели, что и за другие деяния: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Вместе с тем, учитывая различия в круге лиц, их совершаемых, можно выделить определенную специфику названных выше целей. Так, очевидно, что цель исправления для должностных лиц правоохранительных органов, судей (соответственно, субъектов преступлений, предусмотренных ст. 299, 300, 301, 302, 303, 305 УК РФ) не является главной. После осуждения и отбытия наказания их перспективы выполнять ранее возложенные служебные обязанности являются призрачными в силу установленных федеральными законами ограничений, связанных с этой деятельностью. Поэтому на первый план выступают в отношении данной категории лиц следующие цели: восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений.

Цель восстановления социальной справедливости, учитывая пристальное внимание к деятельности правоохранительных органов и суда со стороны общественности, широких слоев населения, чему активно способствуют СМИ и Интернет, в подобных случаях становится приоритетной. Естественно, и предупреждение преступления является доминирующей целью наказания в отношении

всех категорий осужденных, включая и названных выше. Уместно в этой связи вспомнить классическое высказывание Чезаре Беккариа: «...цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же»¹.

При этом цель общего предупреждения преступлений, во многом основанная на появлении страха перед уголовным наказанием у неустойчивых в моральном плане представителей власти, осуществляющих свои функции в сфере правосудия, занимает здесь не менее важное место, чем и специальное предупреждение преступлений.

Применительно к осужденным за отдельные преступления против правосудия из числа частных лиц (например, воспрепятствование осуществлению правосудия и производства предварительного расследования – ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ; посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование – ст. 295 УК РФ; угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования – ст. 296 УК РФ; неуважение к суду – ст. 297 УК РФ; клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава – ст. 298.1 УК РФ; заведомо ложный донос – ст. 306 УК РФ; подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от показаний либо к неправильному переводу – ст. 309 УК РФ; укрывательство преступлений – ст. 316 УК РФ) в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления и личности субъекта деяния в большей или меньшей мере цель исправления осужденного наряду с другими целями наказания может быть достигнута при наличии правильно организованного процесса исполнения наказания (например, это может иметь место в отношении несовершеннолетних осужденных, виновных в воспрепятствовании осуществлению правосудия или производства предварительного расследования (ч. 1, 2 ст. 294 УК РФ), неуважении к суду (ст. 297 УК РФ), укрывательстве преступления (ст. 316 УК РФ)).

Есть и преступления против правосудия, совершаемые специальными субъектами, не относящимися к категории должностных лиц (в частности, ст. 307, 308, 313, 314, 314.1 УК РФ). Правовой статус этих осужденных различен, что и влияет на определение специфики целей наказания. Например, можно вести речь о

---

¹ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Инфра-М., 2004, С. 103.

наличии некоторых перспектив в достижении целей исправления применительно к лицам, осужденным за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ) или отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показания (ст. 308 УК РФ).

Психологические особенности этих лиц, в основе мотивов которых нередко лежат ложно понятые чувства дружбы, товарищества, морали, таковы, что процесс исправления подобных осужденных может в конечном итоге принести позитивные результаты.

Однако та же цель в отношении, например, осужденного за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ), а также уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314.1 УК РФ) уже представляется трудно достижимой, учитывая стойкие антисоциальные установки, присущие личности названных выше категорий лиц. Цель предупреждения преступлений со стороны осужденных здесь является главной.

Таким образом, специфика целей наказания в отношении осужденных, совершивших различные преступления против правосудия, должна учитываться и при конструировании санкций уголовно-правовых норм. Конечно, это обстоятельство принимается во внимание наряду с другими факторами (например, характером и степенью общественной опасности деяния, формой вины, особенностями личности и т.д.).

Как же практически должны влиять высказанные ранее положения на конструирование санкций анализируемых уголовно-правовых норм? На наш взгляд, подход здесь должен состоять в следующем. Более строгие виды наказаний целесообразно назначать с учетом различных обстоятельств уголовного дела в тех случаях, когда доминируют цели восстановления социальной справедливости и предупреждения преступлений (как правило, это имеет место в случаях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, когда субъектами выступают лица со стойкими антисоциальными установками, преодолеть которые в процессе исполнения наказания изначально очень сложно). Цель исправления как цель наказания обычно реалистична и достижима и может быть определена как приоритетная в ситуациях совершения преступлений небольшой, порой средней тяжести, когда субъект не обладает глубокой степенью нравственной испорченности личности.

Естественно, помимо специфики целей наказания, повлиявших на конструирование санкций уголовно-правовых норм, при назначении наказаний за анализируемые преступления принимаются во внимание и другие факторы, о которых шла речь ранее. Думается, особенности целей наказаний в отношении различных категорий осужденных за данные деяния не отменяют то положение, что все названные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели находятся во взаимосвязи и достижение какой-либо из них благоприятно отражается на достижении других целей. Подчеркнем мысль, что, к сожалению, это не всегда имеет место в реальной жизни. К тому же данное положение не отвергает вывод о возможной приоритетности тех или иных целей наказания при назначении его за тот или иной вид преступлений.

Необходимо также отметить, что на выбор правильного и обоснованного вида наказания влияет, конечно, и содержание диспозиции уголовно-правового запрета. Если она перенасыщена оценочными признаками, не позволяющими дать им четкое толкование и нуждающимися в уяснении, возникают сложности и у суда при назначении наказания. Появляются определенные сомнения в отношении вредоносности деяния, содержания форм вины, что отражается на вынесении судебного решения. Поэтому уменьшение, по возможности, присутствия оценочных признаков состава того или иного преступления при формулировании диспозиции уголовно-правовой нормы также способствует назначению обоснованного и справедливого наказания.

Исходя из сформулированных постулатов, полезно проанализировать и систему наказаний, назначаемых за преступления, указанные в главе 31 УК РФ. Следует обратить внимание на следующее.

Только одно преступление – посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), признается особо тяжким, влекущим строгие виды наказаний (лишение свободы на срок от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью).

В десяти случаях (ч. 4 ст. 296, ч. 1 ст. 299, ч. 2 ст. 299, ч. 3 ст. 299, 300, ч. 3 ст. 303, ч. 2 ст. 305, ч. 3 ст. 306, ч. 4 ст. 309, ч. 3 ст. 313 УК РФ) преступления против правосудия признаются тяжкими. В целом можно согласиться с законодателем с подобным подходом к определению тяжких и особо тяжких преступлений против правосудия. Вместе с тем некоторые уточнения, на наш взгляд, нужны. Так, не вполне адекватно оценивается общественная опасность

квалифицированного вида принуждения к даче показаний (ч. 2 ст. 302 УК РФ) (то есть соединенного с применением насилия, издевательств или пытки). Здесь имеет место не только грубое нарушение процесса предварительного расследования, но и серьезные посяательства на здоровье потерпевшего. Причем при квалификации содеянного применение насилия, издевательств или пытки в качестве совершения этого преступления поглощает деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 111 УК РФ, которые наказываются на срок до 8 лет лишения свободы¹. Поэтому с учетом того обстоятельства, что деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 302 УК РФ, причиняет вред различным важным общественным отношениям, охраняемым уголовным законодательством (в частности, здоровью, чести и достоинству личности), по нашему мнению, следует перевести квалифицированный вид принуждения к даче показания в категорию особо тяжких преступлений (с соответствующим увеличением минимального и максимального верхних пределов наказания в виде лишения свободы, например от 3 до 15 лет, хотя возможны и другие варианты). Нас не смущает, что максимальный размер наказания за особо квалифицированные виды злоупотребления должностными полномочиями (ч. 3 ст. 285 УК РФ) и превышения должностных полномочий (ч. 3 ст. 286 УК РФ) не превышает 10 лет лишения свободы (то есть эти так называемые общие должностные преступления признаются только тяжкими).

Злоупотребления в сфере уголовного судопроизводства могут привести к необоснованному осуждению, назначению несправедливого наказания, в том числе в виде лишения свободы, что повышает степень их общественной опасности. В этом случае, о чем мы писали ранее, основное значение приобретают цели специального и общего предупреждения преступлений при назначении наказания в отношении осужденных лиц.

По тем же основаниям, по нашему мнению, и фальсификацию доказательств по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении, а равно фальсификацию доказательств, повлекшую тяжкие последствия, а также вынесение заведомо неправосудного приговора суда к лишению свободы или повлекшую иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 305 УК РФ), целесообразно признавать особо тяжкими преступлениями.

---

¹ См.: Применение насилия. Понятия и квалификация: науч.-практ. пособие / Под ред. А.В. Галаховой. М.: РГУП, 2016. С. 266 (автор раздела – И.И. Голубов).

К категории особо тяжких преступлений, думается, надо отнести и принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо неправильному переводу, совершенное организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья свидетеля, потерпевшего или переводчика (ч. 4 ст. 309 УК РФ). Заметим, что речь идет только о принуждении, а не подкупе (здесь размер возможного наказания не вызывает подобной критики, как это касается принуждения к совершению указанных в законе действий). Именно это деяние может создать непреодолимые препятствия по достижению целей правосудия, поставить крест на перспективах привлечения к уголовной ответственности преступников из числа организованных структур.

Заниженной представляется и законодательная оценка общественной опасности ряда преступлений против правосудия, относящихся к категории средней тяжести (на сегодняшний день закон признает такими деяния, предусмотренные ч. 3 ст. 294, ч. 3 ст. 296, ч. 2 ст. 301, ч. 2 ст. 303, ч. 4 ст. 303, ст. 304, ч. 1 ст. 305, ч. 2 ст. 307, ч. 3 ст. 309, ч. 2 ст. 311, ч. 1 ст. 313, ч. 2 ст. 313 УК РФ). Вместе с тем и среди указанных деяний можно выделить те, которые по степени общественной опасности вполне следует относить к категории тяжких, например фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником (ч. 2 ст. 303 УК РФ), а равно фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

На наш взгляд, не нужны какие-либо особенные аргументы, показывающие высокую степень общественной опасности названных выше преступлений (напомним лишь, что они могут вызвать исключительно негативные последствия, страдания для жизни потерпевшего и его близких).

По нашему мнению, и отнесение к числу преступлений средней тяжести вынесения судьей (судьями) заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ч. 1 ст. 305 УК РФ) также не выглядит бесспорным решением. Представьте только ситуацию, когда от вынесения неправосудного обвинительного приговора страдает невиновное лицо, впервые оказавшееся в такой трагической для него ситуации. Для данного лица это личная катастрофа,

крушение различных планов, перспектив. Страдают и его близкие (родители, которые могут не перенести такой удар, супруг(а), дети), то есть отрицательные последствия в таком случае достаточно велики. Полагаем, это и дает право поставить перед законодателем вопрос об отнесении рассматриваемого деяния к числу тяжких преступлений. Соответственно, и санкции нормы об ответственности за это деяние должны быть скорректированы в сторону увеличения.

Удивляет и подход законодателя в части отнесения многих преступлений против правосудия к деяниям небольшой тяжести. Как минимум некоторые из них представляют значительную очевидную общественную опасность, что и обуславливает постановку вопроса об отнесении их к категории более тяжких преступлений, то есть средней тяжести.

Так, не требует особых доказательств правильность вывода о том, что преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 296 УК РФ, в принципе не могут признаваться преступлениями небольшой тяжести с учетом возможных негативных последствий для достижения целей правосудия (хотя санкции за их совершение предусматривают максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 3 и до 2 лет соответственно).

По тем же основаниям нельзя признавать преступлением небольшой тяжести и клевету в отношении указанных выше лиц, соединенную с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 3 ст. 298.1 УК РФ)¹.

Таким образом, система видов наказаний за преступления против правосудия нуждается, на наш взгляд, в определенном совершенствовании, что может позитивно отразиться на повышении эффективности в уголовно-правовой политике в сфере рассматриваемых деяний.

---

¹ Такие же аргументы можно высказать и в отношении признания клеветы, соединенной с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 5 ст. 128.1 УК РФ). По нашему мнению, данное деяние должно признаваться преступлением средней тяжести.

Габдрахманов Р.Л.,

*к.ю.н., доцент,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Журавлева Г.В.,

*к.ю.н.,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ЧАСТЬЮ 1 СТАТЬИ 299 УК РФ

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года¹ отмечается, что одними из основных угроз государственной и общественной безопасности являются преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности (п. 43 Стратегии).

В этом же документе указывается, что в целях обеспечения национальной, государственной и общественной безопасности необходимо повышать эффективность деятельности правоохранительных органов, в том числе деятельности суда и всей судебной системы (п. 45 Стратегии). В Российской Федерации государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

В разделе X «Преступления против государственной власти» УК РФ содержится глава 31 под названием «Преступления против правосудия», в которой сгруппированы преступные посягательства, посягающие на деятельность суда.

В уголовном праве понятие «осуществление правосудия» трактуется значительно шире, чем в конституционном праве (ст. 118 Конституции РФ). В уголовном праве под правосудием, наряду с деятельностью судов, понимается также деятельность других

---

¹ Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

правоохранительных органов власти, помогающих отправлению правосудия. К таким органам правосудия относятся не только суды всех звеньев, начиная от мировых судов и заканчивая Верховным Судом РФ, но и органы прокуратуры, дознания и предварительного следствия, органы и учреждения (ФСИН, судебные приставы), исполняющие вступившие в законную силу приговоры и решения судов.

Особенность преступлений, посягающих на нормальную законную деятельность судов, заключается в том, что она (деятельность) страдает от посягательств не только граждан, не имеющих никакого отношения к отправлению правосудия, но эту деятельность подрывают и сами должностные лица, на которых возложена обязанность осуществлять правосудие.

Одним из таких преступлений является привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ). Данная статья состоит из трех уголовно-правовых норм. Первые две нормы (ч. 1 и ч. 2) предусматривают ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, а третья норма (ч. 3) – за незаконное возбуждение уголовного дела¹.

Проведем анализ признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ. За последние три года в России не было зарегистрировано ни одного такого преступления. Одной из причин такого положения, на наш взгляд, является сложность в уяснении некоторых объективных признаков этого преступления. Несмотря на это, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности обладает высокой степенью общественной опасности, так как затрагивает широкий круг общественных отношений, которым причиняется вред.

Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях рассматривал вопросы квалификации преступлений против правосудия, однако не разъяснял практику применения уголовно-правовых норм, признаки преступления – привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности.

В настоящее время в науке уголовного права идут дебаты по вопросам квалификации преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ. В первую очередь проблема связана с бланкетной

---

¹ См. также: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 949.

диспозицией названной нормы, что обуславливает сложности при ее применении.

В связи с изложенным сначала рассмотрим научные основы квалификации данного преступления. Уточнение понятий «правосудие как объект преступления», «объективная сторона преступления», «момент окончания преступления», «привлечение заведомо невиновного» поможет нам уяснить суть изучаемого преступления.

Для точной квалификации преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, требуется четкое знание норм уголовного права, поскольку юридической основой квалификации любого преступления является состав преступления.

Непосредственным объектом привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности считают общественные отношения, в рамках которых осуществляется законная деятельность органов дознания и следствия. Дополнительным объектом признаются права и свободы граждан¹.

Состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, является формальным, то есть законодатель изложил диспозицию как простую, в которой называет лишь общественно опасное деяние в виде «привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности», не раскрывая иных признаков. Однако на практике применение такой нормы осложнено бланкетностью диспозиции. Ведь для уяснения сути преступления должностным лицам правоохранительных органов нужно не только знать такие сложные уголовно-правовые понятия, как «уголовная ответственность», «привлечение к уголовной ответственности», но и обратиться к уголовно-процессуальному законодательству.

Объективная сторона состава преступления (ч. 1 ст. 299 УК РФ) выражается в совершении общественно опасного деяния в виде привлечения к уголовной ответственности. Понятие «уголовная ответственность» законодательно не определено, что в свою очередь открыло широкое поле для различного толкования, как судебного, так и теоретического. В одном из постановлений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР еще в 1973 г. была предпринята попытка раскрыть понятие «привлечение к уголовной ответственности». «Под привлечением к уголовной ответственности... следует понимать процессуальный акт о привлечении лица,

---

¹ См.: Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 697.

совершившего преступление, в качестве обвиняемого, а не момент вынесения обвинительного приговора»¹.

Это судебное толкование указало на бланкетность данной нормы и взаимосвязь с уголовно-процессуальным законодательством. Уголовно-процессуальным законодательством РФ (ст. 171–172, 225, 226.7 УПК РФ) установлен порядок привлечения лица в качестве обвиняемого. Данный порядок заключается в совершении двух взаимосвязанных действий. Первое действие связано с вынесением либо составлением одного из трех процессуальных актов: постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительного акта, обвинительного постановления (ст. 171 УПК РФ). В этом процессуальном акте описываются признаки преступления, которое вменяется лицу. Только при наличии достаточных доказательств следователь выносит постановление. Второе действие связано с порядком предъявления обвинения, согласно которому следователь объявляет обвиняемому и его защитнику постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого, разъясняет обвиняемому существо предъявленного обвинения, а также его права (п. 5 ст. 172 УПК РФ).

Как видим, в этих нормах УПК РФ отмечается, что следователь не только выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, но и осуществляет порядок предъявления обвинения. Таким образом, привлечение лица к уголовной ответственности по объективной стороне заключается в совершении двух взаимосвязанных вышеназванных действий.

В теории уголовного права многие авторы считают, что состав привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности будет окончен, когда совершены эти два взаимосвязанных действия. «Если было вынесено только постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, то состав преступления не будет считаться оконченным, так как без предъявления этого обвинения привлечения еще не произошло»². Однако в литературе имеются иные мнения авторов, которые считают, что привлечение к уголовной ответственности юридически окончено с момента вынесения (составления) соответствующего процессуального акта³.

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1973. № 11.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 949, 950.

³ См.: Симоненко А.А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (статья 299 УК Российской Федерации): правовая неопределенность состава и ее преодоление // Общество и право. 2016. № 4. С. 48.

В судебной практике также нет единого применения признаков объективной и субъективной сторон преступления – привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности.

Верховный Суд РФ в своем определении от 13 сентября 2007 г. по делу Т. указал, что в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (п. 2 ч. 1 ст. 47, ст. 225 УПК РФ) обвинительный акт официальным процессуальным документом становится после его предъявления обвиняемому, поскольку в силу ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе знать, в чем он обвиняется, получить копию обвинительного акта, давать показания против обвинения. Вынесение обвинительного акта, обвинительного постановления не может рассматриваться как оконченное преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 299 УК РФ, поскольку на данной стадии возможен добровольный отказ от преступления (ст. 31 УК РФ)¹. В другом же определении (кассационном) от 19 мая 2011 г. № 80-О11-7 Верховный Суд РФ отмечает, что объективная сторона ч. 1 ст. 299 УК РФ заключается в вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Как видим, в судах выносятся различные решения об определении объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ. На наш взгляд, предпочтительной является точка зрения авторов, определяющих момент окончания преступления с момента совершения двух взаимосвязанных действий: 1) вынесения либо составления процессуального акта – постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительного акта, обвинительного постановления и 2) осуществления порядка предъявления обвинения, ознакомления обвиняемого с этим процессуальным актом с разъяснением его прав.

Несколько сложнее определить момент окончания данного преступления, когда обвиняемый не явился или скрылся от следствия и суда. Но и в этом случае считаем, что преступление будет окончено только после совершения двух взаимосвязанных действий следователя. После вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого следователь составляет еще один процессуальный акт, либо постановление о приостановлении предварительного следствия, либо отдельное постановление о розыске обвиняемого (ч. 4 ст. 210 УПК РФ).

В тех случаях, когда обвиняемый в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления скрылся от следствия и суда, он

---

¹ <https://www.zakonrf.info/suddoc/68a2ed38a435b30efda1fd9b78dc08ba/> (дата обращения: 15.06.2020).

объявляется в розыск и в соответствии со ст. 97 УПК РФ в отношении него может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, о чем составляется соответствующее постановление. Только вынесение следователем или дознавателем второго процессуального документа будет свидетельствовать о нарушении отправления правосудия, поскольку затрагиваются также интересы личности, связанные с физической свободой.

Должностные лица, уполномоченные в соответствии с законом осуществлять предварительное следствие или дознание, являются субъектами данного преступления.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в виде прямого умысла, о чем свидетельствует заведомость привлечения к уголовной ответственности невиновного. Лицо признается заведомо невиновным, если в его деянии нет состава какого-либо преступления, не установлено событие преступления. Следователю (или лицу, производящему дознание) достоверно известно о непричастности обвиняемого к вменяемому ему преступлению, но он все равно выносит постановление о привлечении лица к уголовной ответственности. Мотивы и цели для квалификации данного преступления значения не имеют.

Одним из путей повышения эффективности и единообразного применения норм, предусмотренных ст. 299 УК РФ, является совершенствование уголовного законодательства. Мы предлагаем изменить диспозицию ч. 1 ст. 299 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Незаконное привлечение лица в качестве обвиняемого...». А диспозицию ч. 2 ст. 299 УК РФ изложить в виде: «Незаконное привлечение лица в качестве обвиняемого в тяжком или особо тяжком преступлении...». Тем самым мы указываем на бланкетность этих норм и связь с уголовно-процессуальным законодательством.

Кроме этого, в целях устранения трудностей в квалификации преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, а также других норм, посягающих на правосудие, на наш взгляд, Пленуму Верховного Суда РФ следует дать разъяснения по квалификации преступления против правосудия в отдельном постановлении.

Боровиков В.Б.,

*к.ю.н., доцент,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
заслуженный сотрудник органов
внутренних дел*

Боровикова В.В.,

*к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕМЫ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ» В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ МВД РОССИИ

Среди разделов курса Особенной части уголовного права тема «Преступления против правосудия» занимает особое место¹. Связано это в первую очередь с тем, что многие уголовно-правовые нормы, включенные в главу 31 УК РФ, содержат бланкетные диспозиции. Для уяснения их смысла, как правило, необходимо знание положений уголовно-процессуального законодательства, а в ряде случаев и другого, например административного (ст. 314.1 УК РФ – Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений; ч. 1 ст. 315 УК РФ – Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта; ч. 1 ст. 303 УК РФ – фальсификация доказательств в результате оперативно-разыскной деятельности); уголовно-исполнительного (ст. 313 УК РФ – Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи; ст. 314 УК РФ – Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера).

Это обстоятельство обуславливает глубокое знание со стороны преподавателя содержания отмеченных выше норм различных

---

¹ См. также: Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / Под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 683.

отраслей российского законодательства, включая внесенные в них изменения, проблем их применения. Другое дело, надо помнить, что изложение нормативного материала и практики его реализации в жизни не должно «вытеснять» собственно уголовно-правовую «начинку» проведения учебных занятий по теме «Преступления против правосудия». Разумеется, она должна преобладать. Иначе есть опасность дублирования материала, освещаемого в процессе преподавания других учебных дисциплин.

Естественно, при организации проведения учебных занятий по названной теме курса «Уголовного права» следует учитывать и контингент обучающихся (например, для курсантов и слушателей Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования вопросы данной темы представляют профессиональный интерес и требуют более глубокого и обстоятельного рассмотрения). Поэтому нормы, содержащиеся в ст. 299 (Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела), ст. 301 (Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей), ст. 302 (Принуждение к даче показаний), ч. 2 ст. 303 (Фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником), должны быть в центре внимания различных учебных занятий по указанной теме курса «Уголовного права». Для курсантов (слушателей), которые обучаются на факультете подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции, полезны познания в сфере применения норм, предусмотренных ч. 4 ст. 303 УК РФ (Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству или деловой репутации); ст. 304 УК РФ (Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд). Безусловно, для курсантов (слушателей), обучающихся на факультете подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка, представляет актуальность изучение признаков состава уклонения от административного надзора или неоднократно несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314.1 УК РФ).

Точно так же можно вести речь об актуальности рассматриваемых тем для слушателей факультета заочного обучения – практических

сотрудников ОВД, проведение занятий с которыми позволяет выявить состояние уголовно-правовой политики в сфере противодействия преступлениям против правосудия, реального применения уголовно-правовых норм, включенных в главу 31 УК РФ.

Таким образом, с учетом специфики контингента обучающихся можно сформулировать цели изучения темы «Преступления против правосудия» на различных факультетах учебных заведений МВД России. Например, для обучающихся в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя получение знаний и навыков применения рассматриваемых уголовно-правовых норм является необходимым элементом профессиональной подготовки следователей, дознавателей, сотрудников оперативно-разыскных служб, подразделений по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

Для курсантов (слушателей), обучающихся по неюридическим специальностям (например, на факультете подготовки специалистов в области информационной безопасности, факультете подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, в Институте психологии служебной деятельности органов внутренних дел) знание положений темы «Преступления против правосудия» является важным компонентом правовой и служебной подготовки, позволяющей успешно работать по своей выпускной специальности, ориентироваться в системе ОВД, координироваться с ними в процессе будущего прохождения службы. Изучение темы «Преступления против правосудия», как и темы «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» имеет и так называемое обще-превентивное значение, поскольку направлено также и на предупреждение изучаемых преступлений со стороны собственно сотрудников правоохранительных органов.

Конечно, преподавание темы «Преступления против правосудия» предполагает и разработку соответствующего методического обеспечения. Оно может быть разнообразным, включать частные методики, мультимедийное обеспечение, использование схем, примеров из судебной и следственной практики, подготовку и решение специально подобранных уголовных казусов, групповые упражнения с выполнением ролевых функций участников уголовного судопроизводства.

Такой опыт накоплен за время существования не только нынешней кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, но и ее предшественниц – соответствующих

кафедр Московской высшей школы милиции СССР (МЮИ, МА РФ), МИ и ЮИ МВД (СССР, РСФСР, РФ). Естественно, он нуждается в осмыслении, внедрении в сегодняшний процесс преподавания уголовного права с учетом современных реалий.

Например, заслуживает внимания опыт кафедры уголовного права МВШМ МВД СССР при проведении занятий, в т.ч. и по теме «Преступления против правосудия», на базе изучения архивных уголовных дел (такой фонд существовал в УМК кафедры 1975–1979 гг.), в частности проведение выездных учебных занятий в следственных подразделениях и районных судах (из-за организационных сложностей впоследствии от него отказались, но это не означает, что он должен быть забыт). По крайней мере, в перспективе может быть реализована идея создания учебных уголовных дел, содержащих ряд уголовно-процессуальных документов, которые можно использовать на занятиях по теме «Преступления против правосудия». Отметим, что сам факт использования учебных уголовных дел создает нужную атмосферу на этих занятиях.

Еще один пример из прошлого. В бытность существования МВД СССР на кафедре уголовного права практиковалось приглашение для проведения некоторых занятий известных специалистов из других научных и учебных заведений в области отдельной уголовно-правовой проблематики или практики, из числа руководящих сотрудников правоохранительных органов. В частности, для чтения лекции по теме «Преступления против правосудия» приглашались сотрудники Верховного Суда СССР и РСФСР. Представляется, что для курсантов (слушателей), обучающихся в Институте подготовки сотрудников для органов предварительного расследования, такой опыт был бы полезен.

Полезен и опыт других учебных заведений системы МВД СССР. Например, интерес представляет опыт выездных занятий курсантов (слушателей) в суды, следственные подразделения для изучения темы «Преступления против правосудия» кафедрой уголовного права Карагандинской высшей школы МВД СССР с последующим их разбором.

По этой же теме, с посещением следственных изоляторов, исправительной и воспитательной колоний, проводились занятия кафедрой уголовного права МВШМ СССР в начале 1980-х гг.¹

---

¹ Данный опыт использовался также и при изучении курса «Исправительно-трудового права», который в те годы преподавался на кафедре уголовного права (в настоящее время данный курс преподают сотрудниками кафедры криминологии МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя).

При нынешнем уровне компьютеризации многие курсанты (слушатели) могут извлечь необходимую информацию при помощи соответствующей электронной техники. Но это не умаляет роль учебно-методического кабинета, где обучающиеся могли бы получить соответствующие методические и нормативные материалы для подготовки к учебным занятиям. Например, в этом кабинете курсанты (слушатели) могли бы получить методические рекомендации по изучению темы «Преступления против правосудия» (как и по другим темам), тезисы фондовой лекции, перечень нормативно-правовых актов, в частности УПК РФ, УИК РФ, КоАП РФ, федеральные законы от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»; федеральные конституционные законы от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», кафедральные учебники по уголовному праву и комментарии к УК РФ, сборники материалов о судебной практике¹, сборники постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам, сборники задач и альбомы-схемы по уголовному праву.

Конечно, преподаватель при подготовке к занятию по теме «Преступления против правосудия» должен предварительно изучить бланкетный материал, без которого нельзя уяснить смысл уголовно-правовой материи.

Непосредственное освещение вопросов уголовной ответственности за отдельные преступления против правосудия не является целью данной публикации. Отметим лишь некоторые моменты, которые нужно учесть при раскрытии содержания признаков составов этих деяний.

В частности, среди специалистов-теоретиков и практиков уголовного права нет четкого представления, что следует понимать под признаками объективной стороны воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ). Закон ограничивается при ее описании лишь общими формулировками. Так, неясно, что следует понимать под такими словосочетаниями, как «вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица,

---

¹ Например: Вопросы уголовного права и уголовного процесса в практике Верховного Суда Российской Федерации / Сост. В.Б. Боровиков, А.В. Галахова, В.В. Венедиктов. М.: Норма, 2012.

производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему полному и объективному расследованию дела» (ч. 2)? При такой формулировке, например, любой телефонный звонок следователю от начальника следственного подразделения, который в сердцах распекает своего подчиненного за то, что тот не проявил должного внимания к личности задержанного в качестве подозреваемого в совершении преступления, являющегося сыном высокопоставленного чиновника, будет выглядеть преступлением, предусмотренным ч. 2 ст. 294 УК РФ. То есть существует проблема отбора типичных ситуаций, при которых налицо состав данного преступления, а также определения критериев отграничения его от составов иных преступлений и правонарушений. Вполне возможно, что существует и вопрос применения ч. 2 ст. 14 УК РФ в данных случаях. Следовательно, преподавателю при проведении учебных занятий по данной теме уголовного права нужно показывать, какие возникают дискуссионные вопросы при применении ст. 294 УК РФ и какие существуют на них ответы.

Есть свои сложности и при уяснении содержания ст. 304 УК РФ (Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд). Несмотря на наличие разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (см. п. 32–34)¹ о разграничении провокации взятки и иных названных преступлений с правомерными действиями правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-разыскные мероприятия по разоблачению коррупционных деяний, читатель не может быть удовлетворен качеством данных рекомендаций. Дело в том, что сама диспозиция ст. 304 УК РФ при характеристике объективных и субъективных признаков состава этого преступления выделяет среди них только три значимых обстоятельства: 1) факт попытки передачи должностному лицу или приравненному к нему в данном случае другому лицу денег, ценных бумаг или иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера; 2) отсутствие согласия на это такого лица; 3) наличие целей искусственного создания доказательств совершения преступлений или шантажа.

---

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. А.Г. Хлебушкин. 3-е изд. М.: Проспект, 2019. С. 347–348.

Если же имеет место передача в таких целях должностному или приравненному к нему лицу указанных предметов, при условии его согласия, ответственность по ст. 304 УК РФ исключается (см. п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»). Но данное согласие должностного или приравненного к нему лица может приобретать в реальной жизни форму намека, молчаливого согласия, что зачастую трудно поддается доказыванию в процессе расследования уголовного дела. И тогда должностное лицо или другое приравненное к нему лицо может отвергнуть обвинение в совершении коррупционного преступления, а сотрудник правоохранительного органа, участник проведения оперативно-разыскного мероприятия, – стать субъектом преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ.

Таким образом, существуют проблемы применения ст. 304 УК РФ, которые целесообразно обстоятельно рассмотреть в процессе проведения учебных занятий по теме «Преступления против правосудия» (в определенной мере эту проблему можно также рассматривать в ходе занятия «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»).

Для более глубокого усвоения учебного материала полезно в качестве иллюстраций использовать данные статистики, имеющие отношение к теме «Преступления против правосудия» (например, касающиеся нарушений законности в сфере уголовного судопроизводства). Вместе с тем эти данные должны быть проверенными (в частности, заслуживают доверия данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Следственного комитета РФ, ФСИН России и т.д., иначе может сложиться искаженное представление о состоянии законности в системе правосудия). Допустима в процессе учебных занятий для подкрепления теоретических и практических выводов ссылка и на соответствующие нормативные акты МВД России. Естественно, при этом должны строго соблюдаться требования об охране государственной тайны. Как правило, такая необходимость возникает в случае приведения примеров из деятельности правоохранительных органов, которые отсутствуют в открытой печати.

В отдельных случаях в таких же целях может принести помощь контент-анализ в печатных СМИ или на соответствующих сайтах Интернета (например, достойная внимания информация

содержится в телеграмм-каналах «Соловьев.LIVE», «SILOVIKI», «Омбудсмен полиции»). Подобный метод позволяет выяснить общественное мнение о деятельности органов правосудия (в широком смысле слова), что ценно для достижения воспитательных целей учебного занятия.

Таким образом, преподавание темы «Преступления против правосудия» имеет ряд особенностей, касающихся организации, методики проведения учебных занятий. Повысить их эффективность можно, если использовать достижения современной юридической и педагогической мысли и не забывать опыт недавнего прошлого. Отметим, в частности, в МВШМ СССР вопросы взаимодействия преподавания уголовного права и уголовного процесса периодически обсуждались на совместных методических семинарах кафедр уголовного права и уголовного процесса. Польза была несомненная.

Осокин Р.Б.,

*д.ю.н., профессор,
начальник факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Кокорев В.Г.,

*ассистент кафедры уголовного права и процесса
Института права и национальной безопасности
Тамбовского государственного университет
имени Г.Р. Державина*

К ВОПРОСУ О ДОКАЗЫВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ ЗНАЧИТЕЛЬНОГО УЩЕРБА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В настоящее время большинство совершаемых преступлений в России, согласно данным официальной статистики, посягают на собственность, что обусловлено значительной дифференциацией граждан по уровню доходов и качеству жизни¹. Таким образом, сущность преступлений против собственности заключается в стремлении человека удовлетворить собственные потребности, избегая участия в процессе общественного труда (при условии, что есть возможность трудоустройства в определенном населенном пункте), который может принести заработанный им доход.

С учетом особенностей совершения подобных преступлений на законодательном уровне проводится уголовная политика по совершенствованию соответствующих норм УК РФ, в частности главы 21 «Преступления против собственности», определяющей специфику противодействия имущественным преступлениям с учетом способа их совершения виновными лицами и размера причиненного имущественного ущерба потерпевшему. Однако весьма сложно специалисты признают проблему доказывания виновности лица в совершении преступлений против собственности.

---

¹ На основании формы государственного статистического наблюдения «Единый отчет о преступности» (Форма 1-Г) за 1997–2019 гг. (по данным ГИАЦ МВД России).

В настоящей научной статье мы обратим внимание на доказывание такого квалифицированного вида хищения, как хищения с причинением значительного ущерба гражданину. Этот квалифицирующий признак состава преступления, посягающего на собственность, отражен в различных нормах: п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.5, ч. 2 ст. 159.6, ч. 2 ст. 160 УК РФ.

Обращение внимания на данный признак обусловлено, во-первых, тем, что в примечании 2 к ст. 158 УК РФ отечественный законодатель отразил, что значительный ущерб не может составлять менее пяти тысяч рублей, а также указал на необходимость учитывать в результате совершения кражи ухудшение экономического положения человека, выраженное в лишении определенных материальных благ, которое не позволит потерпевшему в полной мере реализовать те прежние материальные условия жизнедеятельности на предыдущем уровне; во-вторых, Пленум Верховного Суда Российской Федерации также указывает на данные обстоятельства при квалификации хищения по данному признаку¹.

Однако, как может свидетельствовать судебная практика, при доказывании совершения данного вида хищения высоко влияние субъективизма со стороны правоохранительных органов в силу того, что отсутствует четкость его определения. Об этом может свидетельствовать следующий пример.

Согласно приговору суда, К.А. был осужден за тайное хищение имущества у П. с причинением значительного ущерба в размере 7950 рублей. П. в судебном заседании допрошен не был. Его показания, данные в ходе предварительного следствия, исследованы судом в порядке ст. 281 ч. 1 УПК РФ. Из этих показаний следует, что, считая причиненный ущерб значительным, П. показал вместе с тем, что среднемесячный доход его семьи более 100 тысяч рублей, из них сумма обязательных платежей и расходов на питание, а также на предметы первой необходимости составляет около 50 тысяч рублей. Сведений о том, что хищение указанного имущества, не являющегося предметом первой необходимости, существенно отразилось на материальном положении потерпевшего и его семьи, в показаниях П. стороной обвинения не представлено. При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции Алтайского краевого суда указал, что отсутствуют основания для объективного вывода о причинении потерпевшему значительного ущерба в результате хищения. В этой связи суд считает необходимым исключить осуждение

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. 18.01.2003.

К.А. по квалифицирующему признаку совершения кражи с причинением значительного ущерба гражданину и квалифицировать его действия по ч. 1 ст. 158 УК РФ как простую кражу, то есть тайное хищение чужого имущества¹.

В пользу подобного варианта квалификации свидетельствуют и некоторые иные судебные решения, когда исключается квалификация по рассматриваемому нами признаку хищения имущества².

Таким образом, следует отметить, что первоначально деяние виновного лица по версии следствия квалифицируется по признаку *причинения значительного ущерба гражданину*, а в последующем переквалифицируется с учетом того, что доказательств значительного ущерба не представлено.

В то же время при технико-юридическом конструировании нормы законодатель должен, на наш взгляд, указывать термины, которые будут единообразно восприниматься правоприменителем, поэтому необходимо излагать ясно, четко и недвусмысленно какое-либо определенное понятие, отраженное в нормах права. На эти же положения неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации³.

На доктринальном уровне позиции разделились. За оставление этого признака, но за замену понятия «гражданин» на «потерпевший» указывает С. А. Рудаков в силу того, что указание в п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ термина «потерпевший» обеспечит охрану собственности независимо от ее формы, отраженной в ст. 8

---

¹ Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции Алтайского краевого суда от 28.11.2019 по делу № 22-4909/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AKDwFfJRsaZT/?regular-txt=> (дата обращения: 10.05.2020).

² Апелляционное постановление Оренбургского областного суда от 19.11.2019 № 22-3086/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/r-court=&regular-date_from=&regular-case_doc= (дата обращения: 10.05.2020); Приговор Ишимского районного суда Тюменской области от 27.11.2019 по делу № 1-118/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/FubZuaQUlqxK/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc= (дата обращения: 10.05.2020); Приговор Раменского городского суда от 24.09.2019 по делу № 1-514/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xoHlrr4v1LX/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc= (дата обращения: 11.05.2020).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2892; Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 29. Ст. 3983.

Конституции РФ¹. Однако, по мнению А. Залова, предприниматели и юридические лица являются наиболее обеспеченными с точки зрения их финансового положения, поэтому отечественный законодатель правильно отразил в уголовном законе обычных граждан как наиболее финансово незащищенных представителей общества².

В то же время Э.Р. Хакимова предлагает заменить этот признак на «значительный ущерб» в силу того, что подобный ущерб может быть причинен не только гражданам, но и иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также юридическим лицам³. Но в каждом конкретном случае требуется доказывать наличие такого признака.

По мнению Г.В. Вериной, данный признак противоречит международным и российским актам, так как нарушает равенство, и, исходя из логики, он может быть инкриминирован только при посягательстве на собственность гражданина, что также нарушает равную охрану права собственности независимо от формы собственности, поэтому она предлагает заменить его на «причинение значительного ущерба потерпевшему»⁴.

Также следует сказать, что МРОТ с 1 января 2020 г. составляет 12 130 рублей в месяц⁵, а в период принятия Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»⁶, внесшего изменения относительно минимальной суммы, с которой исчисляется значительный ущерб, причиненный гражданину в результате совершения хищения, МРОТ составлял 7500 рублей в месяц⁷. Учитывая это, представляется необходимым внести изменения в примечание 2 к ст. 158 УК РФ касательно минимальной суммы значительной ущерба. Тем не менее размер причиненного ущерба должен быть обязательно доказан следствием как с позиции объективной, так и субъективной сторон состава преступления.

---

¹ Рудаков С.А. Уголовная ответственность за кражу по российскому и зарубежному законодательству (теоретико-прикладной анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 10, 28.

² См.: Залов А.Ф. Кража с причинением значительного ущерба гражданину // Законность. 2011. № 10 (924). С. 60.

³ См.: Хакимова Э.Р. Присвоение и растрата: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 12.

⁴ Вериная Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 37.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Там же.

⁷ Там же.

При этом если относительно физического лица будет складываться единообразная практика, то касательно индивидуальных предпринимателей и юридических лиц необходимо выработать сумму значительного ущерба. Для этих целей необходимо привлечь специалистов и учесть среднестатистический доход на момент совершения кражи. Но в любом случае она должна быть не менее пяти тысяч рублей.

Таким образом, можем сделать вывод, что:

а) необходимо изложить анализируемый признак в преступлении против собственности в следующей редакции: «в значительном размере», вместо «причинения значительного ущерба гражданину»;

б) отразить в примечании 2 к ст. 158 УК РФ в качестве потерпевшего не только гражданина, но и индивидуального предпринимателя и юридическое лицо.

Также следует дифференцировать размер данного ущерба: если для физического лица его надо соотносить с МРОТ на конкретный момент времени, то применимо к индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам следует задействовать специалистов, которые выработают на основе среднестатистических доходов этих потерпевших сумму, которая будет являться значительной суммой ущерба при совершении хищения имущества.

При доказательстве данного вида хищения следует установить, что субъект преступления осознавал, что совершает хищение в значительном размере, и желал причинить ущерб собственнику в таком размере.

Кужиков В.Н.,

*к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Постоянно меняющаяся обстановка в мире и внутри страны заставляет государство постоянно совершенствовать законодательство по защите интересов общества и государства по различным направлениям внутренней и внешней политики. Среди многочисленных задач, стоящих перед страной, отдельно следует рассматривать сферу экономической деятельности¹. На сегодняшний день действует Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (в ред. от 31.12.2017 № 507-ФЗ), где в том числе предусматривается и разработка стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. Кроме этого, национальные интересы России в области экономики обозначены и в концепции национальной безопасности Российской Федерации² (Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»).

Противодействие экономической преступности приобретает особую значимость в связи с тем, что только эффективно развивающаяся экономическая политика может обеспечивать все другие важные направления развития страны³.

С учетом этого на различных уровнях государственной власти и среди предпринимательского сообщества предлагаются различные

---

¹ См.: Кужиков В.Н. Некоторые вопросы, связанные с противодействием экономической безопасности государства как неотъемлемой части предупреждения национальной безопасности // Предупреждение преступлений органами внутренних дел в свете современных угроз национальной безопасности: сборник. М.: Изд-во Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 251.

² Там же. С. 252.

³ См.: Кужиков В.Н. Обеспечение экономической деятельности государства с учетом стратегии социально-экономического развития страны // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях: сборник материалов II научно-практической конференции / Отв. ред. И.Л. Сурат. М., 2019. С. 598.

точки зрения по защите интересов предпринимателей, в том числе внесение изменений в положения статей УК РФ. В итоге многочисленные выступления представителей бизнеса привели к тому, что в уголовное законодательство были внесены поправки, в результате которых смягчены санкции и предусмотрены возможности освобождения лиц от уголовной ответственности после возбуждения уголовного дела. Такие изменения в первую очередь были приняты для создания благоприятной среды для осуществления бизнеса. Кроме этого, по другим направлениям были сокращены различные контрольно-ревизионные мероприятия. Но заметим, что предпринятые меры не привели к кардинальным и качественным изменениям в лучшую сторону.

Так же заработанные средства в России в огромных масштабах вывозятся за границу и не направляются в реальный сектор нашей экономики, без чего не может хорошо функционировать экономика любого государства и бизнесмены по-прежнему не чувствуют себя защищенными. Согласно проведенному ВЦИОМ исследованию «Бизнес в России: взгляд изнутри», опубликованному в июле 2019 г. (были опрошены 500 респондентов), более 70% российских предпринимателей оценивают условия ведения бизнеса в стране как неблагоприятные¹.

Мы в данном исследовании не будем затрагивать коррупционную составляющую в этих отношениях, что тоже оказывает серьезное влияние на защищенность бизнесменов в связи с незаконным уголовным преследованием.

Как показывает правоприменительная практика, сотрудники правоохранительных органов испытывают огромные трудности при принятии решений о возбуждении уголовных дел по таким составам преступлений. Особенностью преступлений, связанных с экономической деятельностью, является то, что преступления совершаются людьми, обладающими специальными познаниями в области экономики, финансов, бухгалтерского учета, банковской сферы и т.д.

Сообщество предпринимателей на уровне Президентского совета страны информирует государственные структуры о том, что созданные кейсы предпринимателей интерпретируются как приготовительные действия к совершению преступления. При этом дознаватели и следователи берут за основу их уставные документы,

---

¹ <https://www.audit-it.ru/news/finance/1002243.html> (дата обращения: 11.04.2020).

инструкции, бизнес-проекты и т.д. Бизнесмены считают, что всегда действовать строго по инструкциям не представляется возможным, так как предпринимательская деятельность подразумевает рискованные действия и без этого невозможно добиться успеха¹. В теории уголовного права считается, что социальная природа вины проявляется в преступном деянии и в отрицательном отношении лица к ценностям, благам, охраняемым нормами права².

По мнению бизнес-омбудсмена Бориса Титова, необходимо продолжить дальнейшее смягчение уголовного законодательства, касающегося экономических составов преступлений. Для этого он предлагает отменить в отношении предпринимателей предусмотренные в УК РФ как отягчающие вину обстоятельства: группу лиц по предварительному сговору, организованную группу и использование служебного положения при совершении экономических преступлений³. Такая позиция не выдерживает никакой критики. Понятно, что хозяйствующие субъекты сотрудничают друг с другом, конкурируют, то есть вступают в различные правоотношения. При доказанности преступных действий по различным схемам преступной деятельности, предлагается это вообще не учитывать, и физическое вменяемое лицо будет проходить по уголовному делу, как будто бы совершило преступление в одиночку. Кроме того, такая инициатива противоречит Конституции России, которая предусматривает равенство всех граждан перед законом. При поддержке таких инициатив на высшем уровне предприниматели могут оказаться в качестве привилегированных лиц по сравнению с другими гражданами, совершающими преступления другой направленности.

Основаниями для возбуждения уголовного дела по таким преступлениям могут быть сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении. При сборе материалов для проверки по экономическим преступлениям согласно ст. 144 УПК РФ на стадии предварительного расследования, сотрудники могут получить объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, назначать судебную экспертизу, получать заключение эксперта, а также уполномочены производить ревизии, исследовать документы, предметы, привлекать к участию в этих

¹ <http://www.garant.ru/news/1291339/> (дата обращения: 12.04.2020).

² Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадышова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 169.

³ <https://www.rbc.ru/society/26/12/2019/5e0469eb9a79475591aaa7c6> (дата обращения: 12.04.2020).

действиях специалистов, давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Согласно ст. 144 УПК РФ максимальный срок для принятия решения о возбуждении уголовного дела может достигать 30 суток. Даже такой срок порой является недостаточным, когда дело касается проверки огромного объема бухгалтерских, финансовых и иных документов или проверки крупных хозяйствующих субъектов экономической деятельности. Следующая проблематика – это необоснованный отказ в возбуждении уголовных дел в связи с возникшими гражданско-правовыми отношениями, которые оцениваются как обстоятельство, исключающее производство уголовно-правового характера. Представляется, что на сложившуюся ситуацию повлияли подходы государства с 1990-х гг., когда активно распространялась правовая концепция, согласно которой частные интересы должны быть выше публичных. В этих условиях действия органов дознания и следствия по разрешению различных криминальных экономических споров, вытекающих из договоров и иных сделок, стали рассматриваться как вмешательство в частные интересы, объявлялись не соответствующими праву и публично осуждались. К этому необходимо добавить, что практически все статьи, указанные в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», носят бланкетный характер и, соответственно, уголовно-правовые нормы должны применяться во взаимосвязи с другими отраслями права и подзаконными актами. В связи со сложностью для разбирательства экономических ситуаций при возникновении сомнений все трактуется в пользу подозреваемого или обвиняемого, и отказывают в возбуждении уголовного дела. Например, если хозяйствующий субъект не вернул денежные средства за товар партнеру, возникает проблематика доказывания умысла на совершение преступления. Дело не в наличии гражданско-правовых отношений, а в сложности выявления и расследования преступлений, совершаемых под видом сделки. Наличие гражданско-правовых отношений не исключает признаков преступления, так как сделка может являться не только формой регулирования имущественных отношений между субъектами экономической деятельности, но и средством совершения преступления.

Анализ ст. 144 УПК РФ позволяет прийти к выводу, что для возбуждения уголовного дела необходимо не наличие признаков состава преступления, а лишь данные, указывающие на отдельные

признаки преступления. В правоприменительной практике при наличии признаков преступления уголовные дела не возбуждаются, а проводится проверка с целью выявления лиц, совершивших те или иные деяния. При этом собираются данные о движении денежных средств, полученных по сделке, отыскивается похищенное имущество и т.д. Противоправность определяется через призму действующих законодательных требований и фактическим поведением этих лиц или деяниями конкретных лиц и наступившими последствиями. Выводы в виде заключения о нарушении действующего законодательства формируются не сотрудниками правоохранительных органов, а экспертами в различных областях знаний до возбуждения уголовного дела. Они обращают внимание на бухгалтерские и налоговые документы, материалы, связанные с инвентаризацией, ревизией и т.д.

Таким образом, с учетом вышеизложенного можно обозначить проблемные вопросы, касающиеся возбуждения уголовных дел экономической направленности, в частности:

– проверка различных видов документов, проведение ревизий может затянуться на срок более 30 суток со дня поступления сообщения о совершенном преступлении, и поэтому не всегда достаточно времени, установленного законом, для принятия правильного решения. Для решения такой проблемы предлагаем внести изменения в ст. 144 УПК РФ, в частности предусмотреть возможность в случае необходимости продлить срок проверки свыше 30 суток до получения соответствующего результата проверки, позволяющего вынести законное и обоснованное решение о возбуждении уголовного дела либо его отказе;

– исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 80 УПК РФ, назначить судебную экспертизу может лицо, в производстве которого находится уголовное дело. Однако на стадии первоначальной проверки сведений о совершенном преступлении уголовное дело еще не возбуждено, пока об этом не будет принято решение в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 145 и ст. 146 УПК РФ. В этой связи полагаем, что в рамках проведения предварительной проверки не представляется возможным назначить и провести судебно-экономическую экспертизу. Таким образом, налицо противоречие норм ч. 1 ст. 80 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в связи с чем полагаем целесообразным законодателю привести их в соответствие.

Азаренкова Е.А.,

*к.ю.н.,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Осипов В.А.,

*к.ю.н., доцент,
заместитель начальника
кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОВОКАЦИИ ВЗЯТКИ

Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ были внесены изменения в ст. 304 УК РФ. Сегодня в данной норме установлена ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. В настоящей статье речь пойдет о составной части данного состава преступления – провокации взятки.

Провокация взятки относится к преступлениям против правосудия и заключается в попытке передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа.

Данная норма отечественного законодательства фактически является «мертвой», о чем свидетельствуют статистические данные. В 2018 г. по ст. 304 УК РФ было осуждено 4 человека, в 2017 г. – ни одного; в 2016 г. – 2 человека¹. В связи с этим необходимо выявить причины, которые препятствуют применению рассматриваемой нормы на практике, и выработать предложения по

---

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.03.2020).

совершенствованию законодательства и практики его применения в исследуемой области.

В научной среде расходятся мнения относительно объекта анализируемого состава преступления. В качестве объекта называют порядок получения доказательств, установленный УПК РФ¹, общественные отношения в области отправления правосудия², отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность³. Можно согласиться с мнением А.В. Шмони́на и О.И. Семьи́киной в том, что объект данного преступления рассматривается как в широком смысле (отношения в области правосудия), так и в узком смысле (отношения в области сбора, оценки доказательств), а также наряду с основным непосредственным объектом причиняется вред дополнительному – отношениям в области охраны чести, достоинства, деловой репутации потерпевшего от преступления⁴.

Объективную сторону составляет действие, выражающееся в попытке передачи предмета взятки без ведома должностного лица или при высказанном отказе принять взятку. То есть для того, чтобы привлечь виновного к ответственности, необходимо доказать отсутствие согласия должностного лица принять предмет взятки. Сам термин «попытка передачи» вызывает вопросы у исследователей и правоприменителя. Попытка предполагает совершение какого-либо деяния, если при этом лицо до конца не может быть уверенным в успехе совершаемого действия. Так, П.С. Яни отмечает, что «попытка» представляет собой действие, которое не удалось завершить по обстоятельствам, не зависящим от лица, передающего предмет взятки⁵. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ сказано, что данное преступление признается оконченным с момента передачи хотя бы части имущества либо с начала оказания услуг имущественного характера. Возникает вопрос: не является ли толкование

---

¹ См.: Егорова Н. Провокация взятки либо коммерческого подкупа // Российская юстиция. 1997. № 8. С. 26.

² См.: Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 706.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Шмонин А.В., Семьи́кина О.И. Провокация преступлений со стороны правоохранительных органов: анализ российского и зарубежного законодательства // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 72.

⁵ См.: Яни П.С. Взгляд на проблему. Провокация взятки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. С. 95.

Верховного Суда РФ расширительным? Ведь «попытка передачи», о которой говорится в тексте закона, означает действие, направленное к достижению определенной цели и связанное с некоторым риском, неуверенностью в успехе, то есть до конца не завершенное.

Да и сам термин «провокация», как справедливо отмечает В.Н. Борков, зачастую трактуется не совсем верно. По смыслу ст. 304 УК РФ виновный ни на что не провоцирует должностное лицо, а только инсценирует получение взятки последним¹. Таким образом, можно согласиться с мнением тех авторов, которые отмечают необходимость изменения данной нормы и предлагают под провокацией взятки понимать совершение действий, создающих ложное впечатление принятия должностным лицом предмета взятки².

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснено, что должностное лицо в случае провокации взятки не подлежит привлечению к уголовной ответственности, поскольку отсутствует событие преступления.

Если же должностное лицо согласилось принять предмет взятки, его действия подлежат квалификации по ст. 290 УК РФ. В таком случае в действиях провокатора отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 304 УК РФ. Как отмечает Н. Егорова, состав дачи взятки в данном случае отсутствует, так как виновный преследовал другие цели, но и как провокацию взятки расценивать действия нельзя, потому что передача ценностей состоялась, а согласие должностного лица на передачу взятки было получено³.

Верховный Суд РФ разъяснил, что действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо на принятие предмета взятки, совершаются в нарушение ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», и без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на получение взятки не возник бы, а преступление не было бы совершено. В таком случае действия должностного лица не являются уголовно наказуемыми ввиду отсутствия состава преступления. Таким образом, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ содержится обстоятельство, исключающее преступность деяния. Некоторые исследователи не вполне согласны с таким заявлением. Так, В.Н. Борков приводит такой пример. Если

---

¹ См.: Борков В.Н. Провокация преступления: уголовно-правовая оценка действий провокатора и спровоцированного // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 68 – 74.

² См.: Яни П.С. Указ. раб. С. 95.

³ См.: Егорова Н. Указ. раб. С. 26.

совершаются провокационно-подстрекательские действия к убийству или террористическому акту, исполнитель такого преступления будет привлечен к уголовной ответственности. За соучастие в совершении этого преступления к ответственности будет привлечен и провокатор (даже несмотря на то, что он преследовал цель изобличения преступников)¹. Другие же авторы утверждают, что деяние, совершенное должностным лицом, спровоцированным сотрудником правоохранительных органов, содержит все признаки состава получения взятки. Но данное общественно опасное деяние является вынужденным (как и во всех обстоятельствах, исключаящих преступность деяния, перечисленных в главе 8 УК РФ), и без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на его совершение не возник бы.

Кроме того, следует выделить отличия провокации взятки от подстрекательства к получению взятки (если подстрекателем является не сотрудник правоохранительных органов). Подстрекательство к получению взятки представляет собой склонение должностного лица к получению предмета взятки путем уговора, угрозы или иным способом. При этом у должностного лица появляется намерение получить взятку. Как справедливо отмечает Н. Егорова, подстрекатель в данном случае стремится к созданию самого факта, а не сведений о факте². Провокатор своими активными действиями (а не уговорами) пытается передать предмет взятки. Если подстрекателю удалось склонить должностное лицо к получению предмета взятки, это говорит о том, что последний был склонен к проявлениям коррупции.

Субъективная сторона провокации взятки характеризуется прямым умыслом и специальной целью (искусственное создание доказательств совершения преступления или шантаж). Если цель, которую преследует лицо, другая (например, продвижение по службе, создание видимости решения возложенных задач), то квалификация по ст. 304 УК РФ исключается. Обязательно установление того обстоятельства, что виновному заведомо известно об отказе должностного лица принять взятку и это лицо не совершало никаких действий, свидетельствующих о таком согласии.

Субъект провокации взятки общий – вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Уголовный закон не содержит

¹ См.: Борков В.Н. Указ. раб. С. 68–74.

² См.: Егорова Н. Указ. раб. С. 26.

квалифицированных видов рассматриваемого преступления, хотя многими авторами отмечается необходимость выделения в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность лица, совершение данного преступления сотрудником правоохранительного органа. Так, А.В. Шмонин и О.И. Семькина указывают на необходимость дополнения ст. 304 УК РФ указанным квалифицированным составом, что будет способствовать защите прав граждан от произвола со стороны правоохранителей¹.

Изложенное позволяет заключить, что действующая редакция ст. 304 УК РФ не лишена ряда недостатков, устранение которых необходимо для повышения эффективности противодействия данному виду преступлений.

---

¹ См.: Шмонин А.В., Семькина О.И. Указ. раб. С. 80–81.

Денисов Н.Л.,

*к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОВОКАЦИЮ ВЗЯТКИ

В современных условиях контрактная система – важнейший инструмент повышения эффективности расходования бюджетных средств, поэтому усовершенствование законодательства в области государственных (муниципальных) закупок является актуальной проблемой современной России, цель которых – своевременное и качественное удовлетворение федеральных нужд путем приведения контрактной системы к максимальной прозрачности и эффективности, а следовательно, снижение уровня коррупции, уменьшение затрат бюджета, формирование здоровой конкуренции.

Отметим, что процесс организации и проведения государственных закупок – сложная экономическая система, состоящая из различных этапов и элементов, в числе которых определение государственных нужд, нормирование и планирование закупок, формирование и размещение заказов, заключение и исполнение обязательств по контрактам. Также сложно представить госзакупки без конкуренции, единой информационной системы (ЕИС) и электронных торговых площадок.

5 апреля 2013 г. принят актуальный на данный момент Федеральный закон № 44-ФЗ, который должен способствовать минимизации возможности использования коррупционных схем в сфере госзакупок¹. О несовершенстве данного закона говорит то, что за неполных 7 лет в него было внесено 67 поправок.

Данная проблема была и есть крайне острой. Так, каждый год сотрудники ГУЭБ и ПК МВД России выявляют все новые и новые коррупционные многоуровневые схемы, создаваемые чиновниками с целью перевода бюджетных средств в крупных размерах, предназначенных для госзакупок, в теневой сектор экономики².

---

¹ См. подробнее: Порошин С.А. Коррупция в системе государственных закупок: проблемы и пути выхода // Вопросы управления. 2013. № 2. С. 51–57.

² См.: Миронов Д. Экономическая безопасность: новые угрозы и контрмеры. URL: http://www.armsexpo.ru/news/aviation_and_space/dmitriy_mironov_ekonomicheskaya_bezopasnost (дата обращения: 15.06.2020).

Соответственно, назрела необходимость использования более широкого круга средств для противодействия данным негативным проявлениям в указанной сфере. И решением этой проблемы стало расширение круга преступных деяний в сфере госзакупок путем внесения изменений в УК РФ 23 апреля 2018 г.¹ В результате перечень преступлений коррупционной направленности, которые могут быть совершены в сфере закупок, дополнен четырьмя новыми специальными составами преступлений, которые предусматривают уголовную ответственность за коррупционные правонарушения в сфере государственных и муниципальных закупок для отдельной категории граждан, которые не являются должностными лицами или не выполняют управленческие функции в коммерческой организации: ст. 200.4 УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»; ст. 200.5 УК РФ «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок»; ст. 200.6 УК РФ «Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; ст. 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд».

Поясним, что по первым двум новым составам преступлений введена уголовная ответственность для представителей заказчика, которые не являются должностными лицами заказчика, из числа работников контрактной службы, в т.ч. контрактных управляющих и членов комиссии по осуществлению закупок; лиц, осуществляющих приемку поставленных товаров; иных уполномоченных лиц заказчика, принимающих участие в закупках (например, специальные организации, проводящие внешнюю экспертизу, и пр.). По третьей статье уголовному преследованию подлежит эксперт, уполномоченный представитель экспертной организации, а по четвертому – любое физическое лицо, совершившее правонарушение.

Остановимся подробнее на новеллах ст. 304 УК РФ. Данная статья предусматривает уголовную ответственность за совершение провокации взятки или коммерческого подкупа, иными словами, попытку передачи лицу денежной суммы, ценных бумаг, другого имущества либо услуг имущественного характера без его согласия с целью последующего создания ложного доказательства совершения

---

¹ Федеральный закон от 23.04.2018 № 99-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

преступления или шантажа. В данную статью была добавлена ответственность за провокацию коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

В качестве дополнительного объекта будут выступать отношения, которые определяются Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В качестве участников данных отношений, то есть лиц, в отношении которых могут совершаться указанные в диспозиции ч. 1 ст. 304 УК РФ деяния, могут выступать те участники, которые перечислены в диспозиции ч. 1 ст. 200.5 УК РФ. К ним относятся: работник контрактной службы; контрактный управляющий; член комиссии по осуществлению закупок; лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг; иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Рассмотрим подробнее характеристики указанных лиц.

Работник контрактной службы – это лицо, действующее на основании и в рамках положений, определенных в ст. 38 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и в приказе Министерства экономического развития РФ от 29 октября 2013 г. № 631 «Об утверждении Типового положения (регламента) о контрактной службе», и осуществляющее обеспечение деятельности контрактного управляющего.

Контрактный управляющий – это должностное лицо, назначаемое заказчиком в качестве ответственного за осуществление закупок, включая исполнение каждого контракта. Задачи контрактного управляющего – организация и ведение процесса закупок и заключение выгодных заказчику контрактов. Назначается на должность, если у заказчика отсутствует контрактная служба и совокупный годовой объем закупок заказчика не превышает 100 миллионов рублей.

Комиссия по осуществлению закупок – это комиссия, целью которой является обеспечение соблюдения требований законодательства при осуществлении заказчиком процедуры определения поставщика и выбора победителя в целях закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд. Членом такой

комиссии может быть лицо, обладающее специальным образованием или квалификацией в закупочной сфере, либо лицо, владеющее профессиональными знаниями, имеющими отношение к объекту проводимой закупки.

Ответственность по данной статье наступает лишь в случае, когда попытка передачи (передача) денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществлялась только в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа, когда перечисленные выше лица заведомо для виновного не только не давали согласия, но и не совершали никаких действий, свидетельствующих о таком согласии, либо прямо отказались от получения незаконного вознаграждения ранее.

Стоит отметить, «поскольку такие действия совершаются без ведома либо заведомо вопреки желанию должностного лица, лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, а равно лица, указанного в части 1 статьи 200.5 УК РФ, они не подлежат уголовной ответственности за получение взятки либо за коммерческий подкуп в связи с отсутствием события преступления»¹.

В заключение хочется отметить, что, несмотря на все большую популярность антикоррупционных действий, ежегодно увеличиваются варианты (схемы) применения провокаций при даче взятки должностному лицу. Именно поэтому совершенствование условий процедур и механизмов госзакупок – одно из основных направлений реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

Борисов С.В.,

*д.ю.н., доцент,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Решняк М.Г.,

*к.ю.н.,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Одинцовского филиала Московского
государственного университета
международных отношений
(МГИМО МИД России)*

СООТНОШЕНИЕ НЕСООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ И УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ¹ в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена статья 205.6 об ответственности за несообщение о преступлении. Это дополнение уголовного законодательства было произведено под эгидой повышения эффективности противодействия терроризму, что предопределило включение указанной статьи в главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности». Кроме того, в отличие от наименования ст. 205.6 УК РФ, в ее диспозиции говорится о несообщении только об определенных видах преступлений, относящихся к террористической деятельности. Несогласованность названия и диспозиции ст. 205.6 УК РФ является одним из наиболее явных юридико-технических недостатков данной нормы².

Выделенная особенность ст. 205.6 УК РФ существенно ограничивает сферу ее применения, тогда как ранее в ст. 190 УК РСФСР 1960 г. устанавливалась ответственность за недоносительство о преступлениях различной направленности (об убийстве,

---

¹ См.: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

² См.: Кириенко М.С. Несообщение о преступлении: старый состав в новых условиях // Адвокат. 2016. № 7. С. 9–10.

изнасиловании при отягчающих обстоятельствах, о похищении человека при отягчающих обстоятельствах, захвате заложников, краже, грабеже или мошенничестве при отягчающих обстоятельствах и т.д.), причем перечень таких преступлений неоднократно менялся. На момент принятия УК РФ законодатель отказался от криминализации данной формы прикосновенности к преступлению, однако частично вернулся к этому уголовно-правовому запрету в рассматриваемой ст. 205.6 УК РФ.

Содержание диспозиции ст. 205.6 УК РФ указывает на взаимосвязь предусмотренного в ней деяния с террористической деятельностью и содействием осуществлению таковой, а равно с соучастием в преступлениях террористической направленности. Помимо этого, данная уголовно-правовая норма имеет точки соприкосновения со ст. 316 УК РФ об ответственности за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений. В настоящей работе мы остановимся на проблеме определения соотношения соответствующих положений уголовного законодательства и предусмотренных ими деяний.

Отметим, что несообщение о преступлении, влекущее ответственность по ст. 205.6 УК РФ, равно как и укрывательство особо тяжких преступлений, запрещенное ст. 316 УК РФ, представляют собой сходные формы прикосновенности к другим уголовно наказуемым деяниям, а не соучастие в их совершении, поскольку не находятся с ними в причинной связи¹. Между несообщением о преступлении террористической направленности и укрывательством особо тяжких преступлений имеются определенные различия, которые мы рассмотрим ниже.

Предваряя сравнительный анализ составов преступлений, предусмотренных статьями 205.6 и 316 УК РФ, приведем данные судебной статистики за 2017–2019 гг. Также учтем статистику судимости за пособничество террористическому акту, захвату заложника, созданию незаконного вооруженного формирования, руководству таким формированием или его финансированию (ч. 3 ст. 205.6 УК РФ)².

---

¹ См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: ЮрИнфоР, 2013. С. 192, 241.

² См.: официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.05.2020).

Статья (часть статьи) УК РФ	Количество осужденных лиц (по основной/дополнительной квалификации), чел.		
	2017 г.	2018 г.	2019 г.
ч. 3 ст. 205.1	0/3	5/0	3/0
ст. 205.6	14/5	47/8	49/5
ст. 316	193/28	192/32	147/20

Приведенные статистические данные подтверждают, что на практике более распространены случаи осуждения за несообщение о совершении преступлений террористической направленности, нежели за пособничество таковым, что указывает на актуальность сопоставления данного деяния с другой, еще более распространенной разновидностью прикосновенности к преступной деятельности, предусмотренной ст. 316 УК РФ.

Сопоставляемые уголовно-правовые нормы предусматривают ответственность за разные формы прикосновенности: если в ст. 205.6 УК РФ речь идет исключительно о бездействии, причем заключающемся только в несообщении о совершении определенного преступления террористической направленности, то в ст. 316 УК РФ – о любом укрывательстве различных особо тяжких преступлений, осуществляемом путем тех или иных действий (например, сокрытие преступника, следов, орудий или средств преступления). Как обоснованно отмечает А.В. Бриллиантов, преступление, предусмотренное ст. 316 УК РФ, совершается только посредством действий и не может выражаться в бездействии¹.

В отличие от ст. 316 УК РФ, в диспозиции ст. 205.6 УК РФ не указывается на отсутствие заранее данного обещания оказать помощь в сокрытии преступления. С нашей точки зрения, эта особенность последней уголовно-правовой нормы является обоснованной, так как несообщение о преступлении не может быть отнесено к соучастию в преступлении даже в тех случаях, когда соответствующее лицо заранее пообещало не заявлять об известном ему уголовно наказуемом деянии. Считаем, что объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ, не включает такое деяние, как несообщение о совершении уголовно наказуемого деяния. Этот вывод следует из сопоставления данной формы

¹ См.: Бриллиантов А.В. Укрывательство преступлений: вопросы квалификации // Уголовное право. 2017. № 1. С. 28.

прикосновенности с пособничеством преступлению, определенном в ч. 5 ст. 33 УК РФ и в примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ, согласно которым заранее данное обещание касается выполнения в будущем определенных действий: скрыть преступника, орудия или средства совершения преступления, следы преступления, предметы, полученные в результате его совершения, приобрести или сбыть данные предметы. То есть, как следует из уголовного закона, обещание лица совершить какие-либо иные действия, в том числе не сообщать в правоохранительные органы о преступлении, о котором оно осведомлено, не относится к пособничеству преступлению, равно как и фактическое выполнение такого обещания. Заранее обещанное укрывательство умышленных преступлений, напротив, представляет собой типичную разновидность пособничества преступлению. Поэтому указание на то, что лицо, укрывающее особо тяжкое преступление, заранее не давало обещание сделать это, является необходимым признаком состава, закрепленного в ст. 316 УК РФ¹.

Как следует из диспозиции ст. 205.6 УК РФ, бездействие лица может выражаться в несообщении как об оконченном преступлении, так и о приготовлении к его совершению или о покушении на него, причем на момент такого бездействия умалчиваемое уголовно наказуемое деяние может быть прервано на любой из данных стадий, а равно продолжить свое осуществление или полностью завершиться. В диспозиции ст. 316 УК РФ речь идет об укрывательстве особо тяжкого преступления без конкретизации его стадий, что, на наш взгляд, не исключает применения данной статьи в случаях заранее не обещанного сокрытия не только оконченного особо тяжкого преступления, но и приготовления к такому преступлению или покушения на его совершение.

С учетом изложенного, мы не можем согласиться с А.Н. Батановым в том, что в случаях, когда лицо, не сообщившее об особо тяжком преступлении террористической направленности, также приняло меры к его заранее не обещанному укрывательству, содеянное полностью охватывается ст. 316 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ст. 205.6 УК РФ². Подчеркнем, что несообщение о преступлении или о лице, его совершившем, не является

---

¹ См. также: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 599.

² См.: Батанов А.Н. Уголовная ответственность за несообщение о преступлении // Адвокатская практика. 2016. № 6. С. 41.

укрывательством, поскольку тем самым виновный не пытается скрыть от правоохранительных органов те сведения, которые они бы обнаружили, если бы не его усилия, этому препятствующие. Именно поэтому преступление, предусмотренное ст. 316 УК РФ, совершается исключительно путем действий, тогда как несообщение о преступлении – посредством бездействия, не охватываемого укрывательством.

Отметим, что ст. 205.6 УК РФ выступала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ в связи с жалобой на ее несоответствие ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, так как, по мнению заявителя П., по данной уголовно-правовой норме потенциально может быть привлечен к ответственности любой гражданин, не сообщивший о лице, о котором имеется информация о совершении им организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем (ст. 208 УК РФ), несмотря на то что его виновность еще не была установлена обвинительным приговором суда.

Установлено, что Э. был привлечен в качестве обвиняемого по ч. 2 ст. 208 УК РФ, в дальнейшем он был объявлен в розыск с приостановлением производства по делу. Э. сообщил М. о своем участии в незаконном вооруженном формировании, а М. передал эти сведения М.С. Последний в свою очередь сказал об этом П., который, будучи осведомленным о достоверности данной информации, не сообщил об этом в органы, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлениях. Соответствующие обстоятельства легли в основу обвинительного приговора, по которому П. был осужден по ст. 205.6 УК РФ.

В результате рассмотрения жалобы Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что ст. 205.6 УК РФ направлена на предупреждение преступлений и их последствий, не характеризуется неопределенностью, препятствующей ее единообразному пониманию и применению, а также не противоречит принципу презумпции невиновности¹.

Вместе с тем считаем, что имеющееся в диспозиции ст. 205.6 УК РФ указание на то, что лицо не сообщает информацию об известном ему преступлении и (или) о лице, его совершившем или совершающем, исключительно в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, в большей мере

---

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1996-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паталиева Магомеда Сайфудиновича на нарушение его конституционных прав статьей 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision353853.pdf> (дата обращения: 05.05.2020).

согласуется с обеспечением интересов правосудия, включая уголовное преследование соответствующих лиц, нежели с интересами предупреждения уголовно наказуемых деяний. Например, если лицо, достоверно осведомленное о подготавливаемом преступлении террористической направленности, сообщит об этом в подразделение Федеральной службы войск национальной гвардии РФ, оно тем самым еще не выполнит действия, исключающие возможность привлечения данного лица к ответственности по ст. 205.6 УК РФ, поскольку указанный орган власти не уполномочен рассматривать сообщения о преступлениях¹. Кроме того, сообщение относительно уже совершенного преступления, являющегося к тому моменту юридически и фактически окончанным, пусть даже и доведенное до сведения надлежащих органов, можно рассматривать через призму превентивной деятельности только по отношению к возможным в будущем уголовно наказуемым деяниям террористической направленности.

Полагаем, что с позиции субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ, не вполне обоснованным является имеющаяся в ней узкая дефиниция органов, в которые должно было поступить, но не поступило сообщение виновного лица. Для обеспечения превентивной направленности данной уголовно-правовой нормы следует заместить эту дефиницию более общим понятием «органы власти», содержащимся в примечании к ст. 205, примечании 2 к ст. 205.1 и примечании к ст. 205.3 УК РФ. Тем самым будет подчеркнута заинтересованность государства в получении информации, необходимой для предупреждения преступлений террористической направленности, которая может поступить в любые органы власти, а не только в те, что имеют право рассматривать сообщения об уголовно наказуемых деяниях. В противном случае статью об ответственности за несообщение о преступлении более обоснованным было бы поместить в главу 31 УК РФ, где уже содержится ст. 316 УК РФ о заранее не обещанном укрывательстве особо тяжких преступлений.

В продолжение предлагаемого изменения диспозиции ст. 205.6 УК РФ также отметим целесообразность закрепления в уголовном законе понятия преступлений террористической направленности и определения его объема через перечисление входящих в него видов

---

¹ См.: Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.03.2020).

таких деяний и статей Особенной части УК РФ об ответственности за таковые. Это понятие должно иметь универсальный характер для всех статей УК РФ, касающихся противодействия терроризму, при этом следует сохранить возможность исключения из этого понятия упоминания о том или ином преступлении с учетом специфики деяния, запрещенного конкретной уголовно-правовой нормой. Следует согласиться с А.И. Рарогом в том, что в примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ применительно к публичным призывам к осуществлению террористической деятельности в объем последней необоснованно включено несообщение о преступлении¹.

Еще одним проявлением правовой неопределенности в диспозиции ст. 205.6 УК РФ является отсутствие в ней дополнительного признака субъекта преступления, что создает потенциальную опасность привлечения к ответственности по данной статье тех лиц, которые сами участвовали в совершении преступления террористической направленности и не сообщили соответствующим органам власти об этом, равно как и о других участниках содеянного.

В рамках совершенствования ст. 205.6 УК РФ следует обратить внимание на складывающуюся судебную практику, в том числе учитывающую длящийся характер ряда преступлений террористической направленности, например участия в террористическом сообществе либо в деятельности террористической организации. Осужденные участники таких преступных объединений при отрицании своей причастности к организованной террористической деятельности в жалобах нередко просят переквалифицировать их действия на ст. 205.6 УК РФ. Верховный Суд РФ, отказывая в удовлетворении подобных жалоб, обосновывает свои решения тем, что по делу доказано именно участие данных лиц в террористическом сообществе или в деятельности террористической организации, а не умалчивание этого факта перед органами власти². То есть на практике сформировался подход, согласно которому участник преступления террористической направленности не может нести ответственность по ст. 205.6 УК РФ за несообщение о совершении данного преступления, в том числе об иных участниках последнего.

---

¹ См.: Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 177–178.

² См., например: Апелляционные определения Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2019 г. № 224-АПУ19-5 и от 10 декабря 2019 г. № 223-АПУ19-2 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/> (дата обращения: 05.05.2020).

Представляется, что данный подход нуждается в законодательном закреплении.

С учетом изложенного считаем, что ст. 205.6 и 316 УК РФ, предусматривая ответственность за различающиеся формы прикосновенности к определенным группам уголовно наказуемых деяний, не конкурируют между собой и могут дополнять друг друга в рамках противодействия особо тяжким преступлениям террористической направленности. При этом ст. 205.6 УК РФ нуждается в совершенствовании в части придания ей большей правовой определенности и обеспечения превентивной направленности содержащегося в ней запрета.

Кузьмин С.И.,
*д.ю.н., профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

НУЖЕН ЛИ ПОИСК СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЛЯ ПРЕСТУПНИКОВ?

С первых лет советской власти карательная политика государства активно использовалась для привлечения на свою сторону рабочих и крестьян путем смягчения для них уголовного наказания и условий отбывания такового. Эта тенденция, наряду с учетом опасного состояния личности¹, четко прослеживается с начала 30-х гг. прошлого века.

В этот период в лагерях все заявления заключенных о досрочном освобождении, сокращении срока, замене мер социальной защиты принимались от трудящихся осужденных впервые не за контрреволюционные преступления и бандитизм по отбытии 1/3 срока. Обращаться с этими же вопросами не трудящиеся, а также осужденные за контрреволюционные преступления могли только после отбытия 1/2 срока наказания.

В Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1933 г. основным типом мест лишения свободы являлись исправительно-трудовые колонии различных видов. Туда помещались осужденные в зависимости от их классовой опасности, социального положения и возраста. Такая формулировка свидетельствовала о дифференциации отбывавших уголовное наказание, и, соответственно, содержание заключенных из числа рабочих и крестьян организовывалось отдельно от других категорий правонарушителей.

Среди заключенных довольно значительной была прослойка осужденных по ст. 35 УК РСФСР (кража), которые числились по социальному положению рабочими и крестьянами. Поскольку они считались опорой новой власти, то смягчающие обстоятельства

---

¹ См.: Кадников Н.Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и кримиологов. 2020. № 1. С. 33–41.

учитывались как при уголовном преследовании, так и во время отбывания уголовного наказания. Чтобы лишить эту категорию преимущества перед другими преступниками, Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР (далее – ОГПУ) предложило в делах таковых в графе «социальное положение» писать: «Без определенных занятий».

В системе исправительно-трудовых лагерей ОГПУ проводимая культурно-воспитательная работа среди заключенных соответствовала классовому характеру исправительно-трудовой политики, а поэтому преимущества в культурном обслуживании лишенных свободы отдавались выходцам из рабочих и крестьян.

Как известно, 5 декабря 1936 г. была принята Конституция СССР. В разделе «Избирательная система» в ст. 135 говорилось о том, что выборы депутатов являются всеобщими. Все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательного права.

Поскольку конституционный закон наделил всех граждан избирательным правом независимо от социального происхождения, то заключенные, отнесенные по зачету рабочих дней в срок отбывания наказания ко второй категории, поставили вопрос о перезачете начисленных им ранее зачетов по первой категории. По данному вопросу они обращались в учетно-распределительные отделы лагерей, в органы прокуратуры, в редакцию газеты «Путевка». Инициаторов постановления этого вопроса начальник Карагандинского исправительно-трудового лагеря информировал о том, что данный вопрос по состоянию на 27 марта 1937 г. находится на рассмотрении в Главном управлении лагерей Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР (далее – ГУЛАГ). Однако только спустя полтора года начальник ГУЛАГа издал указания № У29 (101с) от 9 сентября 1938 г. о том, что деление на группы зачета по признакам социального положения отменяется. Впредь определение группы зачета ставилось в зависимость от характера совершенного уголовного преступления. О пересмотре ранее начисленных зачетов ничего не говорилось.

После отмены в 1939 г. условно-досрочного освобождения и зачета рабочих дней в срок отбытого наказания смягчить свою участь

в местах лишения свободы заключенные могут только за счет высокопроизводительного труда, примерного поведения и активного участия в общественной жизни лагеря или колонии. Вновь условно-досрочное освобождение было введено только в 1954 г.

В современном уголовном законодательстве предусмотрен широкий набор средств дифференциации уголовной ответственности¹, в том числе путем ее индивидуализации, через применение установленных в ст. 61 УК РФ обстоятельств, смягчающих наказание. Этот перечень, состоящий из 10 обстоятельств, не является исчерпывающим, так как при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и другие обстоятельства, не указанные в ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Анализ судебной практики показывает, что наиболее часто в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, суды учитывают положительную характеристику личности виновного по месту работы, учебы или жительства, его отношение к работе, учебе и обществу. Нередко в качестве смягчающего обстоятельства фигурирует состояние здоровья виновного. Вот и получается, пока чиновник ворует денежные средства у государства, у граждан состояние здоровья не оказывает влияния на его преступную деятельность. Как только он попадает под следствие, так сразу адвокаты представляют медицинские документы, якобы не позволяющие содержать его в следственном изоляторе. Вот и суды при назначении наказания учитывают состояние здоровья подсудимого.

При назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих иные обстоятельства, кроме обстоятельств, которые законодатель изложил в ч. 3 ст. 61 УК РФ: признание вины, в том числе и частичное, раскаяние в содеянном, наличие несовершеннолетних детей при условии, что виновный принимает участие в их воспитании, материальном содержании и преступление не совершено в отношении их, наличие на иждивении виновного престарелых лиц, состояние здоровья, наличие инвалидности, государственных и ведомственных наград, участие в боевых действиях по защите отечества и другие.

Таким образом, ст. 61 УК РФ фактически содержит не 10, как указано в первой части, а значительно больше обстоятельств, позволяющих суду учитывать их в качестве смягчающих, но и этот

---

¹ См.: Жилкин М.Г. Средства дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности // Научный портал МВД России. 2017. № 4 (40). С. 61.

перечень не является исчерпывающим и позволяет изыскивать иные смягчающие обстоятельства. В качестве такового может выступать, например, беременность жены подсудимого.

Было бы наивным полагать, что, замышляя совершить преступное деяние, лицо, тем более ранее судимое, не просчитывает возможные для него смягчающие обстоятельства, способные повлиять на уменьшение срока уголовного наказания. Учитывается также возможность попасть под амнистию.

В современном российском уголовном законодательстве четко прослеживается тенденция поиска возможностей как можно больше проявлять гуманизм в отношении лиц, совершающих преступление. Об этом красноречиво свидетельствуют дополнения, внесенные в ст. 72 УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ. В частности, п. 3 этой статьи гласит: время содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу засчитывается в сроки содержания в дисциплинарной воинской части из расчета один день за полтора дня, ограничения свободы, принудительных работ и ареста – один день за два дня, исправительных работ и ограничения по военной службе – один день за три дня, а в срок обязательных работ – из расчета один день содержания под стражей за 8 часов обязательных работ. Пункт 3.1 данной статьи гласит, что время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за полтора дня отбывания наказания в воспитательной колонии либо исправительной колонии общего режима и два дня отбывания наказания в колонии-поселении. Более того, п. 5 этой статьи предусматривает, что при назначении осужденному, содержащемуся под стражей, в качестве основного вида наказания штрафа, лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания, то есть уже сам факт содержания под стражей позволяет суду освобождать лицо от уголовной ответственности.

В результате внесения дополнений в УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ, по существу, была проведена «скрытая амнистия», так как пришлось пересмотреть сроки назначенного уголовного наказания в отношении почти 100 тыс. осужденных.

Попытки гуманизировать уголовное наказание в отношении несовершеннолетних преступников сразу же после Октябрьской

революции 1917 г., в конце 20-х – начале 30-х гг. прошлого века ни к чему хорошему не привели. Замена в конце 1950-х гг. 25-летних сроков уголовного наказания 15-летними в соответствии с Основами уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик (1958 г.) впоследствии обернулась увеличением сроков уголовного наказания для некоторых категорий осужденных почти в два раза.

Буквально 6–7 лет назад в 62 воспитательных колониях отбывали наказание порядка 9500 человек. По состоянию на текущий год в стране осталось 24 воспитательные колонии, в которых содержится порядка 1450 осужденных. Естественно, возникает вопрос: неужели преступность несовершеннолетних резко пошла на убыль? Увы, это не так. Выступая 3 марта 2020 г. перед работниками Следственного комитета, глава ведомства Александр Бастрыкин обратил внимание на ярко выраженную тенденцию роста преступности несовершеннолетних, вследствие чего в 2019 г. к уголовной ответственности привлечено 8 тыс. несовершеннолетних.

Те, кто занимается преступным ремеслом и кто попадает под их влияние, давно уже четко используют в своих интересах смягчающие обстоятельства, как прописанные, так и не прописанные в УК РФ. Учитываются ими и предстоящие амнистии, которые объявляются почти ежегодно.

Лицо, совершающее преступление, не думает о своих малолетних детях, престарелых родителях, состоянии своего здоровья и т.д. Поэтому смягчающие обстоятельства не могут использоваться для оправдания преступников. В отношении лиц, совершающих общественно опасные деяния, должны учитываться только отягчающие наказание обстоятельства. Смягчить свою участь он может только в том случае, если станет сотрудничать со следствием.

В современном российском Уголовном кодексе нет четкого определения между низшим и высшим пределами санкции, и это позволяет преступнику уйти от реального уголовного наказания. В качестве примера рассмотрим ст. 158 УК РФ (кража). В ч. 1 этой статьи закреплено, что кража, то есть тайное хищение чужого имущества, наказывается штрафом в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до 360 часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет. Фактически выбор меры

уголовного наказания поставлен в зависимость от судейского усмотрения, и при этом могут учитываться смягчающие вину обстоятельства, а этого быть не должно.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, граждане обязаны соблюдать принятые законы, а УК РФ должен выполнять и задачу предупреждения преступности.

Во-вторых, при назначении уголовного наказания никакие смягчающие обстоятельства, кроме сотрудничества со следствием, не могут учитываться.

В-третьих, санкция статьи Особенной части УК должна содержать указание на минимальный и максимальный размеры наказания.

Карпова Н.А.,

*к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Кадников Н.Г.,

*д.ю.н., профессор,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЖИЗНЬ ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ПРАВОСУДИЕ ИЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Статья 2 Конституции Российской Федерации закрепляет важнейший постулат: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Согласно ст. 20 Конституции каждый имеет право на жизнь, смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни. Поэтому среди умышленных преступлений, посягающих на жизнь человека, простое и квалифицированное убийства являются наиболее опасными посягательствами, относятся к категории особо тяжких преступлений, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 и 2 ст. 105 УК РФ. В данном случае, если подходить с учетом объективных и субъективных элементов состава преступления, основным непосредственным объектом посягательства являются отношения, обеспечивающие нормальную жизнь человека с момента рождения и до момента смерти¹. В этом случае важным дополнением к объекту является фигура потерпевшего, любого живого человека.

Вместе с тем в УК РФ суровая ответственность предусмотрена и за иные умышленные преступления, состав которых включает в качестве основного непосредственного объекта посягательства другие

---

¹ См.: Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 20, 21.

важные сферы охраняемых уголовным законом общественных отношений¹. Жизнь человека в этих составах преступлений является дополнительным непосредственным объектом, а определяющее значение для квалификации имеет фигура потерпевшего, вернее, его социальный либо должностной статус. Речь идет о преступлениях, ответственность за которые предусмотрена специальными нормами УК РФ: ст. 277 – посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, ст. 295 – посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, ст. 317 – посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, ст. 357 – геноцид.

Приведем характерные примеры.

15 января 2013 г. был убит судья Верховного суда Дагестана Магомед Магомедов. Нападение на судью произошло около 9 часов вечера возле дома № 54 по улице Горького. Там неустановленное лицо произвело не менее пяти выстрелов в Магомедова, от полученных ранений тот скончался. Возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ст. 295 и 222 УК РФ (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, незаконный оборот оружия). В качестве приоритетной версии убийства следователи рассматривали профессиональную деятельность судьи. В апреле 2016 г. один из участников убийства судьи Магомеда Магомедова, Сиражудин Г., был приговорен Ставропольским краевым судом к пожизненному заключению. В 2013 г. в Дагестане были убиты еще несколько федеральных судей. В марте в Избербаше был убит судья Избербашского городского суда Ахмед Раджабов. В сентябре жертвами вооруженного нападения стали судья Верховного суда Дагестана Мухтар Шапиев и его сын. В ноябре двое неизвестных застрелили из пистолетов судью Ленинского районного суда Махачкалы Зайнутдина Маданова. Все уголовные дела были возбуждены по ст. 295 УК РФ².

25 декабря 2019 г. в Москве вынесен приговор членам банды хакеров, которые предположительно связаны с убийством в Подмоскowie следователя по особо важным делам Евгении Шишкиной. Она расследовала дело о преступном сообществе, участники которого совершили мошенничество в сфере компьютерной информации. Как установлено следствием, мотивом преступления была «месть в связи с расследованием ею уголовного дела об организации преступного сообщества, которое

---

¹ См. также: Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: монография. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 74, 75.

² Коммерсантъ. 11.08.2016.

занималось мошенничествами с использованием современных компьютерных технологий». Как установлено, организатор банды хакеров через интернет нанял исполнителей убийства. Тело следователя Евгении Шишкиной с двумя огнестрельными ранениями обнаружили утром 10 октября 2018 г. Ее застрелили, когда она шла от подъезда к парковке. По уголовному делу проведено более 1500 следственных действий, в том числе около 1300 допросов и 70 судебных экспертиз. Результаты этих следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, проведенных сотрудниками ГУУР МВД России и подразделением ФСБ России, позволили установить личности причастных и задержать исполнителей убийства следователя¹.

Тем не менее общей нормой для всех этих преступлений является ст. 105 УК РФ, поэтому действуют такие правила: в случае совершения таких преступлений совокупность общей и специальной норм отсутствует, в соответствии со ст. 17 УК РФ при таких обстоятельствах действует специальная норма. Но возникает вопрос: почему эти преступления не называются убийствами? Полагаем, что законодатель в этом случае выделяет особо значимые для безопасности всего общества сферы общественных отношений. Кроме того, термин «посягательство» в соответствии с судебным толкованием обозначает и убийство, и покушение на убийство². Хотя не все ученые были согласны с такой позицией и предлагали такое деяние не считать убийством³. Но судебное толкование относится исключительно к действию УК РСФСР. В современных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ об этом ничего не говорится, поэтому существует реальная проблема с уголовно-правовой оценкой таких посягательств на жизнь. Сказанное имеет значение еще и для определения момента окончания подобных преступлений. В соответствии с терминологией оконченным преступление считается

¹ URL: ren.tv/news/kriminal/641177-sviazannym...ubiistvom... (дата обращения: 21.01.2020).

² О содержании термина «посягательство» разъяснение давал еще Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 июля 1963 г. № 7 «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников», в соответствии с которым под посягательством следует понимать как убийство, так и покушение на убийство (см. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1963. № 4 С. 12). Подобное разъяснение содержалось также в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 24 сентября 1991 г. № 3 «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка» (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1991. № 12. С. 6).

³ См.: Максимов С. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие // Уголовное право. 2011. № 45–51; Спектр Л.А. Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 139–142; Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 2000. С. 330 и др.

и при покушении, то есть квалификация будет осуществляться по указанным статьям без ссылки на ст. 33 УК РФ. Таким образом, правила назначения наказания, предусмотренные ст. 66 УК РФ для неоконченных преступлений¹, в этом случае не действуют, хотя такого правила в законе не закреплено. Для ч. 2 ст. 105 УК РФ таких исключений не сделано, поэтому фактически подчеркивается, что степень общественной опасности посягательств по указанным статьям гораздо выше, чем за убийство по ст. 105 УК РФ, что не соответствует доктрине уголовной ответственности, то есть субъект по указанным преступлениям, по воле законодателя, признается более опасным, чем по ст. 105 УК РФ, что противоречит принципу равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), который гласит: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальной принадлежности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Полагаем, что для всех этих преступлений имеется вариант их невыделения в особый круг деяний. Законодателем выделен п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающий ответственность за убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга. Тем более что данный квалифицированный вид убийства имеет и собственное судебное толкование. В соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, данным в постановлении от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», под осуществлением служебной деятельности следует понимать действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающих из трудового договора (контракта) с государственными, муниципальными, частными и иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями и организациями независимо от формы собственности, с предпринимателями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству, а под выполнением общественного долга – осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах

---

¹ О неоконченном преступлении см. также: Карпова Н.А. Неоконченная преступная деятельность (понятие и проблемы квалификации): учебное пособие / Отв. ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадиных. М.: ИД «Юриспруденция», 2017.

отдельных лиц, так и совершение других общественно полезных действий (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершенном или готовящемся преступлении либо о местонахождении лица, разыскиваемого в связи с совершением им правонарушений, дача свидетелем или потерпевшим показаний, избобличающих лицо в совершении преступления, и др.)¹.

Но, учитывая, что иные статьи, предусматривающие ответственность за посягательство на жизнь, в настоящее время реально действуют, цель данной работы – проанализировать особенности уголовной ответственности за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, как наиболее опасного деяния в категории преступлений против правосудия. Среди особенностей в первую очередь необходимо сказать о характеристике объекта преступления по данному составу. Следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что основным непосредственным объектом посягательства являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное осуществление правосудия или предварительного расследования. Дополнительным непосредственным объектом признаются отношения, обеспечивающие жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, либо его близких².

Важной особенностью объекта преступления является характеристика фигуры потерпевшего (к таковым по закону относятся судья, присяжный заседатель, следователь, прокурор, лицо, производящее дознание, защитник, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, иное лицо, участвующее в отправлении правосудия). В этой части диспозиция ст. 295 УК РФ имеет особую бланкетность, которая требует изучения иных нормативных актов, определяющих статус и признаки потерпевших. Во-первых, надо обратиться к нормам глав 6, 7 и 8 Раздела II УПК РФ. Во-вторых, необходимо четко представлять себе нормы Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 2 августа 2019 г.) «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25 октября 2019 г.), Федерального закона «О судебных приставах» от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (последняя редакция) и ряда других³.

---

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Спектр Л.А. Указ. раб. С. 139–142.

³ СПС «КонсультантПлюс».

В соответствии с судебным толкованием, к близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. Такой широкий спектр потерпевших по данной статье требует особого внимания. Полагаем, что и в этой части правоприменитель сталкивается с определенными проблемами: не совсем понятно, что законодатель понимает под отправлением правосудия; упоминаются иные лица, участвующие в отправлении правосудия, а об участвующих в ходе предварительного расследования ничего не сказано, хотя в этом случае законодатель упустил таких потенциальных потерпевших, как руководитель следственного органа, начальник органа и подразделения дознания, а также ряд других лиц. Более того, вряд ли для ст. 295 УК РФ необходим такой перечень участников осуществления правосудия и предварительного расследования.

Необходима дифференциация в этом вопросе. Полагаем, что ст. 295 УК РФ должна предусматривать ответственность за посягательство на жизнь лишь должностных лиц, участвующих в отправлении правосудия или осуществляющих предварительное расследование. Следует согласиться с теми авторами, которые указывают, что лицами, участвующими в отправлении правосудия, следует считать только тех из них, чьи функциональные обязанности непосредственно связаны с принятием процессуального решения¹. По поводу иных участников можно было применять п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По поводу субъективной стороны данного состава преступления особых проблем не наблюдается. Данное преступление может быть совершено только с прямым определенным, заранее обдуманым умыслом, т.к. субъект преследует цель воспрепятствовать законной деятельности указанных лиц либо действует по мотиву мести за такую деятельность².

2 апреля 2010 г. в подъезде дома № 24 в Стрельбищенском переулке был убит член коллегии по уголовным делам Мосгорсуда Эдуард Чувашов. Смерть наступила от огнестрельных ранений в грудь и голову. По

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постановочными материалами и судебной практикой // Под ред. С.И. Никулина. М., 2000. С. 941.

² См. также: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002.

данным следствия, преступление совершил член праворадикальной группировки ОБ-88 28-летний москвич Алексей К. Преступление было совершено из мести за приговоры, вынесенные судьей по уголовным делам экстремистской направленности. Ему заочно предъявлено обвинение по ст. 295 УК РФ, позднее он погиб в перестрелке. 27 июня 2012 г. по подозрению в причастности к убийству Чувашова в ходе спецоперации ФСБ были задержаны члены радикальных групп жители Подмосковья Максим Б. и Вячеслав И. Им также было предъявлено обвинение по ст. 295 УК РФ. По версии следствия, при подготовке преступления указанные лица по поручению Алексея К. установили его место проживания, автомобиль, обычное время выезда из дома и возвращения домой, изучили расписание слушаний им уголовных дел. 21 апреля 2015 г. Мособлсуд приговорил И. и Б. к пожизненному лишению свободы с отбыванием наказания в колонии особого режима¹.

Еще одна особенность касается субъекта преступления, который совершает посягательство на лицо, осуществляющее правосудие или предварительное расследование. Субъектом преступления признается физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет (ст. 19, 20 УК РФ). Однако такие преступления могут быть совершены в возрасте от 14 до 16 лет, и тогда возникает вопрос: как квалифицировать действия виновного? По мнению специалистов, если посягательство на жизнь указанных потерпевших совершают лица в возрасте от 14 до 16 лет, то содеянное квалифицируется как убийство по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ². Но такие рекомендации не основаны на законе, нет и судебного толкования в этой части. Однако были неоднократные предложения по снижению возраста уголовной ответственности по ст. 277, 295, 317 и 354 УК РФ до 14 лет. Полагаем, что данное предложение заслуживает внимания и может быть реализовано с учетом особой опасности данного вида преступления против правосудия.

По нашему мнению, разъяснения по квалификации посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, и других подобных посягательств можно было бы изложить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

¹ pravo.ru › process › view (дата обращения: 15.06.2020).

² См.: Спектр Л.А. Указ. раб. С. 139–142; Максимов С. Указ. раб.

Балябин В.Н.,

К.Ю.Н.,

*доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ИЗГОТОВЛЕНИИ ОРУЖИЯ (СТ. 223 УК РФ)

Назначение уголовного судопроизводства как одного из главных элементов правосудия в нашей стране нормативно определено в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В ч. 1 данной статьи указано, что это назначение заключается в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Данный принцип уголовно-процессуального закона полностью соответствует уголовно-правовым принципам законности, вины и справедливости, которым должны соответствовать как уголовное законодательство, так и практика его применения. Невозможно обеспечить выполнение принципов уголовного судопроизводства и вообще реализацию правосудия в широком смысле слова без правильного и единообразного понимания смысла уголовно-правовых запретов, за нарушение которых лицо привлекается к наиболее строгому виду юридической ответственности.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ первыми обстоятельствами, подлежащими доказыванию при производстве по уголовному делу, являются событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления) и виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы. Таким образом, для достижения целей правосудия органу дознания или следователю необходимо в первую очередь установить и доказать наличие в поведении лица признаков конкретного состава преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Для всестороннего и объективного расследования и последующего судебного рассмотрения дела о преступлении, предусмотренном ст. 223 УК РФ, необходимо доказать наличие такого вещественного

признака преступления, как предмет этого преступления. К предмету в данном случае относятся:

– огнестрельное оружие, его основные части (за исключением огнестрельного оружия ограниченного поражения), а также боеприпасы (ч. 1–3 ст. 223 УК РФ);

– огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, холодное оружие, метательное оружие, а также патроны к огнестрельному оружию ограниченного поражения либо газовому оружию (ч. 4 ст. 223 УК РФ)¹.

Для доказывания наличия указанного предмета в целях установления события преступления, необходимо обращаться к нормам Федерального закона «Об оружии»² и межгосударственного стандарта ГОСТ 28653–2018 «Оружие стрелковое. Термины и определения»³. Большое значение имеет судебное толкование, а именно разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данные в постановлении от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»⁴.

К огнестрельному оружию относятся все виды боевого, служебного и гражданского оружия, в том числе изготовленные самодельным способом, конструктивно предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. К ним, помимо винтовок, карабинов, пистолетов и револьверов, охотничьих и спортивных ружей, автоматов и пулеметов, относятся минометы, гранатометы, артиллерийские орудия и авиационные пушки, а также иные виды огнестрельного оружия независимо от калибра.

Следует отметить, что примитивность конструкции огнестрельного оружия не имеет значения для признания его предметом рассматриваемого преступления. Например, лицо, которое с целью добычи пищи (отстрела уток и голубей), не имея соответствующего разрешения, используя металлическую трубку и деревянную рукоятку, в домашних условиях изготовило и в дальнейшем

---

¹ См.: Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 431–433.

² СПС «КонсультантПлюс».

³ ГОСТ 28653–2018 «Оружие стрелковое. Термины и определения» (утвержден Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 января 2019 г. № 1-ст и введен в действие в качестве национального стандарта на территории Российской Федерации с 1 июля 2019 г.) // М.: Стандартинформ, 2019. С. 2.

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

хранило пригодное для производства выстрела одноствольное, короткоствольное, однозарядное, дульнозарядное огнестрельное оружие с затравочным отверстием («самопал», «поджиг»), было осуждено по ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 223 УК РФ за незаконное изготовление огнестрельного оружия и незаконное хранение огнестрельного оружия¹.

Под основными частями огнестрельного оружия следует понимать ствол, затвор, барабан, рамку, ствольную коробку². Во избежание ошибок квалификации, связанных с неправильным отнесением тех или иных предметов к основным частям огнестрельного оружия (например, определяя, является изъятый предмет ствольной коробкой или затворной коробкой огнестрельного оружия, которая не отнесена законом к его основным частям), целесообразно основываться на положениях межгосударственного стандарта ГОСТ 28653–2018 «Оружие стрелковое. Термины и определения».

Пневматическое и сигнальное оружие, стартовые, строительно-монтажные пистолеты, электрошоковые устройства, предметы, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения, спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием, а также списанное оружие не относятся к оружию, ответственность за противоправные действия с которым предусмотрена ст. 222–226.1 УК РФ, если не содержат в своем составе исправных основных частей огнестрельного оружия. К примеру, по требованиям законодательства в каждую основную часть списанного оружия (например, учебного или охолощенного пистолета, изготовленного из боевого образца) изготовителем вносятся изменения, исключающие возможность использования данной части в огнестрельном оружии. Если лицо устраняет эти изменения, в результате чего появляется возможность использования предмета в составе пригодного для стрельбы огнестрельного оружия, появляется основание для привлечения его к ответственности по ст. 223 УК РФ.

Под боеприпасами следует понимать предметы вооружения и метаемое снаряжение отечественного и иностранного производства (в том числе изготовленные кустарно), предназначенные для

---

¹ Приговор Губкинского районного суда Белгородской области от 25.10.2018 по уголовному делу № 1-43/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.06.2020).

² См. ст. 1 Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об оружии» (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 16.12.1996. № 51. Ст. 5681.

поражения цели и содержащие разрывной, метательный или вышибной заряды либо их сочетание¹.

К категории боеприпасов относятся артиллерийские снаряды и мины, военно-инженерные подрывные заряды и мины, ручные и реактивные противотанковые гранаты, боевые ракеты, авиабомбы и т.п. (независимо от наличия или отсутствия на момент совершения преступления в их составе средств для инициирования взрыва), предназначенные для поражения целей, а также все виды патронов к огнестрельному оружию, независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом.

Сигнальные, осветительные, холостые, строительные, газовые, учебные патроны, а также патроны светозвукового действия, не имеющие поражающего элемента (снаряда, пули, дроби, картечи и т.п.) и не предназначенные для поражения цели, не относятся к боеприпасам, то есть не подтверждают события соответствующего преступления.

Следует отметить, что патроны к огнестрельному оружию ограниченного поражения (патроны травматического действия) либо газовому оружию (патрон газового действия) в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оружии» не являются боеприпасами². Также не образует состава преступления изготовление патронов светозвукового действия, а также сигнальных патронов (в том числе путем удаления поражающих элементов и иного метаемого снаряжения из соответствующих патронов промышленного изготовления).

Для установления события преступления необходимо доказать совершение подозреваемым (обвиняемым) деяний, предусмотренных ст. 223 УК РФ. По ч. 1 ст. 223 УК РФ она заключается в незаконном изготовлении и (или) ремонте огнестрельного оружия и его основных частей (включая гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, но исключая огнестрельное оружие ограниченного поражения) либо в незаконном изготовлении боеприпасов, а по ч. 4 названной статьи – в незаконных изготовлении, переделке или ремонте огнестрельного оружия ограниченного

---

¹ Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2002.

² Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об оружии» (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.01.2019) // Сборник законодательства РФ. 16.12.1996. № 51. Ст. 5681.

поражения, незаконном изготовлении газового оружия, холодного оружия, метательного оружия, а равно незаконных изготовлении, переделке или снаряжении патронов к огнестрельному оружию ограниченного поражения либо газовому оружию

В соответствии с судебным толкованием, под незаконным изготовлением огнестрельного оружия и его основных частей, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового, холодного оружия, метательного оружия, боеприпасов, патронов, патронов к огнестрельному оружию ограниченного поражения либо газовому оружию, влекущим уголовную ответственность, следует понимать их создание, в том числе путем переделки любых иных предметов (например, сигнальных, пневматических, стартовых, строительно-монтажных пистолетов, предметов бытового назначения или спортивного инвентаря), без полученной в установленном порядке лицензии, в результате чего они приобретают свойства огнестрельного, газового или холодного оружия, боеприпасов¹.

Незаконной переделкой как разновидностью изготовления огнестрельного оружия и его основных частей, огнестрельного оружия ограниченного поражения и патронов к нему либо газовому оружию является изменение в нарушение установленного законом порядка их тактико-технических характеристик и свойств, при котором независимо от конкретного результата такого изменения их поражающие свойства сохраняются (например, изменение формы и размеров оружия для придания ему внешнего вида других предметов, переделка ствола огнестрельного гладкоствольного оружия для использования патрона к оружию с нарезным стволом, укорачивание ствола огнестрельного гладкоствольного оружия, в результате чего оно в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» становится запрещенным к обороту, и т.д.). При квалификации последующих незаконных действий с изготовленным (переделанным) оружием или боеприпасами следует исходить из тактико-технических характеристик, которыми стало реально обладать изготовленное (переделанное) виновным оружие (боеприпасы), а не тех, которыми обладали предметы, подвергшиеся переделке².

---

¹ Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

² См. там же.

Под ремонтом оружия понимается восстановление его поражающих свойств, а под ремонтом основных частей огнестрельного оружия (ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка) – восстановление нарушенной возможности использования данных предметов по назначению в составе огнестрельного оружия (например, восстановление возможности производства выстрела с помощью револьверного барабана, каморы которого ранее были запаяны для исключения возможности помещения в них патронов).

Следует помнить, что в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оружии» художественная отделка и ремонт оружия, изготовление боеприпасов, патронов и их составных частей также признаются производством оружия. Статья 16 того же закона определяет, что производство оружия и патронов к нему осуществляется только юридическими лицами, имеющими лицензию на производство, в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации, то есть ремонт огнестрельного оружия (в том числе охотничьего гладкоствольного) и его основных частей, независимо от законности их нахождения у владельца, осуществляемый лицами, не имеющими специальной лицензии на такую деятельность, содержит признаки преступления, предусмотренного ст. 223 УК РФ.

Наличие события преступления можно констатировать с момента совершения хотя бы одного из перечисленных в диспозиции ч. 1–4 ст. 223 УК РФ действий, при этом совершение одним лицом в отношении одного и того же предмета всех перечисленных действий не образует совокупности преступлений.

В качестве примера можно привести следующий случай.

Гражданин приобрел списанное охолощенное оружие отечественного производства, изготовленное из пистолета Макарова путем внесения во все его основные части изменений, делающих невозможным производство выстрела никаким патроном, кроме специального патрона светозвукового действия. После этого у себя в квартире, используя слесарные инструменты, отделил от рамки данного пистолета ствол. Желая иметь в своем распоряжении настоящий боевой пистолет, он через специализированный сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет приобрел с пересылкой по почте нарезной ствол для пистолета Макарова и установил его в рамку своего охолощенного пистолета, тем самым незаконно изготовив боевое огнестрельное оружие, пригодное для производства выстрела 9-мм патроном, которое стал хранить у себя дома и носить при себе. Поскольку ствол для пистолета данный гражданин получил с территории Украины, государства, не входящего в

Таможенный союз, то его действия, помимо ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 223 УК РФ, были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ как контрабанда основной части огнестрельного оружия¹.

К уголовной ответственности за рассматриваемое деяние может быть привлечено любое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

С точки зрения субъективной стороны любые деяния, предусмотренные ст. 223 УК РФ, характеризуются виной в виде прямого умысла, то есть лицо осознает общественную опасность и противоправность совершаемых им действий и желает их совершить. Это желание доказывается самим характером совершенных им поступков (например, незаконным изготовлением пригодного для производства выстрела ствола огнестрельного оружия).

Следует отметить, что ч. 4 ст. 223 УК РФ предусмотрен состав преступления, для установления события которого органу, осуществляющему уголовное преследование, необходимо в предусмотренном разделом III УПК РФ порядке установить и доказать совершение лицом одного или нескольких следующих действий: незаконных изготовления, переделки или ремонта огнестрельного оружия ограниченного поражения либо незаконного изготовления газового оружия, холодного оружия, метательного оружия, а равно незаконных изготовления, переделки или снаряжения патронов к огнестрельному оружию ограниченного поражения (патронов травматического действия) либо газовому оружию (патронов газового действия).

Под снаряжением патронов понимается помещение в изготовленную из любого материала (металл, пластик, бумага и т.п.) и любым способом гильзу порохового или иного метательного заряда и метаемого снаряжения (для патронов газового действия – соответствующего химического вещества в любом агрегатном состоянии). Любые названные элементы патрона могут быть как промышленного, так и кустарного изготовления, определяющим является целевое назначение незаконно изготовленного (снаряженного, переделанного) патрона и его пригодность к производству выстрела.

В заключение необходимо отметить, что в соответствии с примечанием к ст. 223 УК РФ лицо, добровольно сдавшее незаконно имеющиеся у него огнестрельное оружие, его основные части,

---

¹ Приговор Новосибирского районного суда Новосибирской области от 19.09.2017 по уголовному делу № 1-414/17 [Электронный ресурс]. URL: <https://novosibirsky--nsk@sudrf.ru> (дата обращения: 15.06.2020).

боеприпасы, огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, холодное оружие, метательное оружие, патроны травматического или газового действия (в том числе предметы, находящиеся в стадии изготовления, переделки или ремонта), освобождается от уголовной ответственности за совершенные с этими предметами незаконные действия. Однако если эти предметы были обнаружены и изъяты при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию, то по смыслу примечания к ст. 222 УК РФ ничто не препятствует возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования такого лица.

Голубов И.И.,

*к.ю.н., доцент,
судья Железнодорожного городского суда
Московской области*

Денисенко М.В.,

*к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ (МУНИЦИПАЛЬНЫМИ) СЛУЖАЩИМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Для начала определимся, каким образом мы будем обозначать законодательное установление в санкциях статей того или иного вида и размера (срока) наказания – «дифференциацией наказания» или «дифференциацией уголовной ответственности».

В научных статьях по уголовно-правовой тематике при описании установления в санкциях статей того или иного вида и размера (срока) наказания используется термин «дифференциация наказания»¹. Аналогичный смысл термину «дифференциация наказания» придается и в актах Конституционного Суда РФ². В связи с этим, а также учитывая, что содержание института уголовной ответственности, несомненно, шире, чем института наказания, законодательное установление в санкциях статей того или иного вида и размера (срока) наказания следует считать дифференциацией наказания.

---

¹ См., например: Парог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 165–167; Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. 2017. № 4. С. 83–84; Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В.К. Структурные закономерности и правила построения санкций уголовно-правовых норм // Российский юридический журнал. 2018. № 5. С. 78–79; Яни П.С., Филатова М.А. Мошенничество и сделка // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 15 и др.

² См., например, решение Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 «Об утверждении обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за третий и четвертый кварталы 2014 года». URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 14.04.2020).

Также следует определить перечень норм, которые имеют отношение к предмету данной статьи. Итак, среди 24 статей главы 31 УК РФ в 21 статье установлена уголовная ответственность за преступления против правосудия, совершаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу¹. Три статьи главы 31 УК РФ не относятся к предмету нашего небольшого исследования. Это ст. 314 (Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера), ст. 314.1 (Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений) и ст. 315 УК РФ (Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта). Они содержат нормы, в которых устанавливается уголовная ответственность за преступления, совершаемые только на стадии исполнения приговора.

Все остальные статьи содержат рассматриваемые нами нормы. При этом в шести статьях указанной главы имеются нормы, в которых установлена уголовная ответственность только за преступления рассматриваемой категории. Это ч. 2 ст. 294 (Воспрепятствование производству предварительного расследования), ст. 299 (Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела), ст. 300 (Незаконное освобождение от уголовной ответственности), ч. 1 ст. 301 (Незаконное задержание), ст. 304 (Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд) и ст. 306 УК РФ (Заведомо ложный донос). В двух статьях из них предусмотрена уголовная ответственность за преступления против правосудия, совершаемые на любой стадии уголовного судопроизводства: ст. 297 (Неуважение к суду) и ст. 305 УК РФ (Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта). Такая ситуация объясняется тем, что в УПК РФ предусмотрен судебный порядок рассмотрения жалоб на процессуальные акты, а также действия (бездействие) должностных лиц в ходе досудебного производства (ст. 125 УПК РФ); судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия в ходе досудебного производства (ст. 165 УПК РФ); а также в ст. 399 УПК РФ предусмотрен

---

¹ См.: Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 683–713.

порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. В каждом из перечисленных случаев проводится судебное разбирательство с участием определенных в законе лиц и выносится судебный акт.

И в одной статье главы 31 УК РФ установлена ответственность за деяния, совершаемые обособленно от стадий уголовного судопроизводства. Это ст. 316 УК РФ (Укрывательство преступлений). Однако укрывательство преступлений может быть совершено в том числе в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Для целей данной статьи также следует определиться с основными критериями дифференциации наказания. По этому поводу нельзя не согласиться с мнением, согласно которому эффективность уголовной политики должна состоять в дифференцированном подходе, в том числе с учетом тяжести противоправного деяния и личности виновного¹.

Если говорить об учете личности виновного при дифференциации наказания за рассматриваемые преступления, то следует обратить внимание на то, что такой учет должен законодательно осуществляться в зависимости от признаков, характеризующих специальный субъект. Более того, эти специальные признаки оказывают непосредственное влияние на степень общественной опасности преступления.

Некоторые из указанных нами составов преступлений характеризуются наличием общего субъекта, другие – специального, в частности должностного лица, непосредственно участвующего в ходе досудебного производства (при осуществлении предварительного расследования или в судебном разбирательстве), признаки которых прямо указаны в уголовном законе (судья, следователь, прокурор и т.п.); либо лица, совершившего рассматриваемые преступления с использованием своего служебного положения.

Если проанализировать, кто, исходя из своего служебного положения, может стать специальным субъектом в рассматриваемых преступлениях, то список выглядит следующим образом: судья; прокурор; следователь; лицо, производящее дознание; должностное лицо, уполномоченное рассматривать дела об административных правонарушениях; должностное лицо, уполномоченное составлять протоколы об административных правонарушениях;

---

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 354.

защитник; эксперт; специалист; переводчик; служащий кредитной организации; лицо, обладающее определенным статусом или занимающее должность, позволяющими использовать свое служебное положение.

Из данного перечня существенно выделяются специалист; переводчик и служащий кредитной организации, поскольку их участие в ходе досудебного производства обусловлено либо легальной материальной заинтересованностью (переводчик и, как правило, специалист, чаще всего привлекаемый к участию в деле на платной основе), либо работой в кредитной организации, основной целью которой является получение прибыли.

Остальные из перечисленных специальных субъектов являются должностными лицами, а также государственными (муниципальными) служащими, которые, в силу своих служебных полномочий и своего статуса, могут их использовать для совершения рассматриваемой группы преступлений (ч. 3 ст. 294 УК РФ).

Соотносясь с целями данной статьи, посвященной вопросам дифференциации наказания и существенности обозначенного отличия, а также необходимостью выработки четких критериев для дифференциации наказания, с учетом единого характера специальных признаков, присущих специальному субъекту, из рассматриваемой группы специальных субъектов следует исключить специалиста, переводчика и служащего кредитной организации.

Таким образом, из 21 рассматриваемой статьи в девяти установлена уголовная ответственность за преступления, составы которых характеризуются специальным субъектом в виде должностного лица и лица, использующего свое служебное положение для совершения преступления. Это ч. 3 ст. 294, 299, 300, 301, 302, 303, 305, ч. 1 ст. 307 (относительно эксперта), 311 УК РФ. Санкции названных норм и станут предметом нашего изучения.

Причем по своему характеру специальные признаки, определяющие статус субъекта преступления как специального, определяются служебным положением субъекта и его возможностью, исходя из его служебных полномочий, совершить конкретное преступление из рассматриваемой нами группы.

Так, например, при определении специального субъекта ч. 3 ст. 294 УК РФ следует учитывать, что «использование служебного положения» может выражаться в применении для оказания воздействия на судью, прокурора, следователя или дознавателя либо для создания препятствий их деятельности своего административного

потенциала руководителями судов или правоохранительных органов, руководителями и должностными лицами государственных органов законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления, должностными лицами негосударственных организаций, от которых зависит удовлетворение бытовых и иных потребностей судей, прокуроров, следователей, дознавателей. Следовательно, круг субъектов, подлежащих ответственности в соответствии с ч. 3 ст. 294 УК РФ, не ограничивается лицами, являющимися в соответствии с п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ субъектами преступлений, предусмотренных главой 30 УК РФ¹.

Теперь проанализируем санкции рассматриваемых норм на предмет соответствия общественной опасности совершенных преступлений, а также в сравнении с санкциями, где субъект преступления не обладает служебными полномочиями.

Итак, санкция ч. 3 ст. 294 УК РФ содержит такие альтернативные виды наказания, как штраф, принудительные работы и лишения свободы. То есть, если лицо, наделенное государством служебными полномочиями, вмешивается в деятельность суда или следствия в целях воспрепятствовать объективному расследованию дела или осуществлению правосудия, ему реальное лишение свободы не грозит. Такое наказание обусловлено требованиями ст. 60 УК РФ, а также правилами назначения наказания, определенными постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58, согласно которым назначение реального лишения свободы, при наличии альтернативных видов наказания, а также при совершении преступлений средней тяжести впервые, не рекомендуется. Тем не менее представляется, что совершение такого преступления должно наказываться более строго, поскольку виновное лицо посягает на конституционное право граждан на доступ к правосудию, что может повлечь за собой тяжкие последствия.

Часть 1 ст. 299 УК РФ предусматривает санкцию в виде лишения свободы на срок от 2 месяцев до 7 лет. Если виновный раскаялся, заявил ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке принятия судебного решения, возместил причиненный преступлением вред потерпевшим, то, с учетом требований ст. 73 УК РФ, за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности с очень большой долей вероятности лишение свободы может быть назначено условно.

---

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X–XII. В 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 4. 278 с. // СПС «КонсультантПлюс».

В том числе и потому, что характеризуются такие должностные лица в подавляющем числе случаев исключительно положительно, имеют иждивенцев, а также хронические заболевания, что также учитывается при назначении наказания. То же самое относится к преступлениям, предусмотренным ч. 2 и 3 ст. 299 УК РФ, а также ст. 300 УК РФ (Незаконное освобождение от уголовной ответственности).

Представляются не вполне логичными санкции ст. 301 УК РФ, поскольку за заведомо незаконное задержание, совершенное впервые и при отсутствииотягчающих наказание обстоятельств, исходя из требований ст. 56 УК РФ, виновному не может быть назначено реальное лишение свободы. В санкции ч. 1 указанной статьи установлена ответственность в виде ограничения свободы, принудительных работ, ареста (который до сих пор не назначается) и лишения свободы сроком до 2 лет. То есть законодатель отнес данное преступление к категории небольшой тяжести.

Также не соответствуют общественной опасности совершенного деяния наказания, имеющиеся в ч. 2 и 3 ст. 301 УК РФ, позволяющие виновному за заведомо незаконное заключение под стражу с большой долей вероятности (при условии раскаяния и т.п.) остаться на свободе; а в случае наступления тяжких последствий иметь все шансы на условное осуждение. Аналогичная ситуация и со ст. 302 УК РФ (Принуждение к даче показаний), в том числе когда оно совершается с применением насилия, издевательств или пытки.

Является необоснованно мягкой и санкция ч. 1 ст. 303 УК РФ (Фальсификация доказательств), согласно которой самое строгое наказание должностному лицу, уполномоченному рассматривать дела об административных правонарушениях, может быть назначено в виде исправительных работ. А ведь это работа, в том числе выбранная осужденным самостоятельно, при которой из заработной платы осужденного производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от 5 до 20%. Такое наказание неспособно оказать должного превентивного воздействия на должностных лиц.

Аналогичная ситуация и с наказанием за заведомо ложное заключение эксперта (ч. 1 ст. 307 УК РФ), а также за разглашение сведений о мерах безопасности лицом, которому эти сведения стали известны в связи с его служебной деятельностью (ст. 311 УК РФ).

Относительно ч. 1 ст. 303, ч. 1 ст. 307 и ст. 311 УК РФ также немаловажно обратить внимание на то, что среди альтернативных субъектов данных преступлений, помимо должностных лиц, совершаемых

данные преступления с использованием служебных полномочий, указан общий субъект. И наказание им назначается в рамках одних и тех же санкций. Такое положение дел недопустимо, поскольку очевидно, что, например, фальсификация доказательств должностным лицом, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, обладает существенно большей степенью общественной опасности, чем фальсификация доказательств по тому же делу об административном правонарушении со стороны иного участника производства. Данный вывод основан хотя бы на том, что указанные должностные лица, в отличие от остальных участников производства, обладают не только широким спектром полномочий по рассмотрению дела, но и обязаны обеспечить соблюдение прав и законных интересов всех участников производства по делу. Они же совершают действия, противоположные предписанным им в КоАП РФ. Следовательно, и наказание за совершенную ими фальсификацию доказательств должно быть пропорционально более суровым – как минимум в два раза по своим срокам или размерам.

Также необоснованно мягкими являются наказания из санкций ч. 2, 3 и 4 ст. 303 УК РФ. Так, фальсификация доказательств следователем или лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий, является преступлением средней тяжести, что минимизирует риск реального осуждения к лишению свободы. А за фальсификацию доказательств, повлекшую тяжкие последствия, при наличии совокупности смягчающих наказание обстоятельств, может быть назначено условное лишение свободы.

Санкции ст. 305 УК РФ также не соответствуют, на наш взгляд, тяжести совершенного преступления.

Подводя промежуточный итог краткому анализу санкций рассматриваемых норм, следует констатировать, что имеющиеся в них наказания не в полной мере соответствуют принципу справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ).

С учетом изложенных данных, представляется необходимым государственным (муниципальным) служащим дифференцировать наказание за совершаемые преступления, связанные с использованием ими своих служебных полномочий, таким образом, чтобы оно существенно отличалось своей строгостью от наказания лицам, не обладающим такими полномочиями и статусом государственного (муниципального) служащего.

Считаем такое предложение верным и обоснованным по следующим основаниям. Во-первых, борьба с подобного рода преступлениями

объявлена приоритетной в ряде федеральных законов. Например, в п. «б» ст. 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» указано, что одним из основных принципов противодействия коррупции является приоритетное применение мер по предупреждению коррупции. Во-вторых, все нормативные правовые акты, определяющие порядок прохождения государственной (муниципальной) службы, а также другие федеральные законы содержат положения, ограничивающие права лиц, обладающих какими-либо служебными полномочиями, в отличие от остальных граждан.

Кроме того, согласно п. «б» ст. 7 вышеуказанного Федерального закона № 273-ФЗ, одним из основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции является унификация ограничений, запретов и обязанностей, устанавливаемых для государственных и муниципальных служащих, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности глав муниципальных образований, муниципальные должности¹. Изложенное, безусловно, влечет за собой вывод о необходимости установления повышенной степени ответственности за нарушения, связанные с использованием своих служебных полномочий. В-третьих, установленные в кодексах профессиональной этики жесткие требования к морально-нравственному облику лиц, занимающих служебное положение, уже сами по себе обуславливают суровую ответственность, которая так же, как и нравственные требования, должна принципиально отличаться от ответственности остальных лиц².

В-четвертых, более жесткую ответственность предпочитают также и повышенные требования к кандидатам на замещение должностей, обладатели которых могут стать субъектами рассматриваемых преступлений³.

---

¹ См.: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.04.2020).

² См.: Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23.12.2010 (протокол № 21)); Кодекс судейской этики (утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012); приказ Генпрокуратуры России от 17.03.2010 № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации»; Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1; Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и др.

Таким образом, до тех пор пока уголовная ответственность должностных лиц, государственных и муниципальных служащих не будет существенно отличаться по своей суровости от ответственности за иные, в том числе общеуголовные преступления, минимизировать уровень коррупции будет весьма проблематично.

При этом следует создать такое общественное мнение по отношению к прохождению государственной (муниципальной) службы, чтобы каждый гражданин знал: выдвигая свою кандидатуру на замещение вакантной должности государственной (муниципальной) службы, он должен быть готовым отдать все свои силы за дело обеспечения прав и законных интересов гражданина, общества и государства. Претендент также должен осознавать, что в случае использования своих служебных полномочий в личных целях единственным наказанием для него уголовным законом будет предусмотрено наказание в виде реального лишения свободы на срок не менее трех лет без права на условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ) либо замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ).

Помимо всего изложенного, следует также обратить внимание на то, что в действующем УК РФ существуют нормы, которые противоречат не только принципу справедливости (ст. 6 УК РФ), но и требованиям логики.

Так, в настоящее время, в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 73 УК РФ, условное осуждение не назначается осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста. Считаем, что общественная опасность преступлений, совершаемых различного рода чиновниками, с учетом предназначения государственной службы и статуса государственных служащих, ничуть не ниже преступлений против половой неприкосновенности личности.

Кроме того, согласно п. «б» ч. 1 ст. 73 УК РФ, условное осуждение также не назначается при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления, либо в течение неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, при условно-досрочном освобождении. На практике нередки случаи, когда на основании указанного положения закона суды, при отсутствии оснований для снижения категории преступления, обязаны отправлять в места лишения свободы лиц, совершивших в течение испытательного срока,

например, кражу с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) или незаконное хранение наркотических средств (ч. 2 ст. 228 УК РФ). По обстоятельствам совершения это могут быть такие преступления, например, когда молодой человек с банковской карты своей сестры против ее воли снимает тайно 5000 рублей. Или когда юная девушка, являясь больной наркоманией, покупает себе 2,5 грамма героина.

Общественная опасность преступлений в двух последних примерах не идет ни в какое сравнение с общественной опасностью преступления, когда чиновница, заранее спланировав и разработав способы преступления, похищает десятки миллионов рублей, направляемых из муниципального бюджета для школ и детских садов; или когда сотрудники правоохранительных органов вымогают последние денежные средства у родителей задержанных ими лиц взамен на освобождение последних от уголовной ответственности.

Уголовный кодекс содержит положения, усиливающие ответственность некоторых категорий государственных служащих. Например, согласно п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, к отягчающему наказанию обстоятельству в 2010 г. было отнесено совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел. Однако это явно избирательное решение исключительно в отношении указанной категории, по нашему мнению, не соответствует принципу равенства (в обычном понимании этого слова), а также не вполне логично. Закон не должен содержать нормы, в которых устанавливается повышенная ответственность сотрудника органа внутренних дел по сравнению, к примеру, с сотрудником ФТС, ФСБ, суда или прокуратуры. Все указанные лица являются государственными служащими. И несоответствие следует как можно быстрее устранить.

Перечень аргументов и примеры в пользу более сурового наказания государственным (муниципальным) служащим можно было бы приводить и далее, но это предмет для более серьезного исследования. Поэтому следует ограничиться изложенным и предложить некоторые законодательные меры по дифференциации наказания для рассматриваемой категории лиц.

Итак, в качестве мер дифференциации наказания за совершение преступлений против правосудия, совершаемых в ходе досудебного производства государственными (муниципальными) служащими с использованием своего служебного положения, предлагаются следующие.

1. Установить в качестве единственного вида наказания за совершение рассматриваемой группы преступлений лицами с использованием своего служебного положения реальное лишение свободы с нижним пределом в три года, изменив тем самым санкции норм, где единственным субъектом преступления могут являться указанные лица, на безальтернативные. В целях реализации этого предложения необходимо дополнить ст. 304 и 309 УК РФ квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками, в которых предусмотреть совершение тех же деяний с использованием своего служебного положения; исключить из ч. 1 ст. 303 УК РФ указание на фальсификацию доказательств должностным лицом, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, либо должностным лицом, уполномоченным составлять протокол об административных правонарушениях, переместив данные деяния в ч. 4 ст. 303 УК РФ; дополнить ст. 307 УК РФ частью 1.1, в которой установить ответственность за заведомо ложные показания либо заключение эксперта, исключив эти положения из ч. 1 ст. 307 УК РФ; дополнить ст. 311 УК РФ частью 1.1, в которой установить ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, если они стали известны лицу в связи с его служебной деятельностью, исключив эти положения из ч. 1 указанной статьи.

2. Дополнить ч. 1 ст. 73 УК РФ указанием на невозможность применения условного осуждения к указанным лицам, распространив тем самым данное положение на всех должностных лиц, государственных (муниципальных) служащих, но с оговоркой – совершивших умышленные преступления с использованием своего служебного положения.

3. Дополнить установленный в ч. 1 ст. 74 УИК РФ перечень исправительных учреждений указанием на исправительные колонии строгого режима для должностных лиц, государственных (муниципальных) служащих, совершивших умышленные преступления с использованием своего служебного положения, также дополнив соответствующим положением ч. 3 ст. 73 УИК РФ.

4. Дополнить п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ указанием на должностных лиц, государственных (муниципальных) служащих, совершивших умышленные преступления с использованием своего служебного положения, тем самым определив им в качестве вида исправительного учреждения за впервые совершенное преступление исправительную колонию строгого режима.

---

5. Дополнить ч. 1 ст. 73 УИК РФ указанием о направлении осужденных государственных (муниципальных) служащих, совершивших преступления с использованием своего служебного положения, для отбывания наказания в соответствующее исправительное учреждение, за исключением территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали, когда осуществляли служебную деятельность или были осуждены.

6. Дополнить ст. 79 и 80 УК РФ положениями о запрете применения условно-досрочного освобождения (ст. 79 УК РФ) либо замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) по отношению к обозначенной ранее категории осужденных коррупционеров.

7. Пункт «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ изменить, изложив его в следующей редакции: «совершение умышленного преступления с использованием своего служебного положения государственным (муниципальным) служащим;».

8. Следует принять необходимые нормативные документы, в которых установить повышенные требования к осуществлению усиленного контроля за отбыванием наказания бывшими государственными (муниципальными) служащими со стороны служб собственной безопасности компетентных органов.

Станкевич А.М.,

*к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Котова А.А.,

*слушатель ИПСОПР
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 314.1 УК РФ, ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

По данным ГИАЦ МВД России, каждое второе лицо, совершившее преступление, в будущем вновь совершает новое преступное деяние¹. Данный факт обуславливает необходимость усиления контроля правоохранительными органами за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

6 апреля 2011 г. принят Федеральный закон № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»². В дальнейшем в Уголовный кодекс РФ внесена ст. 314.1, определяющая ответственность за уклонение от административного надзора. Практическая деятельность подтолкнула законодателя на новый шаг – принятие Федерального закона от 31 декабря 2014 г., который дополнил частью второй норму ст. 314.1 УК РФ. Таким образом, мы видим отражение в обозначенном составе преступления административной преюдиции – «неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений»³.

---

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 01.05.2020).

² Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 31.12.2014 № 514-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Административный надзор влечет для лиц комплекс запретов и ограничений, которые устанавливаются судебными органами. В свою очередь, органы внутренних дел наделяются полномочиями по осуществлению наблюдения за их соблюдением. Специфика института административного надзора заключается в том, что он имеет уголовно-правовую природу, действует на уголовно-правовых основаниях, призван обеспечить достижение уголовно-правовых целей, но вместе с тем назначается в административном порядке¹.

Обусловленность действия указанного института является предметом обсуждения среди ученых и правоприменителей. Авторами высказывается мнение, согласно которому при установлении административного надзора лицу, отбывшему наказание в виде лишения свободы, повторно назначается наказание, что противоречит принципу справедливости. Н.С. Таганцев указывал, что «надзор служит непосредственным продолжением лишения свободы»². А.О. Астахова, отмечая сходство рассматриваемых институтов, указывает также на их разграничение, в числе которых различные цели, процедура назначения, субъекты применения³. Вместе с тем уголовная ответственность, предусмотренная ст. 314.1 УК РФ, является эффективным средством обеспечения действия данного института.

Административный надзор призван обеспечить защиту государственных и общественных интересов, а его основная задача – специальная превенция, в связи с чем при криминализации уклонения от административного надзора законодатель поместил данный состав преступления в главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия». А.В. Дружинин отмечает, что «установление в отношении лица административного надзора является исключительной прерогативой судебных органов»⁴. В качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, определяют общественные отношения в сфере реализации вступивших в законную силу судебных актов.

---

¹ См.: Астахова А.О., Галимова М.А. К вопросу о правовой обусловленности запрета на уклонение от административного надзора и неоднократного нарушения установленных ограничений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 22–30.

² См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. В 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 2. С. 11.

³ См.: Астахова А.О. Уголовно-правовые последствия административного надзора и ограничения свободы // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2015. № 2 (43). С. 230–233.

⁴ См.: Дружинин А.В. Уклонение от административного надзора (ст. 314.1 УК РФ): анализ объекта преступления // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uklonenie-ot-administrativnogo-nadzora-st-314-1-uk-rf-analiz-obekta-prestupleniya> (дата обращения: 05.05.2020).

При криминализации законодатель справедливо руководствовался повышенной общественной опасностью деяния. Во-первых, несоблюдение административного надзора не позволяет в полной мере осуществить превентивную работу, профилактику рецидивной и профессиональной преступности. Во-вторых, нарушение предписаний подрывает авторитет суда и системы правоохранительных органов в целом, вызывает недоверие общества. Иными словами, уклонение от административного надзора «рассматривается как акт негативного, неправомерного поведения»¹.

Диспозиция ч. 1 ст. 314.1 УК РФ гласит, что уголовно наказуемым является деяние, выраженное в невозвращении без уважительных причин лица, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы, к избранному им месту жительства или пребывания в определенный администрацией исправительного учреждения срок². В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 УК РФ» разъясняется, что в содержание общественно опасного деяния включается не только неисполнение обязанности вернуться к месту жительства или пребывания, но и обязанности «явиться для постановки на учет в орган внутренних дел в течение трех рабочих дней со дня прибытия»³. Судебное толкование охватило многие вопросы применения ст. 314.1 УК РФ, которые ранее являлись предметом дискуссий среди ученых и правоприменителей. В частности, в качестве субъекта преступления определяется лицо, в отношении которого судом установлен административный надзор, в качестве обязательного элемента субъективной стороны указана специальная цель деяния – уклонение от административного надзора, а также раскрыты содержание понятий места жительства и пребывания, уважительные причины «неприбытия». Пленум особо подчеркивает бланкетный характер диспозиции ст. 314.1 УК РФ, что требует от правоприменителя знания законодательства в области административного надзора, чем обуславливает трудности квалификации.

¹ См.: Астахова А.О., Галимова М.А. Указ. раб. С 22–30.

² См.: Уголовное право России: учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

Тем не менее специалисты указывают на ряд вопросов, которые были оставлены без рассмотрения Пленумом Верховного Суда РФ. В частности, нет однозначного понимания момента окончания преступления. По мнению Т.Н. Долгих, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, относится к длящимся с формальным составом, при этом остается неопределенным момент окончания преступления¹. В частности, для квалификации деяния по ст. 314.1 УК РФ необходимо определить цель уклонения и то, что лицо злостно не соблюдает установленные судом и/или исправительным учреждением правоустановления.

Современная уголовная политика России характеризуется увеличением количества составов с административной преюдицией. Следует отметить положительный аспект совершенствования уголовного законодательства и практики применения в данном направлении. В связи с этим считаем дополнение ст. 314.1 УК РФ частью второй, содержащей в качестве конструктивного признака состава преступления неоднократность несоблюдения поднадзорным установленных запретов и ограничений, важным в практической деятельности правоприменительных органов. Обозначенный признак служит средством обеспечения действия института административного надзора и обусловлен общественной опасностью повторности деяния. Вместе с тем диспозиция рассматриваемой нормы носит сложный характер.

Как отмечают специалисты, трудности установления неоднократности в указанном составе связаны с «пересечением многочисленных юридических предписаний»². Так, согласно примечанию к ст. 314.1 УК РФ, для квалификации по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ поднадзорный более двух раз в течение года должен быть привлечен к административной ответственности по ч. 1 и 3 ст. 19.24 КоАП РФ «Несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре». Авторы указывают, что законодательство об административном надзоре содержит пять таких ограничений, при этом на квалификацию не влияет, совершается одно и то же нарушение несколько раз или имеет место разное их сочетание³. Однако группу

---

¹ См.: Долгих Т.Н. Вопросы, оставленные за рамками Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 314.1 УК РФ» // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 2. С. 44–53.

² См.: Плешаков А.М., Осипов В.А., Мордовец А.А. Неоднократность административного правонарушения как конструктивный признак состава преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 184–189.

³ Там же.

административных правонарушений можно расширить, это будет носить социально полезный воспитательный характер.

Кроме того, при квалификации по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ необходимо также обращать внимание на то, что несоблюдение ограничений, установленных в рамках административного надзора, должно быть дополнительно сопряжено с совершением одного или нескольких административных правонарушений, указанных в диспозиции рассматриваемой нормы. Пленум Верховного Суда поясняет, что эти действия должны совершаться одновременно.

Таким образом, ответственность за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений является важным средством обеспечения действия института административного надзора, цель которого состоит в предупреждении совершения лицами, освобожденными из мест лишения свободы, новых преступлений, сдерживании рецидивной и профессиональной преступности. Эффективность применения ст. 314.1 УК РФ зависит от знания правоприменителем особенностей квалификации, а также положений законодательства об административном надзоре.

Гришин Д.А.,

*к.ю.н., доцент,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики
Академии ФСИН России (г. Рязань)*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ

В большинстве случаев лицо, совершившее преступление, рассчитывает на то, что его поведение останется безнаказанным. При этом злоумышленники используют различные способы, чтобы избежать уголовной ответственности¹. Первоначально они принимают меры, направленные на сокрытие следов своей преступной деятельности. В случае установления причастности конкретного лица к уголовно наказуемому деянию заинтересованными лицами может быть реализован ряд мероприятий, цель которых – противодействие расследованию, затруднение процессуальной активности уполномоченных должностных лиц, минимизация доказательственной базы, незаконное воздействие на участников уголовного судопроизводства.

При исследовании выбранной проблематики наиболее целесообразно рассматривать предупреждение (извещение, предостережение)² как явление, имеющее трехуровневое содержание и включающее в себя профилактику, предотвращение, пресечение, которые выступают как ее стадии³.

Следует согласиться с тем обстоятельством, что противодействие, оказываемое на досудебных стадиях уголовного процесса, нередко

---

¹ См.: Акчурин А.В., Нуждин А.А. Противодействие расследованию мошенничества с использованием средств сотовых систем подвижной связи в учреждениях УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 3 (130). С. 44–47.

² См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство «Мир и образование», 2008. 736 с. С. 507.

³ См.: Нуждин А.А. Предупреждение преступности: теоретико-правовой аспект // Сборник тезисов выступлений и докладов участников III Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление». 2017. С. 183; Воронин Ю.А., Майоров А.В. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 8; Криминология: учебник для вузов / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долговой. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Норма, 2005. С. 382; Алексеев А.И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: Юнити, 2001. С. 16.

носит устойчивый, организованный характер¹, что требует применения различных средств по его преодолению. Изучение правоприменительной практики, анализ материалов уголовных дел позволяют сделать вывод, что противоправные действия, направленные на противодействие предварительному расследованию, могут быть спрогнозированы, а, соответственно, при правильном применении предупредительных мер могут быть своевременно устранены.

Целесообразно вести речь о следующей системе средств минимизации и нейтрализации противодействия расследованию:

1. Оперативное сопровождение производства по уголовному делу.
2. Реализация элементов института мер процессуального принуждения.
3. Обеспечение информационной защищенности хода и результатов предварительного расследования.
4. Своевременное применение мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства.

Осуществление оперативно-разыскной деятельности не должно прекращаться в связи с возбуждением уголовного дела и началом предварительного расследования². Во-первых, это необходимо для установления обстоятельств преступной деятельности³. Кроме того, за счет сил и средств оперативных подразделений считаем возможным выявление фактов незаконного воздействия на участников уголовного судопроизводства, подготовки преступлений, направленных на противодействие нормальному ходу предварительного расследования. В частности, согласно ст. 7 ФЗ РФ «Об оперативно-разыскной деятельности» в качестве оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий в том числе установлены: наличие сведений о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда; поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда; постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц.

При получении информации о готовящихся актах противодействия предварительному расследованию оперативным подразделениям

---

¹ См.: Малютин М.П. Тактические приемы, их допустимость и использование для достижения тактических целей допроса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 4.

² См.: Гришин Д.А., Шурухнов Н.Г. О конвертации результатов производства оперативно-разыскных мероприятий в доказательства // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки и практики XXI века». 2016. С. 110.

³ См.: Шаталов А.С., Антипов А.Ю. Использование в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-разыскной деятельности: тенденции и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 4–2. С. 65.

необходимо незамедлительно осуществлять взаимодействие со следователем, дознавателем, осуществляющим производство по уголовному делу, для планирования совместных действий по нейтрализации негативного воздействия на ход уголовно-процессуальной деятельности.

Исходя из предназначения мер процессуального принуждения, есть все основания утверждать, что средства указанного института должны быть реализованы, прежде всего, в целях предупреждения противоправных действий, направленных на противодействие предварительному расследованию. Анализ положений глав 12–14 УПК РФ позволяет отметить, что основаниями применения мер принуждения в уголовном процессе является ненормативное поведение его участников, возможность совершения подозреваемым, обвиняемым действий, направленных на нарушение нормального хода уголовного судопроизводства. В частности, согласно ст. 97 УПК РФ меры пресечения применяются в случае наличия достаточных данных предполагать, что лицо, подвергаемое уголовному преследованию, скроется от дознания, предварительного следствия или суда, продолжит заниматься преступной деятельностью, будет воспрепятствовать производству по уголовному делу – угрожать участникам уголовного судопроизводства, предпринимать попытки по уничтожению доказательств и т.д.

Предупреждение противодействия производству по уголовному делу будет более эффективным при условии обеспечения информационной защищенности хода и результатов предварительного расследования. Автор статьи ни в коем случае не утверждает о полном сокрытии сведений о проводимых следствии или дознании. Однако определенная степень защиты информации должна иметь место. Не случайно одним из общих условий предварительного расследования является закрепленная в ст. 161 УПК РФ недопустимость разглашения данных указанной процессуальной деятельности¹. Указанная норма предполагает предание гласности сведений о ходе проводимого расследования только с разрешения следователя или дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым. Полная осведомленность подозреваемого, обвиняемого, а также сочувствующим им лиц о достигнутых результатах предварительного расследования, планируемых следственных

---

¹ См.: Сулейманов Т.А., Белая Н.П., Данилова И.Ю., Жарко Н.В. Тактические приемы допроса подозреваемых при расследовании пенитенциарных преступлений // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2014. № 6. С. 152.

действиях, имеющихся доказательствах может быть использована ими для планирования и совершения действий, направленных на воспрепятствование нормальному ходу уголовного судопроизводства с целью избежать уголовной ответственности.

Учитывая конфликтность взаимодействия в рамках уголовного судопроизводства, предполагая возможность ненормативного поведения заинтересованных лиц, законодатель в ФЗ РФ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» предусмотрел систему мер государственной защиты, которые могут быть применены для обеспечения безопасности как участников уголовного процесса, так и иных лиц (заявители, очевидцы, родственники и близкие лица участников и др.). В ходе досудебного производства необходимо учитывать результаты оперативно-разыскной деятельности, иную непроцессуальную информацию, в том числе поступившую непосредственно от лиц, являющихся объектами противоправного воздействия.

Совершенно очевидным является то обстоятельство, что своевременное и тактически грамотное обеспечение безопасности участников уголовного процесса – залог эффективности предупреждения противодействия их предварительному расследованию¹. Кроме того, начиная со стадии возбуждения уголовного дела в обязательном порядке следует проводить тщательный анализ возможности потенциального противодействия расследования, учитывая при этом характер совершенного преступления, наличие соучастников, привлечение подозреваемого, обвиняемого к уголовной ответственности в прошлом, наличие у них связей с криминальным миром и т.д.

---

¹ См.: Головина Е.В. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса в системе мер преодоления противодействия расследованию должностных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 1 (88). С. 153; Замылин Е.И. Следователь как инициатор государственной защиты на стадии предварительного расследования // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 2. С. 153.

Густова Э.В.,

К.ю.н.,

*старший преподаватель кафедры
уголовного права*

*Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТКАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ И ПРОБЛЕМАХ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

В настоящее время проблема правильного толкования уголовного закона является одной из наиболее значимых для науки и практики, требующей принятия эффективных мер по ее решению. Учитывая значительное количество поправок, вносимых в УК РФ, и экстренный режим их принятия, возникают сложности в правоприменении. Об этом свидетельствуют перенасыщение уголовного права бланкетными диспозициями, оценочными категориями, не имеющими однозначного смысла, наличие противоречий между словесной формой юридической нормы и ее буквальным содержанием, а также отсутствие легального определения некоторых понятий (в частности, «беспомощное состояние», «мелкое хищение», «особая жестокость»), используемых в нормах УК РФ; употребление идентичных формулировок в разных статьях Особенной части («неоднократно», «систематически», «ущерб») допускает придание разных значений этим формулировкам в рамках одного и того же нормативного акта. Кроме того, конструкция некоторых норм действующего уголовного закона лишена системности, зачастую законодатель не учитывает внутренние, межсистемные и межотраслевые связи уголовно-правовых норм, институтов и правоотношений, тем самым способствуя появлению разнообразных дефектов и деформаций в отраслевой системе, ослаблению ее целостности, что чревато деградацией отрасли уголовного права.

Следует отметить, что толкование права является важнейшим элементом правореализационного процесса. Неразрывная связь разъяснения смысла соответствующих нормативных предписаний

и правоприменения объясняется тем, что правильная реализация предписаний невозможна без уяснения их точного содержания¹.

Уяснение есть внутренний мыслительный процесс познания правовых предписаний субъектом правоинтерпретации. Однако в настоящее время не заканчиваются споры о том, уяснение чего именно необходимо в процессе толкования – духа или буквы закона². Представляется, что эти два феномена взаимосвязаны и являются логическим дополнением друг друга (главный аргумент в поддержку такого мнения: не может быть уяснен дух закона, если интерпретирующий субъект не уяснил букву закона, а посему от законодателя требуется четкое и понятное изложение текста закона). Причем Г.Ф. Шершеневич и Н.С. Таганцев прямо утверждали, что «для толкования существенно то, что выражено в законе, а не то, что хотели в нем выразить; мысль, предложенная законодателем, не нашедшая выражения в тексте закона, не составляет закона: что не выражено, то не может быть выяснено»³.

Таким образом, если в правоприменении субъекты сталкиваются с проблемами интерпретации уголовного закона, причинами которых являются законодательная конструкция, имеющиеся дефекты языка закона, соответствующие недостатки должны анализироваться в целях выработки предложений для их устранения путем внесения соответствующих изменений и дополнений в текст закона.

В качестве наглядного примера существующих проблем толкования рассмотрим законодательную конструкцию отдельных правовых норм главы 31 УК РФ «Преступления против правосудия». При конструировании законодателем диспозиций статей о том или ином преступлении важным представляется его ориентирование на понятийный аппарат и терминологию. Так, название главы 31 УК РФ «Преступления против правосудия», на наш взгляд, не соответствует содержанию.

Объем отношений, регулируемых нормами уголовного права, определяется шире, чем собственно деятельность суда. В ст. 8 УПК РФ закреплено, что правосудие по уголовному делу в

---

¹ См.: Пронина М.П. Толкование в механизме правоприменения уголовного законодательства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 36.

² См.: Тихонова С.С. К вопросу о направлениях толкования уголовного закона // Вектор науки ТГУ. № 2 (2). 2010. С. 156–158.

³ См.: Шершеневич Г.Ф. Применение норм права // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 1. С. 56; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая: лекции. М., 1994. С. 91.

Российской Федерации осуществляется только судом. В статьях же УК РФ термин «правосудие» законодатель использует наряду с термином «предварительное расследование», под которым понимается самостоятельная стадия уголовного судопроизводства, на которой специально уполномоченные органы и должностные лица (следователь, руководитель следственного органа, дознаватель и орган дознания) осуществляют в соответствии с уголовно-процессуальным законом деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств, на основе которых устанавливается виновность (или невиновность) лица в совершении преступления, что объясняет их самостоятельность. Вывод очевиден: объектами уголовно-правовой охраны данной главы УК РФ в равной степени являются отношения, обеспечивающие нормальную деятельность суда и органов расследования. Более того, субъектами преступлений, предусмотренных ст. 299–302 УК РФ, могут быть только лица, осуществляющие предварительное расследование.

По мнению Ю.И. Кулешова, более приемлемым, с точки зрения использования процессуальных категорий для обозначения видового объекта этой группы преступлений, следует признать понятие «судопроизводство». По содержанию оно шире понятия «правосудие» за счет того, что включает в себя как деятельность судов по рассмотрению и разрешению дел, отнесенных к их ведению (собственно правосудие), так и действия других субъектов, которые реализуют свои права и обязанности, вступая в процессуальные отношения с судом. Поэтому в качестве альтернативного названия возможно данную группу преступлений обозначить как «Преступления в сфере судопроизводства»¹.

Конечно, «несоответствие наименования главы Уголовного кодекса ее внутреннему содержанию не является препятствием для применения закрепленных в ней отдельных статей». Однако это юридико-техническая погрешность свидетельствует о несистемности и несовершенстве законодательства.

Кроме того, если проанализировать преступления, включенные в данную главу, очевидным становится, что ряд из них в принципе не имеют отношения к осуществлению правосудия. Например, ст. 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения

---

¹ См.: Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2007. С. 12.

государственных или муниципальных нужд». Предусмотренное данной статьей преступление формально может быть совершено при осуществлении правосудия и в отношении специального субъекта, но целесообразнее было бы расположить эту статью в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». При этом в составах преступлений, предусмотренных ст. 306 «Заведомо ложный донос» и ст. 316 «Укрывательство преступлений», с трудом можно соотнести непосредственный и родовый объекты их уголовно-правовой охраны, а объективная сторона данных деяний вообще не имеет ничего общего с процессами осуществления правосудия и предварительного расследования.

Также терминологически неверно использование законодателем в тексте нормативно-правовых актов архаизмов, т.е. устаревших слов, например «донос», которое использовалось в старом русском праве и заимствовано из источников прошлых лет. Полагаем, в настоящее время целесообразно заменить термин «донос» на более понятный для правоприменения и граждан термин – «сообщение» или «заявление».

Употребление синонимов в УК РФ также не обошло главу 30. Рассматривая отдельную терминологию, употребляемую в данной главе, заслуживает внимания ст. 294 УК РФ, в которой законодатель использует термин «воспрепятствование» осуществлению правосудия и производству предварительного расследования. В диспозиции данной нормы описывается это как вмешательство в какой бы то ни было форме. Возникает вопрос: что понимать под такими формами, которые явным образом будут образовывать преступление? Ведь они могут быть разные и незапрещенные законом, но их участие может влиять на принимаемое органами расследования или судом решение со стороны лиц. Полагаем, в данном случае необходимо конкретизировать форму вмешательства для понимания характера и степени общественной опасности данного уголовно-правового деяния.

Говоря о толковании и законодательной технике уголовно-правовых норм главы 31 УК РФ, не совсем понятной представляется диспозиция ст. 305 УК РФ – вынесение судьей (судьями) заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Законодатель в скобках упоминает, что деяние может быть совершено как единолично судьей, так и коллегиально судьями, следовательно, за вынесение неправосудного акта предполагается ответственность

не только председательствующего по делу, но и других судей, принявших и подписавших этот акт. Таким образом, в данном случае речь идет о нескольких субъектах преступления. Возникает вопрос: зачем усложнять и нагромождать Особенную часть УК РФ при формулировке данной уголовно-правовой нормы, ведь логичнее было бы ограничиться применением норм института соучастия?

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что использование в диспозициях соответствующих статей УК РФ понятий и терминов, не отражающих современные реалии уголовного права и процесса, вызывает недопонимание у правоприменителей содержания отдельных уголовно-правовых предписаний, что влечет риск произвольного выбора той или иной нормы, подлежащей применению, ошибки в квалификации преступлений и возможных нарушений принципов уголовного права. Предложенные варианты решения проблем призваны способствовать правильному толкованию уголовного закона.

Старых С.М.,

К.Ю.Н.,

*старший преподаватель
кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Юнда Я.О.,

*курсант 376-го учебного взвода ИФПСОПР
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

БАНДИТИЗМ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, НАПРАВЛЕННОЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

За последние три десятка лет Российская Федерация пережила большое количество исторически важных событий: образование нового государства, избрание президента, появление и закрепление новой Конституции и т.д. Российская Федерация в корне изменила вектор своего развития, избрав для себя другие ценности и ориентиры. В частности, Россия теперь является правовым государством (ст. 1 Конституции РФ), где каждый человек обладает личной свободой (глава 2 Конституции РФ) и ему гарантирована защита широкого круга гражданских, политических, личных прав и свобод. В том числе и право на справедливое правосудие. Поэтому защита лиц, осуществляющих правосудие, в особенности от таких преступных посягательств, каковыми являются групповые преступления, занимает особенное место в правоохранительной практике.

Отдельно следует выделить и рассмотреть такую форму групповой преступности, как бандитизм. Определенным образом структурированная, вооруженная, имеющая ярко выраженных лидеров, нацеленная на нападения на граждан или организации – в последнее время такие преступные группы не останавливаются перед физическим посягательством на жизнь лиц, осуществляющих правосудие. Для защиты и продолжения своей преступной деятельности в их арсенале присутствуют также угрозы, шантаж, клевета.

Острая необходимость в правильной квалификации таких преступлений, отграничения от смежных составов, особенно в связи с вышеперечисленным, говорит о насущной необходимости рассмотрения этого вопроса.

Бандитизм представляет собой особо опасную форму преступности из-за того, что члены банды вооружены и готовы применить оружие к законопослушным гражданам. Также факторами повышенной опасности банды является ее сложная структурированность, организованная форма существования, а также нацеленность на многократное совершение преступлений.

Ослабление борьбы с бандитизмом может привести к весьма негативным последствиям. Действия банды могут способствовать совершению таких опасных преступлений, как терроризм, захват заложника, вымогательство и т.д. В обществе наблюдается такое явление, как слияние банд, что ведет к совершению более сложных и многоэпизодных преступлений, а также к более тщательному сокрытию следов преступления.

Таким образом, борьба с организованной преступностью, в частности с бандитизмом, является одной из приоритетных задач для правоохранительных органов.

Однако состав бандитизма, ответственность за который предусмотрена ст. 209 УК РФ, остается весьма сложным и порождает много дискуссий¹. Противоречия ст. 209 с положениями Общей части УК РФ, а также неполное и неточное судебное толкование со стороны Пленума Верховного Суда РФ (постановление от 17 января 1997 г. № 1) могут повлечь за собой назначение несправедливого наказания и ошибки в досудебном судопроизводстве. На практике наибольшую сложность для сотрудников правоохранительных органов составляют доказывание признаков состава бандитизма и отграничение его от смежных составов.

Часто возникает вопрос, связанный с пониманием такого термина, как «банда», даже невзирая на судебное толкование. Не совсем понятно, что законодатель имеет в виду под признаками организованности и устойчивости, а также вооруженности. Все вышеизложенное говорит о том, что необходимо провести полноценный и комплексный анализ теоретических вопросов, связанных с бандитизмом. Это в первую очередь важно для правильной квалификации данного деяния.

---

¹ См. также: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 607–608.

Наиболее остро стоит вопрос: что такое банда и каковы ее признаки? В ст. 209 УК РФ говорится, что бандой является устойчивая вооруженная группа (банда), созданная в целях нападения на граждан или организации. Но такое определение слишком сжатое, многое остается не до конца понятным. Именно поэтому судебное толкование является более широким и объемным. Так, в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 дается следующее определение: «Под бандой следует понимать организованную устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации»¹.

Итак, один из ключевых признаков банды – устойчивость, так сказано в ст. 209 УК РФ. В данном случае возникает противоречие со ст. 35 УК РФ, так как там выделены только четыре вида преступных групп, а признак устойчивости упоминается в ч. 3 ст. 35 УК РФ как один из признаков организованной группы. Возникает вопрос: банда является одной из разновидностей организованной группы или же самостоятельным образованием, на который Общая часть УК РФ не распространяется? Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 в попытках поправить определение, данное законодателем в УК РФ, расширяет его и вносит кое-какое разъяснение в такое понятие, как организованность. Законодатель рассматривает «организованность» и «устойчивость» как близкие понятия, но неверно было бы считать их тождественными. Более конкретное понятие устойчивости содержится в п. 4 вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда РФ: «Об устойчивости могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений».

В уголовно-правовой доктрине сложилось несколько мнений касательно соотношения понятий «устойчивость» и «организованность». Некоторые правоведы считают, что устойчивость включает в себя три элемента: предварительный сговор на совершение преступления; длительное время существования; организованность².

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // СПС «КонсультантПлюс».

² См. также: Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 386, 387.

В данном случае организованность рассматривается как компонент более широкого понятия устойчивости. По нашему мнению, организованность – это процесс, который свидетельствует об установлении связей между участниками банды: формирование между ними социально-психологического контакта, распределение функций и обязанностей, сговор на совершение преступлений, а также их планирование. В свою очередь, устойчивость является результатом данного процесса, который включает в себя постоянное совершение преступлений, поддержание контактов и связей между участниками банды, формирование внутренних правил и норм поведения. Также важным фактором является формирование внутренней иерархии членов банды, наличие лидера (организатора) и рядовых членов, в некоторых случаях имеется и оппозиционная сторона. Имея развитую и сложную структуру функционирования, банда способна использовать сложные способы совершения преступлений, связанные с длительной подготовкой и планированием готовящегося преступления, задействованием специальных технических средств, тщательным сокрытием следов преступления, а также эффективным противодействием правоохранительным органам в раскрытии преступлений.

Следующим признаком банды является «вооруженность», что означает «наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного оружия, как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия»¹. Законодатель исходит из понятия оружия, содержащегося в Федеральном законе «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ. Он рекомендует сотрудникам правоохранительных органов в спорных ситуациях опираться на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1, где разъяснено, что «в случае появления вопросов о признании оружием предмета, используемого членами банды при нападении, следует руководствоваться положениями ФЗ «Об оружии», а в необходимых случаях – заключением экспертов». При нападении оружие должно быть пригодным для целевого применения, иначе в данном случае вооруженность группы как признак банды отсутствует. В банде достаточно наличие оружия хотя бы у одного из ее членов и осведомленность об этом других членов.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // СПС «КонсультантПлюс».

Стоит сказать, что Пленум Верховного Суда РФ отверг предложение многих специалистов о том, чтобы не относить к оружию газовое и пневматическое при решении вопроса о вооруженности банды. Но на сегодняшний день по поводу вооруженности банды возникают споры и дискуссии. За последние годы в Российской Федерации большую популярность получило травматическое оружие и электрошокеры, которые по своим свойствам не могут являться основанием для признания группы вооруженной бандой. На этот вопрос действительно нет однозначного ответа. С одной стороны, действительно, урон, причиняемый таким оружием, слишком мал и не может повлечь тяжкие последствия или смерть. Ведь изначально данное оружие предназначалось для гражданских лиц в качестве предмета самообороны и для сотрудников частных охранных предприятий. Но в последнее время такое оружие стало популярным в преступной среде. К примеру, за прошлый год зафиксировано несколько преступлений, где группа лиц, используя травматическое оружие, совершала нападение на граждан с применением насилия. Зачастую такие действия квалифицировались по ст. 162 УК РФ, но действительно ли в этих ситуациях нет оснований для того, чтобы рассматривать данные группы лиц как банды? Как быть в тех случаях, когда у потерпевшего имеются скрытые травмы от применения оружия? В такой ситуации травматическое оружие, как и электрошокер, может причинить тяжкий вред здоровью, а в некоторых ситуациях и смерть.

По данным МВД России, ежегодно от травматического оружия гибнут в среднем 20 человек, за последние же 5 лет зафиксировано 60 случаев смертельных исходов от применения травматического оружия. Таким образом, травматическое и электрическое оружие в силу своей доступности и простоты в применении используется для совершения тех или иных преступлений, и ст. 209 УК РФ не исключение. Поэтому, возможно, законодателю стоит обратить внимание на действие организованных преступных групп с применением травматического оружия.

Еще один ключевой признак банды – цель ее создания. Такой целью в соответствии с УК РФ является нападение на граждан и организации. Этот признак отличает банду от других видов преступных групп, тем самым законодатель придает банде повышенный уровень опасности. Также по этому поводу разъяснения вносит постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 № 1, где указано: «Под нападением следует понимать действия, направленные

на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создание реальной угрозы его немедленно применения». Таким образом, совершение преступления бандой всегда сопряжено с применением насилия либо же с реальной угрозой его немедленного применения с помощью оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Остро стоит проблема отграничения бандитизма от смежных составов. В науке и практике давно ставится вопрос о разграничении бандитизма и разбойного нападения, совершенного организованной группой с применением оружия. По этому поводу высказываются многие авторы. Так, Г.Н. Борзенков указывал, что совершение разбойного нападения организованной вооруженной группой – одна из форм бандитизма. Автор говорит о том, что разбой от бандитизма отличается объектом посягательства, использованием оружия и наличием корыстной цели при разбойном нападении. В то время как при бандитизме цель – нападение на граждан и организации, а объектом являются отношения общественной безопасности как состояние защищенности личности, общества и организаций¹. Некоторые специалисты указывают, что разбой посягает на собственность и личность, а бандитизм – на основы государственного управления и общественную безопасность. Однако стоит полагать, что общественная безопасность уже включает в себя всевозможные объекты посягательств и больше похожа на общий объект преступлений².

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 указано, что основными критериями отличия банды от иных организованных групп следует признавать признак вооруженности и цель создания группы.

В уголовно-правовой доктрине существует мнение, что грань между бандитизмом и разбоем, совершенным организованной группой с применением оружия, стирается. В данном случае, как полагает В.М. Быков, провести разграничение между организованной вооруженной группой и бандой проблематично³. Исходя из этого, можно сделать вывод, что если устойчивая организованная вооруженная группа совершает нападение на граждан в целях хищения их имущества с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, то содеянное

¹ См.: Борзенков Г.Н. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3. М., 2002.

² Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. // Под ред. А.В. Бриллиантова. 2015.

³ См.: Быков В.М. Как разграничить бандитизм и разбой // Российская юстиция. 2001. № 3.

следует квалифицировать по совокупности преступлений (бандитизм и разбой).

В решении вопроса квалификации стоит обращать внимание на вооруженность группы. Если в ч. 2 ст. 162 УК РФ использование оружия – это квалифицирующий признак, то в ст. 209 УК РФ банда определяется как вооруженная устойчивая группа. Несмотря на первоначальное сходство двух составов в отношении вооруженности, между организованной группой, совершившей разбой с применением оружия, и бандитизмом имеется существенное отличие. Наличие оружия в банде – обязательный признак данной группы. Важно иметь в виду, что понятие и виды оружия в данном случае определяются ФЗ «Об оружии». Применение предметов, используемых в качестве оружия, не соответствует признаку вооруженности.

Стоит отметить, что диспозиция ст. 209 УК предусматривает наказание за сам факт создания или руководства бандой, а также за участие в таком формировании, а не за совершение определенных преступлений. Другими словами, бандитизм не требует наступления определенных последствий. Совершение участниками банды каких-либо преступлений будет квалифицироваться по совокупности преступлений.

В заключение стоит отметить, что ст. 209 УК РФ имеет в себе большое количество противоречий и спорных моментов. По этому поводу высказано много мнений различными учеными. Такая ситуация недопустима, так как банда представляет собой особо опасную группу лиц, объединившуюся для совершения нападений, а бандитизм признается особо тяжким преступлением, посягающим на общественную безопасность.

По нашему мнению, необходимо внести определенные коррективы в редакцию ст. 209 УК РФ, в частности дать более точную характеристику признакам банды, включить травматическое оружие в признак вооруженности, признавать бандой организованную группу, которая создается для многократного совершения преступлений. Путем судебного толкования необходимо разъяснить критерии отличия бандитизма от смежных составов.

Старых С.М.,

*к.ю.н., старший преподаватель
кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Костина Е.А.,

*курсант 376-го учебного взвода ИФПСОПР
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Цель исследования – освещение проблемы неоднозначного толкования нормы, предусматривающей ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела.

Конституция Российской Федерации, а также различные международно-правовые акты выступают гарантией защиты права человека на соблюдение справедливого судебного разбирательства. Иллюзорное соблюдение этих принципов ставит под сомнение идею развития демократического правового государства. Главенствующую роль в обеспечении возможности реализации данных принципов играют органы правосудия, так как это напрямую связано с выполнением возложенных на них задач. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ.

При изучении деяния, содержащего признаки состава преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, в том числе материалы практических судебных решений, следует отметить, что данная статья применяется крайне редко. Данный факт подтверждают статистические данные, на основании которых число осужденных за преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ, исчисляется единицами. К примеру, за 2019 г. было вынесено два приговора и два апелляционных постановления¹. За период с 2016 по 2018 г.

---

¹ Судебные и нормативные акты РФ // Портал СудАкт. URL: <https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-x/glava-31/statia-299>. С. 1–2 (дата обращения: 15.06.2020).

имеются данные лишь по шести осужденным по данной статье¹. При этом пятеро из них были привлечены к уголовной ответственности в 2016 г., непосредственно после внесения изменений и дополнений, в том числе включения в ст. 299 УК РФ части третьей².

Учитывая факт привлечения к уголовной ответственности на территории РФ 10 человек за 4 года, напрашивается логический вывод, что свое предназначение, выражающееся и в предупреждении умышленных нарушений закона, и предотвращении правового произвола при осуществлении предварительного расследования, статья в полной мере выполнить не способна. В связи с чем целесообразно задать следующие вопросы: почему практическое применение данной статьи крайне затруднено, какие проблемы встают на пути у правоприменителя и в каких аспектах современное законодательство подлежит совершенствованию?

Переходя к рассмотрению состава преступления, следует начать с объекта исследуемого посягательства. Данное преступление характеризуется значительной степенью общественной опасности в связи с посягательством на разные объекты правовой охраны. Деяние подрывает авторитет органов государственной власти, причиняет вред личности потерпевшего. Однако преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ, не отнесено к преступлениям против личности, так как видовым объектом являются отношения, обеспечивающие правосудие.

Основной непосредственный объект исследуемого деяния – это общественные отношения, обеспечивающие деятельность правоохранительных органов от произвола при осуществлении правосудия. Дополнительным непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие права и интересы граждан.

Потерпевший – любое физическое лицо, которое было заведомо незаконно привлечено к уголовной ответственности. Однако понятие «заведомость» не так однозначно, как кажется на первый взгляд, так как определение словосочетания «заведомо невиновно привлеченный» отсутствует в действующем законодательстве. Тем не менее можно обратить внимание на ст. 302 УПК РФ, которая косвенно касается искомого понятия. Анализ ее содержания позволяет

---

¹ Судебная статистика РФ // Агентство правовой информации. URL: <http://stat.ani-пресс.рф/stats/ug/t/> С. 14–17 (дата обращения: 15.06.2020).

² Федеральный закон от 19.12.2016 № 436-ФЗ «О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 23.12.2016. № 292.

говорить о том, что лицо будет признано невиновным, если: нет факта установления события совершенного преступления, в деянии нет состава преступления, фактически установлена непричастность подсудимого к совершению этого преступления или же был вынесен оправдательный вердикт коллегией присяжных. При этом ответственность по ст. 299 УК РФ будет наступать лишь в том случае, если виновное лицо заранее знало о невиновности потерпевшего.

Объективная сторона представлена довольно неоднозначно, обязательный признак – деяние, непосредственно заключающееся в привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности. Следует отметить тот факт, что диспозиция данной нормы относится к категории простых описательных. Она называет преступное деяние, не раскрывая его признаков. Включение данных диспозиций в нормы УК РФ в первую очередь обусловлено тем, что признаки, характеризующие деяние в качестве преступного, по мнению законодателя, настолько очевидны, что в подробной характеристике не нуждаются. Однако именно эта «незамысловатость» диспозиции порождает неоднозначность толкования нормы, предусматривающей ответственность за привлечение к уголовной ответственности по ст. 299 УК РФ.

Бланкетный характер нормы не усматривается, однако, на наш взгляд, проблемы правоприменения можно было бы избежать, расширив диспозицию вышеуказанной статьи или предусмотрев бланкетный характер нормы. В связи с этим для правильного понимания необходимо было бы всего лишь сконструировать норму со ссылкой на иные нормативные акты, не прибегая при этом к толкованию по своему собственному убеждению.

Многие полагают, что привлечение к уголовной ответственности является растянутым по времени процессом, который берет свое начало в момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого¹. Однако есть и другое мнение, согласно которому привлечение будет завершено лишь вынесением обвинительного приговора.

Как представляется, необходимо руководствоваться уголовно-процессуальным законодательством, в соответствии с которым, исходя из содержания ст. 47 УПК РФ, следует то, что обвиняемым будет признано лицо, в отношении которого вынесено постановление

---

¹ См.: Липник Л.Г. Привлечение в качестве обвиняемого: вопросы теории // Российский следователь. 2006. № 9. С. 33.

о привлечении его в качестве обвиняемого. Однако если привлечение заведомо невиновного будет выражено в обвинении лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, то действия квалифицируются по ч. 2 ст. 299 УК РФ.

По конструкции объективной стороны состав рассматриваемого деяния является формальным, поэтому преступление будет окончено с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. В связи с этим общественно опасные последствия, которые могут быть выражены в физическом, моральном или ином виде вреда, не входят в число обязательных признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ. Однако в качестве квалифицирующего признака можно выделить крупный ущерб или иные тяжкие последствия, что предусмотрено ч. 2 ст. 299 УК РФ.

Субъект рассматриваемого деяния – специальный, то есть должностное лицо, в компетенцию которого входит привлечение лица к уголовной ответственности. В данном случае субъектом может быть следователь или дознаватель. Также преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ, совершается и в соучастии. Приведем пример из судебной практики.

К., являвшаяся заместителем начальника следственного отдела, установила, что Д. занимается предпринимательством без лицензии, но без признаков незаконного предпринимательства, и начала требовать от Д. денежные средства за отказ в возбуждении уголовного дела. Соисполнителем получения взятки при этом стал подчиненный ей старший следователь Ж. После отказа Д. от передачи взятки он был незаконно привлечен к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ. За данное деяние К. была привлечена к ответственности по ч. 1 ст. 299 УК РФ, в свою очередь пособник Ж. был привлечен по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 299 УК РФ¹.

Субъективная сторона выражена в форме умысла, причем умысел должен быть прямым, так как речь идет о заведомо незаконном действии виновного.

В качестве отдельного вида преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, следует выделить ч. 3 ст. 299 УК РФ, которая предусматривает ответственность за вышеуказанное деяние, совершенное с целью воспрепятствования законной предпринимательской деятельности. В данном случае наравне с интересами правосудия в качестве объекта выступают общественные отношения,

---

¹ Постановление Саратовского областного суда № 44-У-62/2014 4У-870/2014 от 20.10.2014 // sudact.ru Суды общей юрисдикции Поиск по документам.

охраняющие развитие и ведение предпринимательской деятельности в рамках закона. В соответствии с диспозицией момент окончания преступления переносится на момент вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, однако потерпевшим должен быть предприниматель, либо причиненный данным преступлением ущерб должен быть выражен в крупном размере. По конструкции состав будет являться материальным. Также необходимо обратить внимание на цель преступления, являющуюся обязательным признаком, прямо предусмотренным диспозицией статьи, – это корыстная или личная заинтересованность.

Статья 299 УК РФ по отношению к ст. 285 УК РФ является специальной. При добросовестном заблуждении следователя о виновности лица состав преступления по ст. 299 отсутствует, но в отдельных случаях возможна ответственность по ст. 285 УК РФ. Не образует состава также незаконное привлечение к иным видам ответственности, кроме уголовной. При совершении деяния, предусмотренного ст. 299 УК РФ, с целью получения взятки усматривается совокупность преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 299 и ст. 290 УК РФ соответственно. Если преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ, совершено фальсифицированием доказательств, очевидна совокупность преступлений, предусмотренных ст. 299 и 303 УК РФ¹.

Конкуренция норм возникает при анализе ч. 3 ст. 299 и ч. 2 ст. 169 УК РФ, предусматривающей ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности. Согласно диспозиции, носящей альтернативный характер, к воспрепятствованию может относиться незаконное ограничение самостоятельности, что вполне входит в компетенцию следователя. Однако при рассмотрении такого деяния предпочтение будет отдано ч. 3 ст. 299 УК РФ как специальной норме, которая охраняет интересы правосудия в первую очередь и законное осуществление предпринимательства во вторую. В данном случае такое решение представляется логичным, так как санкция ст. 169 менее суровая по сравнению с санкцией ч. 3 ст. 299 УК РФ.

В большинстве случаев совершение преступления, содержащего признаки состава, предусмотренного ст. 299 УК РФ, связано с непосредственным посягательством на конституционные права

---

¹ Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.10.2012 № 53-о12-57 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

граждан, что порождает совершение новых преступлений, например нарушение неприкосновенности жилища, предусмотренное ст. 139 УК РФ, тайны переписки – ст. 138 УК РФ и пр. Некоторые ученые придерживаются мнения, что фактически такие действия необходимо рассматривать как приготовление к преступлению, предусмотренному ст. 299 УК РФ, однако большинство сходятся во мнении, что в данном случае будет иметь место совокупность преступлений.

Таким образом, требует совершенствования диспозиция ст. 299 УК РФ. Кроме того, ч. 2 ст. 299 УК РФ необходимо дополнить указанием на корыстную или иную личную заинтересованность в отношении лица, обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Корниенкова М.Р.,

*соискатель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 157 УК РФ

В диспозициях ст. 157 УК РФ предусмотрена ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей без уважительных причин.

В теории уголовного права вопрос о дополнении диспозиций ст. 157 УК РФ категорией «без уважительных причин» возник еще до изменений рассматриваемой статьи в июле 2016 г. Так, Г.А. Решетникова аргументировала позицию о том, что во избежание необоснованной уголовной репрессии, применительно к злостным неплательщикам алиментов, диспозиция уголовно-правовой нормы должна быть дополнена словосочетанием «без уважительных причин»¹. По мнению Ю.В. Воловик, в соответствии с новой редакцией ст. 157 УК РФ важно доказать, что неуплата средств на содержание детей со стороны родителей происходит «без уважительных причин»². Судебная практика применения новой редакции рассматриваемой статьи в части толкования правовой категории «без уважительных причин» в современных социально-экономических условиях только начинает складываться.

В УК РФ не дано определение термину «уважительная причина» (как и, наоборот, «неуважительная причина»), однако он используется в диспозициях ст. 157 УК РФ, что порождает множество мнений о том, какие именно причины можно считать уважительными. Соответственно, возникают определенные трудности

---

¹ См.: Решетникова Г.А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2005. С. 7.

² См.: Воловик Ю.В. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ // Сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей» (5–6 апреля 2018 г.) / Под ред. И.А. Шаралдаевой. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2018. С. 138–141.

и у правоприменителей, поскольку законодатель, исключив одно оценочное понятие – «злостное уклонение», одновременно ввел другое – «неуважительные причины». Но это не значит, что таких причин не существует и они не закреплены законодательно. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» такими причинами, например, могут являться обстоятельства непреодолимой силы, то есть чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях¹; в ст. 114 Семейного кодекса РФ указано условие, при котором лицо может быть освобождено от уплаты задолженности по алиментам, болезнь лица, с которого взыскивают алименты².

В соответствии со ст. 115 Семейного кодекса РФ при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по соглашению об уплате алиментов, виновное лицо несет ответственность в порядке, предусмотренном этим соглашением. Если задолженность по алиментам образовалась по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере одной десятой процента от суммы неуплаченных алиментов за каждый день просрочки. Ответственность за несвоевременную уплату алиментов наступает исключительно при наличии вины лица, обязанного уплачивать алименты. В случае если задолженность по уплате алиментов образовалась по вине других лиц, например в связи с несвоевременной выплатой заработной платы, задержкой или неправильным перечислением алиментных сумм банком и т.д., то плательщик алиментов ответственности не несет. В качестве вины других лиц может выступать невыплата или задержка выплаты работодателем, задержка или неправильное перечисление денежных средств банком или кредитной организацией. Данное положение Семейного кодекса не отражено в новом постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56, которое принято вместо утратившего силу постановления от 25 октября 1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании

---

¹ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 06.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

² См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

алиментов»¹. Исходя из буквального толкования рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда РФ, ответственность за несвоевременную уплату алиментов может возлагаться на любого неплательщика вне зависимости от причин неуплаты. Получатель алиментов вправе взыскать с виновного в несвоевременной уплате алиментов все причиненные просрочкой исполнения алиментных обязательств убытки в части непокрытой неустойкой. Более того, обязанность уплачивать алименты не зависит от наличия или отсутствия у лица заработка, иного дохода, а это напрямую противоречит ст. 114 Семейного кодекса РФ.

Однако перечень «уважительных причин», при которых виновное лицо освобождается от уголовной ответственности и административного наказания, не может быть исчерпывающим. Так, при изучении материалов уголовных дел выявлены следующие основные уважительные причины: совместное проживание ребенка с родителем, обязанным уплачивать по решению суда средства на его содержание; тяжелое заболевание алиментобязанного лица, частичная уплата средств на содержание, блокировка банковского счета лица приставами.

Все обстоятельства совершенной неуплаты должны оцениваться в совокупности с учетом специфики конкретной жизненной ситуации и личности виновного в неуплате алиментов.

Апелляционным постановлением № 10-2/2016 от 26 октября 2016 г. Андроповский районный суд Ставропольского края вынес оправдательный приговор в отношении гражданина Е. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ. Судебные приставы-исполнители заблокировали банковский счет гражданина Е., который являлся единственным источником дохода, тем самым лишив его возможности уплачивать средства на содержание несовершеннолетних детей после развода с женой².

К «иным уважительным причинам», в частности, можно отнести фактическое проживание у должника детей, на которых изначально по решению суда взыскиваются алименты.

---

¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 № 9 (ред. от 16.05.2017) «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» (утратило силу) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12252/ (дата обращения: 12.03.2020).

² См.: Апелляционное постановление Андроповского районного суда Ставропольского края № 10-2/2016 от 26.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/m4mZcQzRtH5g/> (дата обращения: 25.02.2020).

Постановлением мирового судьи судебного участка № 61 Волгоградской области от 28 сентября 2016 г. по делу № 5-61-467/2016 было вынесено оправдательное решение в отношении гражданина С., который обязан был уплатить на содержание своих несовершеннолетних детей 3000 рублей на каждого ребенка ежемесячно. Судом установлено, что дети проживали совместно с гражданином С., в отношении которого установлена обязанность по уплате средств на их содержание, по месту регистрации и, следовательно, фактически находились у него на иждивении: С. кормил их, обуval, воспитывал, давал деньги¹.

Вместе с тем в судебной практике в большинстве случаев неуплата средств на содержание потерпевшего признается неуважительной. В качестве примера приведем следующий случай.

Орловский областной суд 22 декабря 2016 г. по делу № 4А-244/2016 не признал в качестве уважительной причины неуплаты гражданином средств на содержание своего несовершеннолетнего ребенка тот факт, что задолженность по алиментам у него образовалась в связи с его незаконным увольнением работодателем, поскольку после увольнения он не осуществлял самостоятельный поиск работы, не был зарегистрирован в органах службы занятости населения в целях последующего официального трудоустройства².

В теории и на практике не оспаривается ведущая роль Пленума Верховного Суда РФ в вопросе разъяснения различных категорий и оценочных понятий по тексту Особенной части УК РФ³. С момента наделения ФССП России полномочиями органов дознания по определенной группе преступлений, находящихся в их подследственности на основании ст. 151 УПК РФ, каких-либо разъяснений оценочных понятий, в том числе правовой категории «без уважительных причин», Пленумом Верховного Суда РФ не предлагалось.

Отсутствие понятия уважительных причин в тексте УК РФ является пробелом в уголовно-правовом регулировании противодействия неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Прав М.А. Кауфман, который отмечает, что фактическое содержание неконкретизированных норм свидетельствует о

¹ См.: Постановление мирового судьи судебного участка № 61 Чернышковского района Волгоградской области № 5-467/2016 от 28.09.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/VuzyH37lr6rQ/> (дата обращения: 25.02.2020).

² См.: правовое заключение на тему: «Алиментные обязательства» [Электронный ресурс]. URL: <https://eduinfosite.com/3253529/> (дата обращения: 25.02.2020).

³ См.: Коробец Б.Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве (социальная обусловленность и юридическая сущность): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, 2007. С. 6–12.

недостатке нормативного ресурса для решения проблем, обусловленных объективными условиями развития общественной жизни и потребностями практики применения УК РФ¹.

На основании изложенного считаем необходимым при определении категории «уважительных причин» использование комбинированного подхода. Под «уважительной причиной неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» предлагается понимать фактические обстоятельства, возникшие не по воле алиментобязанного лица, к которым следует относить случаи временной нетрудоспособности лица, образование задолженности по вине других лиц либо непреодолимой силы или обстоятельства, наличие которых свидетельствует, что бездействие лица допущено при отсутствии объективной и реальной возможности уплаты данных средств.

Данное определение следует включить в действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов».

---

¹ См.: Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Государственный университет «Высшая школа экономики», 2009. С. 11.

Семочкина А.А.,

К.ю.н.,

старший преподаватель

кафедры уголовного права

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ФАКТОВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В последнее время внимание к деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов весьма возросло. Это объясняется тем, что оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД) зачастую носит негласный (скрытый характер), поэтому установить противоправный характер ее участников практически невозможно. Данное обстоятельство создает благоприятные условия для фальсификации должностными лицами результатов ОРД в своих интересах. Мотивы такого поведения могут быть абсолютно разными: корыстная или личная заинтересованность, улучшение служебных показателей и т.п.

В связи с участившимися случаями необоснованного привлечения лиц к уголовной ответственности по результатам ОРД, многочисленных жалоб не только в российские суды, но и в Европейский суд по правам человека, ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации в 2012 г. претерпела существенные изменения. В новой редакции она получила название «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности» и дополнена ч. 4, которая предусматривает уголовную ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности.

Необходимость данных изменений обусловлена тем, что в прошлой редакции УК РФ не было специальной нормы, которая предполагала бы уголовную ответственность за фальсификацию результатов ОРД. Ранее данное деяние квалифицировалось как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) либо превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Для этих составов обязательным является наличие общественно-опасных последствий. Данное условие приводило к тому, что в силу специфики ОРД доказать причинно-следственную связь являлось

затруднительным¹. В системе российского правосудия не было единой точки зрения к подобным действиям. Это приводило к тому, что уголовные дела не возбуждались либо прекращались до суда за недоказанностью. Таким образом, в УК РФ появилась специальная норма, предусматривающая ответственность за должностные преступления в области ОРД.

По отношению к составу преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, фальсификация результатов ОРД является специальной нормой. В соответствии со ст. 50 Конституции РФ никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. Также на основании ч. 3 ст. 17 УК РФ в случае, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Следовательно, действия по фальсификации результатов ОРД не могут рассматриваться как совокупность преступлений, и уголовная ответственность будет наступать по специальной норме.

По своей конструкции состав преступления, предусмотренный ч. 4 ст. 303 УК РФ, является формальным составом. Это значит, что преступление будет оконченным с момента начала совершения действий по фальсификации, а, следовательно, исключает обязанность следственными органами установления связи между деянием и общественно опасными последствиями. Таким образом, законодатель указал на недопустимость самого факта фальсификации результатов ОРД.

По способу изложения правовых норм диспозиция ч. 4 ст. 303 УК РФ является бланкетной. Это значит, чтобы полностью разобрать по элементам состав преступления, необходимо будет обращаться к иным нормативно-правовым актам, прежде всего к нормам УПК РФ и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»².

Объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие деятельность уполномоченных лиц по реализации государственных функций в сфере правосудия. Под правосудием понимается одна из форм правоприменительной процессуальной

---

¹ См.: Плешаков А.М. Уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности: проблемы правового регулирования // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: материалы регионального круглого стола / Под ред. Е.Н. Билоуса, Г.С. Шкабина. 2015. С. 42–44.

² Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

деятельности судебных органов по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел, дел об административных правонарушениях в строго установленной законом процессуальной форме¹. Следовательно, основной целью посягательства выступает нарушение нормальной деятельности уполномоченных лиц по осуществлению правоприменительной практики по реализации задач правосудия. Дополнительным объектом выступают права и законные интересы не только физического, но и юридического лица. Такими лицами могут быть не только те, в отношении которых реализуется ОРД по привлечению к незаконному уголовному преследованию, а также лица, в отношении которых может собираться компрометирующий материал, тем самым причиняя вред чести и достоинству гражданам. Также в результате данных действий может пострадать деловая репутация юридических лиц, в отношении которых проводятся незаконные ОРМ, в том числе и псевдоОРМ, которые происходят с корыстной заинтересованностью.

Общественная опасность данного состава преступления очевидна. Помимо причинения вреда гражданам, заключающегося в необоснованном принятии решения следственными органами или судом в отношении потерпевшего, также наносится вред системе правосудия и в целом репутации правоохранительной системы РФ. Еще до внесения изменений в УК РФ подобные действия влекли уголовную ответственность, однако появилась теоретическая и практическая потребность квалификации данных деяний по специальной норме УК РФ.

Предметом преступления выступают результаты ОРД. Однако юридически закрепленного понятия данной категории не имеется. Поэтому результаты ОРД можно понимать как совокупность сведений о признаках подготовляемого, совершенного или совершаемого преступления. В данном случае результаты ОРД могут выступать в качестве повода и оснований для возбуждения уголовного дела, а также доказательств по уголовному делу.

В соответствии со ст. 140 УПК РФ результаты ОРД могут служить поводом для возбуждения уголовного дела в случае, если они содержат наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Примером этого могут служить результаты проверочной закупки наркотических средств.

---

¹ См.: Тугутов Б.А. Преступления против правосудия: теория и правоприменение // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16). С. 137–146.

В ст. 74 УПК РФ содержится перечень доказательств, которые допускаются по уголовному делу. В данном перечне специального пункта для результатов ОРД не имеется, однако в теории и практике сложилось, что они относятся к иным документам. Это можно сделать на основании ст. 89 УПК РФ, которая гласит, что в доказывании запрещается использовать результаты ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. В ст. 88 УПК РФ содержатся требования к доказательствам. Они должны отвечать требованиям относимости, допустимости, достоверности и в совокупности достаточности.

Следует отметить, что не все результаты ОРД могут использоваться в уголовно-процессуальной деятельности. Зачастую они могут выступать в качестве наводящей информации, что также влечет за собой совершение дальнейших действий по реализации полученной информации.

Потерпевшими по ч. 4 ст. 303 УК РФ, исходя из диспозиции, могут выступать: заведомо невиновное физическое лицо, которое стало объектом ОРМ в целях привлечения к уголовной ответственности; физическое и юридическое лицо, которое стало объектом ОРМ в целях причинения вреда чести, достоинству, деловой репутации.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, выражается в форме действий, направленных на фальсификацию результатов ОРД. Под фальсификацией понимается совокупность действий, заведомо направленных на изменение фактических данных чего-либо. В данном случае фальсификация может выражаться в двух формах: интеллектуальный подлог, материальный подлог. Под интеллектуальным подлогом понимаются действия, направленные на искажение достоверных данных. Например, предоставление подложного документа о получении объяснения в рамках проведения ОРМ. Материальный подлог содержит в себе физическое изменение результатов ОРД. Например, подделка, подчистка и т.п. документов, материальных предметов, которые впоследствии могут служить вещественными доказательствами по уголовному делу (подделка подписей очевидцев, подчистка в процессуальных документах и т.п.).

Также в объективную сторону входит совокупность мероприятий по предоставлению результатов ОРД в органы предварительного расследования либо в суд¹. Данная деятельность регламентируется

---

¹ См.: Шкабин Г.С. Уголовно-правовая характеристика обстановки проведения оперативно-разыскных мероприятий // Российский следователь. 2017. № 7. С. 22–25.

Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд (далее – Инструкция)¹.

Таким образом, объективная сторона фальсификации результатов ОРД включает совокупность действий по искажению данных и предоставлению в следственные органы или суд в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

При квалификации по ч. 4 ст. 303 УК РФ большое значение играет определение субъекта преступления. По смыслу уголовного закона, субъектом преступления может выступать специальный субъект, то есть вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, обладающее особыми признаками, которые указываются в соответствующей статье УК РФ. В данном случае субъектом будет выступать лицо, уполномоченное на проведение ОРМ (круг определен ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Также необходимо добавить, что граждане, оказывающие содействие при проведении ОРМ, не являются субъектами преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, так как не являются самостоятельными лицами, осуществляющими ОРД.

С точки зрения субъективной стороны данное преступление имеет ряд особенностей. В данном случае преступление совершается исключительно с прямым умыслом. Интеллектуальным моментом будет выступать осознание виновным противоправности действий по фальсификации результатов ОРД. А волевым моментом будет выступать желание совершения таких действий. То есть виновный, осуществляя ОРД, должен понимать, что совершаемые им действия незаконны. В случае если в силу обстоятельств виновный не осознавал, что совершаемые им действия незаконны, то его действия не образуют состав преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Также обязательным признаком является цель совершения преступления. В диспозиции статьи указано, что целью является уголовное преследование лица, заведомо непричастного к совершению

---

¹ Приказ МВД РФ № 368, ФСБ РФ № 185, ФСО РФ № 164, ФТС РФ № 481, СВР РФ № 32, ФСИН РФ № 184, ФСКН РФ № 97, Минобороны РФ № 147 от 17.04.2007 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» // Российская газета. 16.05.2007.

преступления, либо причинение вреда чести, достоинству и деловой репутации.

Приведем следующий характерный пример.

Устиновским районным судом г. Ижевска вынесен приговор в отношении С., который умышленно сфальсифицировал материалы в отношении лица, якобы незаконно хранившего наркотические средства. На основании представленных сфальсифицированных С. результатов оперативно-разыскной деятельности следователем было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ¹.

Таким образом, полагаем, что для квалификации по ч. 4 ст. 303 УК РФ необходимо четко представлять себе субъекта этого преступления и его законные полномочия, которые последний умышленно не соблюдает в целях привлечения к ответственности лица, заведомо непричастного к преступлению.

---

¹ Приговор Устиновского районного суда г. Ижевска № 1-9/201 по уголовному делу № 1-227/2018 // Архив Устиновского районного суда г. Ижевска. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 17.03.2020).

Хлебницына Е.А.,

*К.Ю.Н.,
преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

Рычкова А.А.,

*курсант 184-го учебного взвода
2 «О» курса ФПСОПП
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Правосудие представляет собой особый вид деятельности государства, направленный на защиту прав, свобод и законных интересов личности. В силу своей значимости общественные отношения, возникающие при отправлении правосудия, подлежат в первую очередь уголовно-правовой охране. В Уголовном кодексе Российской Федерации ответственности за преступления против правосудия посвящена глава 31. Общественная опасность преступлений против правосудия заключается не только в подрыве авторитета правоохранительных органов и судов, но и в нарушении неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина.

В качестве важнейшей гарантии реализации принципов законности, вины, справедливости и гуманизма, соблюдения прав на справедливое судебное разбирательство (ст. 8 Всеобщей декларации прав человека¹) и судебную защиту (ст. 46 Конституции Российской Федерации²) государство предусматривает в ст. 299 УК РФ ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности и незаконное возбуждение уголовного дела. В соответствии со статистическими данными, за последние пять лет в Российской Федерации было официально зарегистрировано

---

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 05.04.1995. № 67; Российская газета. 10.10.1998.

² См.: Конституция Российской Федерации (в ред. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

24 преступления, ответственность за совершение которых регламентирована ст. 299 УК РФ¹. Представляется, что такое количество деяний является незначительным в структуре преступлений против правосудия. Приведенные данные свидетельствуют, с одной стороны, об эффективности применяемого комплекса мер по защите интересов правосудия и личности, с другой, – о высокой латентности привлечения заведомо невиновных к уголовной ответственности².

Противоречия и неточности в уяснении и применении нормы уголовного закона об ответственности за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности связаны с бланкетностью диспозиции ч. 1 ст. 299 УК РФ. В частности, отсутствует законодательное разъяснение термина «заведомо невиновный», а также до настоящего времени нет единого подхода к пониманию момента окончания данного деяния.

В теории и на практике сложилась позиция, что применительно к ст. 299 УК РФ лицо считается привлеченным к уголовной ответственности с момента его привлечения в качестве обвиняемого по уголовному делу.

Привлечение лица к уголовной ответственности возможно лишь при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления. Сам акт привлечения в качестве обвиняемого выражается в вынесении мотивированного решения об этом, оформленного в соответствии с УПК РФ, и предъявлении его лицу, привлекаемому в качестве обвиняемого. Такое решение может быть вынесено лишь при наличии двух оснований: уголовно-правового – совершение субъектом деяния, содержащего все признаки состава преступления, и уголовно-процессуального – доказанности совершения его конкретным лицом. Тем самым реализуется требование о привлечении к ответственности только виновных.

Предварительное расследование в РФ осуществляется в двух формах: предварительное следствие и дознание. Если расследование проводилось в форме предварительного следствия, то при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, следователь выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого.

---

¹ См.: ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» // Статистические сведения. Статистическая отчетность. 10.5.0.16/csi/ (дата обращения: 11.02.2020).

² См.: Гамазина И.В. Криминологический аспект преступлений против правосудия // Вестник ТГУ. Выпуск 1 (105). 2012. С. 255–256.

В соответствии с ч. 1 ст. 172 УПК РФ обвинение должно быть предъявлено лицу не позднее трех суток со дня вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого.

В свою очередь дознание может производиться либо в общем порядке, либо в сокращенной форме. По окончании дознания дознаватель составляет обвинительный акт либо обвинительное постановление, если дознание осуществлялось в сокращенной форме. С обвинительным постановлением обвиняемый должен быть ознакомлен не позднее трех суток со дня его составления (ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ); срок ознакомления с обвинительным актом УПК РФ не регламентирует.

Таким образом, анализ норм уголовно-процессуального законодательства позволяет выявить два этапа в процедуре привлечения лица в качестве обвиняемого: 1) вынесение процессуального документа (постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта или обвинительного постановления); 2) предъявление обвинения.

Следовательно, объективная сторона анализируемого деяния имеет сложный характер и складывается из двух действий. Однако различное понимание процедуры привлечения в качестве обвиняемого порождает наличие нескольких подходов в определении момента окончания преступления.

Авторы первого придерживаются позиции, что моментом привлечения к уголовной ответственности следует признавать вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта или обвинительного постановления¹. В соответствии со второй точкой зрения деяние признается оконченным в момент предъявления обвинения заведомо невиновному лицу².

---

¹ См., например: Асликян С.Э. Уголовно-правовое обеспечение реализации конституционных принципов осуществления правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 22; Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М., 2008. С. 306; Наумов А.В. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299) // Преступления, совершаемые должностными лицами и работниками правоохранительных органов, органов правосудия // Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А.И. Рарога. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. С. 846; Чучаев А.И. Комментарий к ст. 299 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2019. С. 1339.

² См., например: Коробейников Б.В. Комментарий к статье 299 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2013. С. 629; Уголовное право России: учебник. В 2 т. / Под ред. Н.Г. Кадникова. Т. 2. Особенная часть. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 697; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / Под ред. Н.Г. Кадникова. 6-е изд. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. 949 с.

В судебной практике также можно встретить решения, в которых момент окончания связан как с вынесением постановления о привлечении в качестве обвиняемого или обвинительного акта, составлением обвинительного постановления, так и с моментом предъявления обвинения лицу, заведомо невиновному.

Первую позицию можно проиллюстрировать следующим примером.

В судебном заседании установлено, что следователь Б. вынес постановления о привлечении М.А. и Н.Р. в качестве обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «б», «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ. В этот же день он предъявил данное обвинение М.А., но в связи с неустановлением места нахождения Н.Р. в отношении него вынес постановление об объявлении обвиняемого в розыск. Несмотря на то что следователь Б. сам Н.Р. обвинение не предъявил, преступление, по мнению суда, признается оконченным, поскольку с момента вынесения и подписания следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого лица в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации признается обвиняемым. На основании данного постановления Б. объявил Н.Р., получившего статус обвиняемого по уголовному делу, в розыск. Таким образом, своими умышленными действиями Б. незаконно привлек заведомо невиновных М.А. и Н.Р. к уголовной ответственности¹.

Противоположная позиция нашла отражение в следующем уголовном деле.

В отношении следователя И. уголовное дело возбуждено по ч. 2 ст. 299 УК РФ. Установлено, что следователь И. не только вынесла постановление о привлечении в качестве обвиняемого Ф., но и предъявила Ф. постановление о привлечении его в качестве обвиняемого в совершении пяти эпизодов преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ².

Из анализа положений ст. 47 УПК РФ следует, что обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, обвинительный акт или составлено обвинительное постановление. Иными словами, лицо приобретает статус обвиняемого с момента подписания соответствующего документа правоприменителем. Таким образом, первая точка зрения представляется наиболее обоснованной.

---

¹ См.: Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга по делу № 1-99/2015 от 06.10.2015. URL: sudact.ru/regular/doc/6yaDgS6uP06Z/ (дата обращения: 02.02.2020).

² См.: Приговор Октябрьского районного суда г. Рязани по делу № 1-3/2019 от 07.05.2019. URL: sudact.ru/regular/doc/CmkSurgvSPJX/ (дата обращения: 02.02.2020).

Преступление, предусмотренное ч. 1 и 2 ст. 299 УК РФ, может быть и не доведено до конца. В частности, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное постановление или акт могут быть составлены, но не подписаны соответствующим должностным лицом по независящим от него обстоятельствам. В данном случае деяние следует квалифицировать со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ, то есть как покушение на привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности. Если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца, но прекратило действия, непосредственно направленные на его совершение, то оно, на основании ст. 31 УК РФ, не подлежит уголовной ответственности по соответствующим частям ст. 299 УК РФ.

Для более полного анализа проблемы следует рассмотреть особенности потерпевшего – заведомо невиновного лица. В Толковом словаре русского языка «заведомый» разъясняется как «хорошо известный, несомненный»¹. Обратим внимание, что ни уголовное, ни уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы, раскрывающей термин «невиновный».

Представляется, что потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. 299 УК РФ, следует признавать лиц, которые по внутреннему убеждению следователя обвиняются: в совершении общественно опасного деяния, которое в действительности не произошло; в совершении деяния, содержащем не все необходимые признаки состава преступления, учитывая случаи, когда лицо справедливо привлечено к уголовной ответственности за одно или несколько преступлений и вместе с тем необоснованно привлечено за те действия, которые он не совершал²; в совершении преступления, но менее тяжкого, чем то, в котором он действительно виновен. В данном случае следователь или дознаватель привлекают к ответственности лицо, давая заведомо ложную квалификацию содеянному как более опасному.

В заключение хотелось бы отметить, что объективные признаки данного преступления имеют значительное количество особенностей, что порождает в теории уголовного права и практической

---

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1997. С. 199.

² См.: Климанов А.М. Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных с привлечением заведомо невиновного к уголовной ответственности. URL: <http://docplayer.ru/28411852-Nekotorye-voprosy-kvalifikacii-prestupleniy-svyazannyh-s-privlecheniem-zavedomo-nevinovnogo-k-ugolovnoy-otvetstvennosti.html> (дата обращения: 03.02.2020).

деятельности противоречия в подходах к их оценке. Установление момента окончания преступления и признаков потерпевшего имеет решающее значение для правильной квалификации деяния. Одним из способов разрешения имеющихся противоречий является внесение изменений в ст. 299 УК РФ, в частности дополнение ее примечанием следующего содержания: «Для целей настоящей статьи Кодекса лицо следует признавать привлеченным к уголовной ответственности в случаях, когда в его отношении вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, вынесен обвинительный акт, составлено обвинительное постановление».

Саранов А.В.,

адвокат,

член Адвокатской палаты г. Москвы

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УГРОЗУ В СВЯЗИ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ПРАВОСУДИЯ

Ответственность за угрозу в связи с осуществлением правосудия установлена в ч. 1 ст. 304 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и дифференцирована в ч. 3 и 4 данной статьи с учетом ее сопряженности с различным по степени опасности насилием. Согласно ч. 1 данной статьи содержанием такой угрозы является устрашение убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, а ее адресатами – судья, присяжный заседатель, иное лицо, участвующее в отправлении правосудия, либо лицо, являющееся их близким. Одним из условий уголовной ответственности за данные действия является их совершение в связи с рассмотрением дел или материалов в суде¹.

Уголовная ответственность за указанную угрозу была выделена в самостоятельный состав преступления в 1989 г.² посредством дополнения главы 8 УК РСФСР 1960 г. «Преступления против правосудия» новой статьей 176.2, в части 1 которой содержался состав угрозы не только убийством или насилием, но еще и уничтожением или повреждением имущества в отношении лиц, осуществляющих правосудие, а также должностных лиц правоохранительного или контролирующего органа, близких родственников или иных лиц. Условием применения являлась связь данного посягательства со служебной деятельностью соответствующих должностных лиц либо с участием народного или присяжного заседателя в осуществлении правосудия, а равно с направленностью угрозы в отношении близких родственников или иных лиц на воспрепятствование законной служебной деятельности

---

¹ См.: Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 691–692.

² См.: Указ Президиума ВС РСФСР от 11.12.1989 № 13241-ХI «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 50. Ст. 1477.

указанных должностных лиц. Санкция ч. 1 ст. 176.2 УК РСФСР предусматривала наказание вплоть до лишения свободы на срок до 3 лет, при этом каких-либо квалифицирующих признаков данная статья не содержала, хотя и включала ч. 2 об ответственности за умышленное нанесение легкого телесного повреждения, побоев или совершение иных насильственных действий в отношении тех же лиц.

Одновременно глава 8 УК РСФСР была дополнена ст. 176.1 «Вмешательство в разрешение судебных дел» и ст. 176.3 «Оскорбление судьи, народного или присяжного заседателя». Первая из данных статей имела значение общей нормы по отношению к ст. 176.2 УК РСФСР в части установления ответственности за воздействие в любой форме на судей, народных и присяжных заседателей, направленное на воспрепятствование всестороннему, полному и объективному рассмотрению конкретного дела либо на то, чтобы суд вынес решение, заведомо имеющее незаконный характер. При этом ст. 176.2 УК РСФСР являлась специальной нормой, устанавливавшей ответственность за одни из наиболее опасных форм указанного противоправного воздействия на лиц, осуществляющих правосудие.

В настоящее время аналогичным образом соотносятся ст. 294 и 296 УК РФ, причем, в отличие от ст. 176.1 и 176.2 УК РСФСР 1960 г., в них предусмотрена ответственность за деяния, препятствующие надлежащему осуществлению не только правосудия, но и предварительного расследования. То есть в случаях, когда, например, лицо одновременно высказывает или иным образом выражает угрозу в отношении судьи и следователя, то его действия образуют совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 296 УК РФ¹. В главе 31 УК РФ также содержится ст. 295 УК РФ об ответственности за посягательство на жизнь лица, которое осуществляет правосудие или предварительное расследование. Данная статья логически дополняет институт преступлений против правосудия, позволяет учесть повышенную общественную опасность предусмотренного в ней деяния, обусловленную сочетанием нескольких объектов в одном преступлении, признаваемом окончанным уже при покушении на жизнь соответствующих потерпевших.

Отметим, что в УК РСФСР 1960 г. изначально содержалась общая норма (ст. 207) об ответственности за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества,

---

¹ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.09.2013 № 93-АПУ13-6 // Сайт Верховного Суда РФ: URL: <https://www.vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2020).

совершенную в отношении любого лица. Данная статья была расположена в главе 10 УК РСФСР «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». То есть ст. 176.2 была включена в УК РСФСР в качестве специальной нормы по отношению не только к ст. 176.1, но еще и к ст. 207 данного кодекса. Содержание угрозы, наказуемой по ст. 176.2 УК РСФСР, было более широким, нежели в указанной общей норме, поскольку включало в себя устрашение любым насилием, а не только убийством или нанесением тяжких телесных повреждений, кроме того, потерпевшему могли угрожать как уничтожением, так и повреждением имущества, причем не обязательно связанным с поджогом. Сложная структура объекта данного преступления нашла свое отражение в повышении строгости наказания в санкции ст. 176.2 УК РФ по сравнению с санкцией ст. 207 УК РФ, где наиболее строгим наказанием являлось лишение свободы на срок до 6 месяцев.

В действующем уголовном законодательстве общая норма об ответственности за угрозу (ст. 119 УК РФ) характеризуется более узким содержанием последней, включающим устрашение потерпевшего исключительно его убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, что предопределило включение данной статьи в главу 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья». Как и в ст. 207 УК РСФСР 1960 г., здесь также подчеркивается реальный и действительный характер угрозы, проявляющийся в наличии оснований опасаться ее осуществления и позволяющий рассматривать ее в качестве психического насилия¹.

Отметим, что в УК РФ угроза причинением физической боли, легкого или средней тяжести вреда здоровью, а равно угроза уничтожением или повреждением имущества утратили значение самостоятельного преступления. Как правило, такие действия приобретают уголовно-правовое значение в случаях, когда все или отдельные виды угроз выступают способами совершения других преступлений, имеющими значение конститутивного или квалифицирующего признака их составов, например в составах понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ), принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ) и др.

---

¹ См.: Голубов И.И. Квалификация насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования // Российский следователь. 2014. № 23. С. 24.

В главе 31 УК РФ угроза как способ совершения преступления предусмотрена в рассматриваемой ст. 296 УК РФ, а также в ст. 302 УК РФ об ответственности за принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний, а также эксперта, специалиста – к даче заключения или показаний и в ч. 2 ст. 309 УК РФ, содержащей состав принуждения свидетеля или потерпевшего с целью дачи ими ложных показаний, а равно эксперта или специалиста – для дачи ими ложных заключения или показаний, переводчика – в целях неправильного перевода, а также для отказа указанных лиц от дачи показаний.

В диспозиции ч. 1 ст. 302 УК РФ не раскрывается содержание угроз, причем они указываются в качестве альтернативного способа принуждения наряду с шантажом, по сути, также являющимся разновидностью угрозы и состоящим в устрашении разглашением определенных сведений, а также с иными незаконными действиями, причем круг потерпевших от данного преступления не включает близких принуждаемых лиц¹. В диспозиции ч. 2 ст. 309 УК РФ шантаж также выделен в самостоятельный способ принуждения, при этом содержание угрозы раскрыто через устрашение убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества. Законодательное определение последнего преступления не свободно от недостатков юридико-технического характера, заключающихся в том, что на основе его буквального и грамматического толкования можно заключить, что шантаж и иные угрозы отнесены только к такому принуждению свидетелей, потерпевших, экспертов, специалистов, которое имеет своей целью отказ последних от дачи показаний, причем их близкие выступают в качестве потерпевших от данного преступления лишь в случаях уничтожения или повреждения их имущества. Представляется, что буква уголовного закона в данном случае не в полном объеме совпадает с его смыслом, поскольку уголовный закон должен обеспечивать надлежащую и равную охрану указанных участников процесса от принуждения как к даче ложных показаний, так и к отказу от дачи показаний, причем ответственность за принуждение к такому отказу более обоснованно было установить в ст. 302 УК РФ наряду с наказанием за принуждение к даче показаний. В связи с этим считаем, что в рассматриваемом случае имеется отступление от требований правовой определенности и системности уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере правосудия.

---

¹ См. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постановочный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 955.

С учетом изложенного, в том числе исторического опыта регламентации ответственности за преступления против правосудия, полагаем, что для придания уголовно-правовой охране интересов участников различных видов судопроизводства необходимых системности, определенности и полноты целесообразно унифицировать содержание угрозы в ст. 296, 302 и 309 УК РФ, включив в него устрашение применением любого насилия, а равно уничтожением или повреждением имущества либо распространением сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам соответствующих потерпевших, включая их близких лиц. Не менее важным направлением совершенствования данных норм, на наш взгляд, является расширение и уточнение круга потерпевших от таких преступлений. В частности, в теории уголовного права высказаны обоснованные точки зрения о необходимости более полной уголовно-правовой охраны свидетелей¹, а также о включении адвокатов в число потерпевших от преступлений против правосудия, в том числе от угроз, предусмотренных ст. 296 УК РФ².

Выше мы отмечали, что деяния, предусмотренные ст. 295 и 296 УК РФ, представляют собой наиболее опасные формы воспрепятствования осуществлению правосудия или предварительного расследования. Для определения динамики и соотношения данных преступлений приведем статистические данные Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации за период с 2015 г. по 2019 г. включительно³.

Статья (часть статьи) УК РФ	Число осужденных по годам (по основной/дополнительной квалификации)				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
ст. 295	0	6/2	0	2/0	0/1
ст. 296, в т.ч.:	38/10	49/7	51/8	58/6	45/7
ч. 1	11/1	19/2	20/2	16/3	16/0
ч. 2	17/6	23/3	18/5	24/1	14/6
ч. 3	8/2	6/2	11/1	11/2	12/1
ч. 4	2/1	1/0	2/0	7/0	3/0

¹ См.: Акименко Т.В., Борисов С.В., Решняк М.Г. Обеспечение безопасности свидетелей в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. М.: Международный юридический институт, 2010. С. 93–95.

² См.: Бунин О.Ю., Чуркин А.В. О несправедливости в уголовно-правовой защите адвокатов и их уголовной ответственности // Адвокат. 2017. № 3. С. 116–120.

³ См.: Сайт Судебного департамента Верховного Суда РФ, раздел «Данные судебной статистики»: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 17.04.2020).

Считаем, что, несмотря на относительно небольшое число лиц, ежегодно осуждаемых за указанные преступления, законодательные и иные меры противодействия таковым нуждаются в дальнейшем совершенствовании, в том числе с учетом проблем, выделенных в настоящей работе, и сформулированных предложений по их решению. При этом следует учитывать, что ст. 296 УК РФ выполняет функцию двойной превенции, поскольку направлена на предупреждение психического и физического насилия в отношении лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, а также перерастания данных действий в более опасное преступление, непосредственно направленное на лишение жизни данных лиц. В связи с этим большое значение имеют своевременное выявление фактов таких угроз и правильное применение уголовно-правовых мер к лицу, совершившему данные действия.

Не менее важным является формирование единообразной правоприменительной практики, не допускающей избыточную уголовно-правовую репрессию в случаях, когда высказывания, комментарии или иное выражение мнения не содержат определенных угроз и (или) не относятся к личности и деятельности конкретного судьи, прокурора, следователя или другого лица, указанного в ч. 1 или ч. 2 ст. 296 УК РФ, а равно представляют собой неумышленные действия, например репосты с информацией, размещенной в сети «Интернет» другим лицом, из которой однозначно не следует ее направленность на устрашение лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование.

Например, сложности в правовой оценке рассматриваемых действий, совершенных с использованием сети «Интернет», имели место по уголовному делу в отношении Е.В. Ерзунова¹, в том числе при определении реальности и действительности угрозы в отношении судьи, размещенной в социальной сети.

Отмеченные обстоятельства указывают на необходимость разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации и доказывания преступлений против правосудия, в том числе угроз в связи с осуществлением последнего.

---

¹ См.: Мещанский суд огласил приговор в отношении Евгения Ерзунова, угрожавшего судье федерального суда // Сайт Московского городского суда. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 20.04.2020); Угрозы судье Криворучко. Дело Евгения Ерзунова. URL: <https://zona.media/online/2019/12/24/erzunov> (дата обращения: 20.04.2020).

Имаева Ю.Б.,

К.Ю.Н.,

заместитель начальника

кафедры криминалистики

Уфимского юридического института

МВД России

К ВОПРОСУ О ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИИ ПРОИЗВОДСТВУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Целью любого расследования является установление истины, к которой органам предварительного расследования необходимо стремиться с момента получения информации о совершенном преступлении. Часть 2 ст. 294 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дел. Традиционно криминалистами указанные действия относятся к противодействию. При наличии разных способов противодействия расследованию многие из них действительно содержат признаки составов преступлений против правосудия. Например, ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод», ст. 308 «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний», ст. 309 «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу», ст. 310 УК РФ «Разглашение данных предварительного расследования» и другие.

Понятию противодействия с точки зрения криминалистики всегда уделялась пристальное внимание, однако только после исследования В.Н. Карагодина «Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию»¹ назрела необходимость в разработке целого учения о противодействии расследованию. В.П. Лавров отмечает, что «В УПК Российской Федерации до сих пор отсутствует термин «противодействие раскрытию и расследованию преступлений», однако за последние 20 лет это понятие стало одним

---

¹ См.: Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992.

из ключевых (и в то же время проблемных, дискуссионных) для теории, по крайней мере четырех наук так называемого криминального цикла: криминалистики, уголовного процесса, уголовного права и оперативно-разыскной деятельности»¹. Анализируя предложенные различными авторами определения противодействию расследованию, можно сказать, что, несмотря на небольшие различия, в целом авторы солидарны в определении сущности противодействия предварительному расследованию. Мы поддерживаем мнение В.П. Лаврова, который охарактеризовал противодействие как «совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников (а также связанных с ним лиц), направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний».

Не вдаваясь в дискуссию тождества понятий «противодействие расследованию» и «воспрепятствование расследованию», рассмотрим некоторые особенности остановки совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 294 УК РФ, которая, на наш взгляд, является важным элементом криминалистической характеристики указанного преступления.

Анализ судебной практики по ч. 2 ст. 294 УК РФ позволяет нам выявить следующие способы совершения преступления: уничтожение отдельных протоколов или документов – письменных доказательств, а также целиком материалов уголовного дела; похищение отдельных протоколов или материалов уголовного дела с последующим уничтожением; искажение ранее зафиксированной информации в протоколах следственных действий путем дописок. В большинстве случаев данные действия совершаются виновными лицами уже после окончания предварительного следствия, как правило, в процессе ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Следует отметить роль и поведение следователя, который и должен ознакомить обвиняемого с материалами уголовного дела.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что в части случаев совершения преступления стало возможным в связи с отвлечением следователя от процедуры ознакомления с материалами уголовного дела, иногда следователь даже покидал служебный кабинет, оставляя обвиняемого наедине с уголовным делом (в тех случаях, когда обвиняемый не находился под стражей).

---

¹ В.П. Лавров. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению. М., 2011. С. 9.

Следователь пригласил на допрос в качестве свидетеля Б. и после допроса оставил его ожидать в комнате отдыха, а сам в это время покинул кабинет и вышел на крыльцо курить. Находящийся без контроля свидетель Б. покинул комнату отдыха, вышел в коридор и обнаружил открытым кабинет следователя. Войдя в кабинет, Б., опасаясь, что его впоследствии могут привлечь к уголовной ответственности, взял со стола уголовное дело и вместе с ним, будучи никем не замеченным, покинул отдел полиции¹.

В большинстве же случаев воспрепятствование расследованию путем уничтожения материалов уголовного дела происходило в присутствии следователя неожиданного для последнего и очень быстро, иногда даже с применением в отношении следователя насилия, неопасного для жизни. Обычно виновные вырывали из материалов уголовного дела те документы, которые, по их мнению, носят изобличительный характер, например протоколы очных ставок, протоколы допроса свидетелей, протоколы проверки показаний на месте.

Ф., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, в ходе ознакомления с материалами уголовного дела в присутствии следователя и адвоката вырвал из уголовного дела процессуальный документ – чистосердечное признание, после чего поврал его и съел².

«Благоприятными» условиями для совершения подобных действий является то, что в момент ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый находится в оградительном боксе, что затрудняет быстрое пресечение противоправных действий.

Проведенный анализ уголовных дел показал, что к числу субъектов воспрепятствования, помимо лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, относятся также потерпевшие и лица, которые процессуального статуса в расследовании не имеют. Безусловно, количество фактов противодействия со стороны данных лиц невелико, но и о них должно быть известно сотрудникам следственных подразделений, так как некоторые обстоятельства возможно спрогнозировать.

При ознакомлении с процессуальными документами обвиняемой Г.Ш. в кабинет ворвалась ее свекровь и схватила со стола протокол ознакомления с допросом эксперта, а после, несмотря на законные требования

---

¹ Приговор Заринского городского суда (Алтайский край) от 02.10.2018 № 1-86/2018 по делу № 1-86/2018.

² Приговор Курганского городского суда (Курганская область) от 15.06.2017 № 1-627/2017 по делу № 1-627/2017.

следователя прекратить противоправные действия, выбежала на улицу¹. Впоследствии теща вину в совершении инкриминируемого деяния не признала, пояснив, что не знала, что взяла со стола процессуальный документ, а полагала, что это «просто бумажка».

В некоторых случаях следователи совершают тактическую ошибку в выборе места ознакомления с материалами дела, а также не учитывают наличие родственных, дружеских связей обвиняемого с другими участниками расследования. Показательным является следующий пример.

Следователь для ознакомления с материалами уголовного дела прибыл в жилище потерпевшей, которая являлась сожительницей обвиняемого. В ходе ознакомления с материалами дела потерпевшая О. осознала, что органами предварительного следствия ее сожителю В.М. предъявлено обвинение в совершении пяти преступлений, в том числе в совершении четырех особо тяжких преступлений. На следующий день ознакомление уголовного дела проходило также на кухне в жилище потерпевшей О., где она после начала ознакомления с делом схватила лежащие перед ней на кухонном столе два тома уголовного дела и бросила их в затопленную печь дома. После, взяв, пластиковую тару с бензином, вылила бензин в затопленную печь. Следователь попыталась подбежать к печи, однако О. не давала к ней приблизиться, заслонив собой. Огнем материалы уголовного дела по обвинению В.М., состоящие из двух томов, были уничтожены полностью².

Как видно, в большинстве случаев совершению преступления, связанного с уничтожением материалов уголовного дела, способствуют обстановка (ознакомление с материалами уголовного дела в местах содержания под стражей в охранном боксе) или тактические ошибки следователя при изучении личности обвиняемого и (или) его связей, беспечное поведение следователя. В некоторых случаях после принятия решения об ознакомлении с материалами уголовного дела следователи «успокаиваются», полагая, что собранным по делу доказательствам уже ничего не угрожает, перестают акцентировать внимание на поведении обвиняемого. Полагаем, что полнота изучения личности привлекаемого к уголовной ответственности лица, анализ его поведения на протяжении следствия,

---

¹ Приговор Морозовского районного суда (Ростовская область) от 15.05.2019 № 1-178/2018, 1-22/2019 по делу № 1-178/2018.

² Приговор Улуг-Жемского районного суда (Республика Тыва) от 28.05.2018 № 1-115/2018 по делу № 1-115/2018.

в частности при проведении некоторых следственных действий, конфликтное поведение и т.д. должны концентрировать внимание следователя на создание, в том числе и на заключительном этапе расследования, обстановки, не допускающей воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний.

Сидорова Е.З.,

*К.ю.н.,
преподаватель кафедры уголовного
права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России*

Татарникова М.А.,

*курсант факультета подготовки следователей
и судебных экспертов
Восточно-Сибирского института МВД России*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ «ПРИНУЖДЕНИЕ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ» (СТАТЬЯ 302 УК РФ)

В настоящий период пристальное внимание к состоянию законности в правоохранительной сфере уделяется не только в связи с проводимыми государством реформами, но и в связи со специфическими отношениями, существующими между рядовыми гражданами и сотрудниками государственных органов, которые призваны обеспечивать законность и правопорядок. Специфика таких отношений заключается в том, что граждане часто находятся в некотором зависимом от воли государственного органа положении. В этой связи принудительное склонение лица к даче тех или иных показаний является грубым нарушением принципов уголовного и уголовно-процессуального права, а также общечеловеческих ценностей¹. Кроме того, принуждение к даче показаний затрагивает общественные отношения, направленные на обеспечение деятельности органов правосудия.

В контексте некоторых проблемных аспектов применения норм Уголовного кодекса Российской Федерации представляется актуальным сделать акцент на ответственности за принуждение к даче показаний, предусмотренных ст. 302 УК РФ.

Понятие «принуждение» в уголовном праве достаточно неоднозначно, что значительно затрудняет практическое применение

---

¹ См.: Бакушина В.С., Рахматулин З.Р. Иные незаконные действия как признак принуждения к даче показаний: вопросы уголовно-правовой оценки // Modern Science. 2020. № 1-3. С. 28.

данного понятия в уголовном праве¹. Опасность принуждения к даче показаний проявляется в нарушении принципов уголовного судопроизводства: личной неприкосновенности, защиты прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, верховенства права, уважения чести и достоинства. Полученные таким образом доказательства приводят к осуждению невиновных лиц, вынесению неправоудного приговора или иного судебного акта.

В составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ, объективная сторона преступления характеризуется действием в форме принуждения кого-либо к даче показаний.

Мотивы, побуждающие правоприменителей к использованию насилия в отношении допрашиваемых лиц, оцениваются историческими, правовыми, нравственными предпосылками принуждения как уголовно-процессуального метода или средства получения доказательств.

Существующее негативное отношение к доказательственному значению показаний, полученных под принуждением, основано на ошибочном понимании мотивов его применения². Абстрагируясь от формального представления о насилии как о физическом и нравственном истязании и оценивая его назначение с аксиологической точки зрения, многие авторы полагают, что принуждение к даче правдивых показаний в форме, не связанной с причинением боли человеку, является эффективным средством достижения целей уголовного процесса, а именно установления истины по уголовному делу.

Обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, является специальный потерпевший. Потерпевшими являются участники уголовного судопроизводства, выступающие в качестве источников доказательственной информации, это следующие лица: подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель или эксперт.

Не образуют рассматриваемого состава преступления действия по принуждению к даче показаний, направленные на лиц, не обладающих перечисленным выше статусом.

В диспозиции нормы ст. 302 УК РФ в числе потерпевших не указано такое лицо, как переводчик. Согласимся с мнением ученых, считающих, что необходимо включить переводчика в число потерпевших

¹ См.: Тихонова Д.А. Принуждение к даче показаний: проблемы диспозиции преступления // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем. 2019. С. 58.

² Чернышев Д.Б. Проблема принуждения к даче показаний как уголовно-процессуального механизма получения доказательств // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27. № 4. С. 520.

лиц, принуждаемых к даче показаний. Принуждение к неправильному переводу представляет собой воздействие на волю участника уголовного процесса незаконными способами, при которых лицо лишено свободы выбора, с целью неправильного перевода¹.

В ходе анализа рассматриваемой нами уголовно-правовой нормы о принуждении к даче показаний можно установить, что не все участники уголовного судопроизводства равным образом защищены от незаконного принуждения к даче показаний. Так, например, под эгидой уголовно-правовых норм не находятся частный обвинитель, гражданский истец и его представитель, а также представитель потерпевшего и понятой.

Такое положение дел не соответствует конституционному принципу равенства и, соответственно, должно быть исправлено путем включения в ст. 302 УК РФ новых категорий потерпевших. Целесообразным является дополнить ст. 302 УК РФ, расширив круг потерпевших от преступных посягательств, включив в их число таких лиц, как частный обвинитель, гражданский истец, представитель гражданского истца, а также представитель потерпевшего и понятой.

Еще одна из проблем, связанных с толкованием нормы ст. 302 УК РФ, заключатся в том, что термин «иные незаконные действия» как способ принуждения к даче показаний в законе не конкретизирован.

Иные незаконные действия следует понимать и оценивать через способность этих действий реально влиять на допрашиваемое лицо, ограничивая или полностью лишая его свободного волеизъявления в целях принуждения к даче показаний. Дополнительными условиями иных незаконных действий являются их противоправность, безнравственность, непредусмотренность в законе.

Преступления против правосудия отражают одну из самых серьезных проблем современного общества – проблему недоверия к существующей государственной власти, проблему реализации собственных корыстных и эгоистических интересов или ложно понятых интересов службы вопреки интересам правосудия. Проблема принуждения к даче показаний, а равно проблема фальсификации доказательств, на наш взгляд, должны исследоваться наиболее подробно в целях исключения привлечения невиновных к уголовной ответственности. В частности, исследователь А.Н. Борисенок

---

¹ См.: Щетинина Н.В. Актуальные аспекты применения статьи 302 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2 (22). С. 91.

обращается к рассмотрению понятия принуждения к даче показаний, его форм и психологического аспекта данной проблемы. Автор анализирует причины принуждения к даче показаний, результаты и последствия данного деяния. Особое внимание автор уделил рассмотрению данного деяния не как преступления, а как вынужденной меры должностного лица, проводящего дознание или следствие¹.

В качестве доказательств допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

На практике так сложилось, что подозреваемый, обвиняемый или свидетель сознаются в совершенном им преступлении, готовящемся к совершению преступления или соучастию лишь в неформальной обстановке, то есть не на официальном допросе, и чаще всего тогда, когда у органов дознания или следствия отсутствуют какие-либо доказательства вины данных лиц. Именно это и приводит к принуждению к даче показаний с помощью мер физического и (или) психологического воздействия.

Пытки запрещены как международным законодательством, так и законодательством Российской Федерации. Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство человека обращению и наказанию – так гласит ст. 5 Всеобщей декларации прав человека. Но меры психологического воздействия имеют самые разнообразные и многочисленные формы.

Несомненно, причинение физического вреда и страданий подозреваемому, обвиняемому или свидетелю также по своей сути являются преступлением, но следует понять, каковы причины этого явления. Сотрудники правоохранительных органов ежедневно сталкиваются с достаточно внушительным количеством преступлений и преступников. Общение с правонарушителями нередко оказывает на представителей власти сильное психологическое давление и обостряет чувство справедливости и жажду правосудия, что, собственно, и является первопричиной принуждения к даче показаний. Если нет иных доказательств, но при этом у оперативного работника, дознавателя или следователя есть абсолютная уверенность в

---

¹ См.: Борисенко А.Н. Принуждение к даче показаний или обостренное чувство справедливости?.. // Вестник магистратуры. 2019. № 9-1. С. 119.

виновности лица, то он непременно прибегнет к принуждению лица к даче показаний, а каким именно методом – зависит уже от личности как самого должностного лица, так и преступника.

Одним лицам достаточно психологического воздействия в форме общения (психологическое давление, выраженное в убеждении в том, что существуют и иные доказательства, но чистосердечное раскаяние также не помешает), а другим – физическое воздействие с трудом поможет.

Проблема противодействия угрозам отправления правосудия остается почти не освещенной в теории уголовного права несмотря на то, что практика применения соответствующих уголовно-правовых запретов вскрывает немало спорных вопросов, требующих кардинального решения.

К сожалению, на сегодняшний день все проявления злоупотреблений, насилия и т.д., проистекающие от представителей власти в сфере отправления правосудия, законодатель свел к поведению лиц, осуществляющих уголовное преследование на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Чтобы исправить сложившееся положение и расширить действие данного уголовно-правового запрета, сделав его универсальным, охватывающим весь спектр отношений правосудия, представляется необходимым совершенствование диспозиции ст. 302 УК РФ, повышение уровня профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов, а также их компетентности; укрепление основ правового государства и уровня правовой защищенности общества от произвола правоохранительных органов.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОВОКАЦИЮ ВЗЯТКИ, КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА ЛИБО ПОДКУПА В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

В ст. 304 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена ответственность за провокацию таких коррупционных преступлений, как получение взятки (ст. 290 УК РФ); незаконное получение предмета подкупа лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации (ч. 5–8 ст. 204 УК РФ); незаконное получение предмета подкупа работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок (ч. 4–6 ст. 200.5 УК РФ).

Отметим, что на практике ст. 304 УК РФ применяется крайне редко. В частности, за период с 2014 г. по 2019 г. включительно по данной статье было осуждено 19 человек, при этом только один из них – по основной, а не по дополнительной квалификации¹. Столь незначительное число лиц, осужденных по ст. 304 УК РФ, на наш взгляд, объясняется как латентностью соответствующих провокационных действий, так и определенными трудностями в регламентации и толковании признаков данного состава преступления.

В отличие от взяточничества, коммерческого подкупа и подкупа работников контрактной службы, контрактных управляющих или членов комиссии по осуществлению закупок, преступление, предусмотренное ст. 304 УК РФ, представляет собой умышленную одностороннюю деятельность, направленную на моделирование определенного поведения другого лица, которое характеризовалось бы всеми внешними признаками преступления, в целях дискредитации, шантажа либо создания искусственных доказательств обвинения, если при этом деяние провоцируемого лица фактически не

---

¹ См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ, раздел «Данные судебной статистики»: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.04.2020).

является виновно совершенным¹. Поведение же провоцирующего лица характеризуется прямым умыслом и указанной выше альтернативной целью, представляя собой моделирование, имитацию активного подкупа.

Пассивный подкуп в его уголовно-правовом понимании в данном случае отсутствует, в связи с чем можно говорить об инсценировке последнего. Так, в ст. 396 УК Республики Беларусь² (далее – УК РБ) сходное преступление названо именно инсценировкой получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа. В ст. 396 УК РБ, в отличие от ст. 304 УК РФ, не указан такой специфический признак провокации, как отсутствие согласия провоцируемого лица на передачу ему предмета подкупа. Кроме того, в ст. 396 УК РБ говорится о передаче данного предмета, что предполагает завершенность этого действия, тогда как в ст. 304 УК РФ – о попытке передачи. Тем самым в ст. 304 УК РФ подчеркивается, что такая провокация изначально не может привести к полному осуществлению подкупа.

Указание на отсутствие согласия принять незаконное вознаграждение, содержащееся в диспозиции ст. 304 УК РФ, одновременно дополняет уголовно-правовую характеристику взяточничества, коммерческого подкупа и подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего или члена комиссии по осуществлению закупок, подчеркивая, что соответствующие деяния могут быть совершены исключительно при наличии согласия получателя предмета данных преступлений. При отсутствии такого согласия речь может идти о провокации, предусмотренной ст. 304 УК РФ, либо о покушении на дачу взятки или на незаконную передачу предмета коммерческого или иного подкупа, если лицо, пытавшееся передать незаконное вознаграждение, не преследовало цели искусственного создания доказательств преступления или шантажа³.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 32 постановления «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных

---

¹ См.: Радачинский С.Н. Уголовная ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа: учебное пособие. Серия «Юридическая практика». М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. С. 14.

² См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь (принят Законом Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З, в ред. от 11.11.2019 № 253-З) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 30.03.2020).

³ См.: Уголовное право России: учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 706–707.

коррупционных преступлениях»¹, одним из обязательных условий ответственности по ст. 304 УК РФ является заведомая осведомленность виновного о том, что провоцируемое им лицо не давало согласия на его подкуп и не совершало каких-либо действий, подтверждающих такое согласие, либо ранее прямо выразило свой отказ получить незаконное вознаграждение. То есть по уголовному делу о данном преступлении необходимо доказать отсутствие согласия провоцируемого лица на получение предмета подкупа, о чем изначально знал виновный.

Пленум Верховного Суда РФ также разъяснил, что провокационные действия в данном случае не создают основание уголовной ответственности за получение незаконного вознаграждения, полностью или частично переданного должностному или иному провоцируемому лицу, так как последнее не было осведомлено о такой передаче либо выражало свое несогласие на его осуществление, что было заведомо известно виновному. То есть возможны два варианта такой провокации: во-первых, когда провоцируемое лицо не знало о состоявшейся передаче незаконного вознаграждения (например, при тайном переводе денег на его счет); во-вторых, когда инсценируемый подкуп осуществляется заведомо против воли данного лица.

Приведенные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, основанные на толковании уголовного закона через призму сложившейся практики его применения, указывают на то, что преступление, предусмотренное ст. 304 УК РФ, фактически представляет собой именно инсценировку, а не провокацию подкупа. Полагаем, что термин «провокация» более подходит для обозначения случаев создания условий, заведомо способствующих формированию у другого лица намерения совершить то или иное деяние, тогда как рассматриваемое преступление представляет собой создание видимости совершения соответствующего деяния. Не случайно ученые-лингвисты толкуют слово «провокация» как подстрекательство к каким-либо действиям, которые могут повлечь тяжелые последствия, а слово «provokator» – как тайный агент, который действует посредством провокации; лицо, предательски подстрекающее к тем или иным неблагоприятным, преступным действиям². Также обратим внимание

---

¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 10.04.2020).

² См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов и фразеологических выражений / Под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс», 2012. С. 491.

на то, что в п. 35 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ при разъяснении особенностей юридической оценки действий сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших другое лицо получить незаконное вознаграждение, изначально использовалось словосочетание «подстрекательские действия», однако в дальнейшем первое из данных слов было исключено¹.

Отметим, что перечень провоцируемых лиц непосредственно приведен в диспозиции ст. 304 УК РФ, хотя его можно определить и без такой дополнительной регламентации, поскольку, как следует уже из наименования данной статьи, в него входят лица, являющиеся субъектами провоцируемых преступлений, предусмотренных ч. 5–8 ст. 204 УК РФ, ч. 4–6 ст. 200.5 УК РФ или ст. 290 УК РФ. Применительно же к определению субъекта провокации, запрещенной ст. 304 УК РФ, в уголовном законе отсутствует необходимая правовая определенность.

В связи с тем, что непосредственно в диспозиции ст. 304 УК РФ какие-либо дополнительные признаки субъекта преступления не называются, этот уголовно-правовой запрет потенциально распространяется на любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, совершившее соответствующие провокационные действия. Поскольку одной из альтернативных целей рассматриваемой провокации является искусственное создание доказательств преступления, на практике закономерно возникает вопрос о том, не указывает ли такая цель на то, что в данном случае ответственность по ст. 304 УК РФ может нести только лицо, наделенное определенным должностным статусом, включающим полномочия по проведению оперативного эксперимента и иных оперативно-разыскных мероприятий, результаты которых могут быть использованы в доказывании в уголовном судопроизводстве? С нашей точки зрения, провокация получения взятки или предмета иного подкупа с указанной целью без участия в этом деянии должностного лица, уполномоченного на осуществление оперативно-разыскной деятельности, даже потенциально не может привести к созданию каких-либо доказательств, пусть и подлежащих в дальнейшем признаю недопустимыми.

---

¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 10.04.2020).

Пленум Верховного Суда РФ в п. 34 постановления от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) также разъяснил, что действия сотрудников правоохранительных органов, которые спровоцировали лицо, являющееся субъектом получения взятки или предмета коммерческого подкупа, принять незаконное вознаграждение, необходимо отграничивать от преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ. Действия таких сотрудников в данном случае не соответствуют положениям ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ о недопустимости осуществления такой деятельности для решения задач и достижения целей, которые не предусмотрены данным Законом. При этом происходит передача незаконного вознаграждения, осуществляемая на основе согласия либо предложения подкупаемого лица, однако соответствующее волеизъявление является результатом склонения такого лица к получению денег или иных ценностей, когда имеющиеся обстоятельства подтверждают, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов не возник бы умысел на получение взятки или предмета коммерческого подкупа, то есть соответствующее преступление не было бы совершено. При таких обстоятельствах принятие незаконного вознаграждения не образует состав преступления².

Приведенная ситуация отличается от попытки передачи незаконного вознаграждения только тем, что имеется согласие подкупаемого лица и происходит передача взятки или предмета подкупа, однако такое согласие, по нашему мнению, не имеет того значения, о котором идет речь в диспозиции ст. 304 УК РФ, поскольку оно основано на противоправном вмешательстве сотрудников правоохранительных органов, подстрекающих другое лицо к желаемому ими противоправному поведению. По сути, действия данных сотрудников в наибольшей степени соответствуют приведенному выше лингвистическому пониманию провокации, нежели другие действия, представляющие собой инсценировку преступного подкупа.

Не случайно в судебной практике при рассмотрении уголовных дел о взяточничестве и коммерческом подкупе нередко исследуются доводы стороны защиты о провокации данных преступлений со стороны сотрудников правоохранительных органов, при этом

---

¹ См.: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 961.

учитываются именно положения ст. 304 УК РФ и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда посчитала несостоятельными доводы апелляционной жалобы о наличии в действиях сотрудников ГУСБ МВД России признаков подстрекательства и провокации преступления с участием Е., поскольку проведение оперативного эксперимента было изначально обусловлено наличием у данных сотрудников сведений о систематическом получении взяток осужденными, при этом умысел на получение через посредника одной из таких взяток сформировался у данных лиц вне какой-либо зависимости от действий Е. и сотрудников ГУСБ. То есть проведение оперативного эксперимента было вызвано необходимостью надлежащего документирования криминальной деятельности осужденных. Законность оперативно-розыскного мероприятия и допустимость полученных результатов были подтверждены записями разговоров в ходе его проведения, получивших надлежащую экспертную оценку, а также показаниями свидетелей и осужденных¹.

Учитывая изложенное, считаем, что для обеспечения единообразной судебной практики по делам о провокации взятки или иного подкупа, в том числе для исключения затруднений в квалификации и доказывании провокационных, подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов, целесообразно, во-первых, отразить в наименовании и диспозиции ст. 304 УК РФ альтернативный характер данного преступления, которое может выражаться в инсценировке или в провокации соответствующего подкупа; во-вторых, указать в диспозиции данной статьи дополнительный признак (дополнительные признаки) субъекта именно провокации получения взятки или иного подкупа и дифференцировать уголовную ответственность данных лиц; в-третьих, дополнить имеющиеся разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, в том числе указать в п. 34 названного постановления, как именно квалифицировать провокационные действия сотрудников правоохранительных органов, а также учесть, что таковые могут быть совершены и в отношении лиц, указанных в ч. 1 ст. 200.5 УК РФ.

---

¹ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 12.09.2019 № 1-0124/2018 // Архив Московского городского суда за 2019 г.

Поляков В.Ю.,

*преподаватель кафедры тактико-специальной,
огневой и физической подготовки
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О МОТИВАХ И ЦЕЛИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА О ХИЩЕНИИ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

В Российской Федерации к уголовной ответственности ежегодно привлекается около 2 тыс. человек за совершение преступлений, предусмотренных ст. 306 Уголовного кодекса Российской Федерации «Заведомо ложный донос». Так, по данным судебной статистики, в 2016 г. по данной статье было осуждено 2846 человек, в 2017 г. – 2601 человек, в 2018 г. – 2318 человек. В 2019 г. количество осужденных снизилось до 1760 человек¹.

Опасность этого посягательства заключается в дестабилизации работы системы правосудия, прокуратуры и органов предварительного расследования. Проанализировав судебную практику о привлечении лиц к уголовной ответственности за заведомо ложный донос, мы сделали вывод о том, что мотивы и цели совершения такого вида преступления различны.

Ложный донос может быть совершен в целях мести, уклонения от уголовной, гражданской или административной ответственности, в корыстных целях, в целях иной личной заинтересованности, в целях привлечения к ответственности невиновного лица и, наоборот, в целях освобождения от ответственности лица, совершившего противоправное деяние. Однако дифференциация уголовной ответственности за подобные деяния, по мнению специалистов, недостаточно учитывает их общественную опасность².

Дифференциация уголовной ответственности за разные виды заведомо ложного доноса, различающиеся по степени общественной

---

¹ Официальный сайт судебной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.апипресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 18.05.2020).

² См.: Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: от закона к практике // Современное общество и право. 2018. № 4 (35). С. 88–93.

опасности в зависимости от мотива преступления и от факта причинения существенного вреда правам и интересам потерпевшего, уголовным законом не предусмотрена. Однако вышеуказанные мотивы заведомо ложного доноса существенно повышают степень общественной опасности преступления, но нередко не принимаются во внимание судом при назначении наказания¹.

В связи с этим значительный интерес представляют ситуации, связанные с заведомо ложным доносом о хищении либо угоне транспортного средства в связи с оставлением места дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП). Как правило, такие деяния совершают собственники транспортных средств, находящиеся в состоянии алкогольного или иного опьянения, при отсутствии других участников дорожного движения, например при съезде в кювет, совершении опрокидывания или наезда на препятствие и т.д. Нежелание нести установленную законом ответственность за совершенные деяния, возможность избежать серьезных финансовых потерь, направленных на восстановление поврежденного в результате дорожно-транспортного происшествия имущества путем введения в заблуждение правоохранительных органов, получение иной выгоды наталкивают правонарушителя на совершение заведомо ложного доноса о хищении (угоне) транспортного средства – участника ДТП.

При рассмотрении дел, связанных с заведомо ложным доносом о хищении (угоне) транспортного средства, суды, как правило, устанавливают мотив сокрытия ДТП и желание уйти от административной ответственности.

Ленинский районный суд г. Оренбурга, рассмотрев уголовное дело в отношении Гумирова Р.Н., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 306 УК РФ, установил, что Гумиров Р.Н., действуя умышленно, незаконно, из личной заинтересованности, сообщил сотруднику полиции о неправомерном завладении принадлежащим ему автомобилем. При этом Гумиров Р.Н. заведомо знал, что данная информация является ложной, недостоверной, так как сам совершил на данном автомобиле ДТП в состоянии алкогольного опьянения².

При этом анализ судебной практики показывает, что в аналогичных случаях, когда совершается заведомо ложный донос с целью скрыть

¹ Смолин С.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://disus.ru/r-yuridicheskie/366396-1-ugolovnaya-otvetstvennost-zavedomo-lozhniy-donos.php> (дата обращения: 18.05.2020).

² URL: https://sudact.ru/regular/doc/xpzuKYpFhXR/?regular-txt=&regular-case_doc=1-672%2F17&regular-lawchunkinfo (дата обращения: 22.05.2020).

административное правонарушение, суды, привлекая лиц к уголовной ответственности, не учитывают степень общественной опасности.

Майминский районный суд Республики Алтай, рассмотрев материалы уголовного дела в отношении Диминёва А.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 306 УК РФ, установил: Диминёв А.В., пребывая в состоянии алкогольного опьянения, двигаясь на принадлежащем ему автомобиле, допустил съезд с проезжей части с последующим наездом на дорожное металлическое ограждение, после чего, с целью избежания административного наказания за совершение административного правонарушения и дезорганизации работы сотрудников правоохранительных органов, обратился в дежурную часть Межмуниципального отдела МВД России «Майминский» и сообщил об угоне принадлежащего ему автомобиля, скрыв при этом обстоятельства ДТП. На основании изложенного, руководствуясь ст. 307–310 УПК РФ, суд приговорил признать Диминёва А.В. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 306 УК РФ, и назначить ему наказание в виде штрафа в размере 10 000 рублей с рассрочкой его выплаты на 5 месяцев, из расчета уплаты не менее 2000 рублей в месяц¹.

Здесь, по нашему мнению, Майминский районный суд при назначении наказания не учел степень общественной опасности преступления, не принял во внимание размер санкций, установленный за совершение административного правонарушения, которое пытался скрыть осужденный. Такой подход к назначению наказания встречается нередко.

В схожей ситуации Новосибирский районный суд, рассмотрев уголовное дело в отношении Шарапова В.И., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 306 УК РФ, установил, что Шарапов В.И., управляя в состоянии алкогольного опьянения автомобилем марки «Субару Импреза», после столкновения вблизи дома с автомобилем марки «Тойота Виста Ардео» с места ДТП скрылся. Желая избежать административного наказания за совершение ДТП и ввести в заблуждение правоохранительные органы, обратился в отдел полиции «Краснообский» МО МВД России, сообщил об угоне его автомобиля «Субару Импреза» неустановленным лицом. На основании изложенного, руководствуясь ст. 307–309 УПК РФ, суд приговорил признать Шарапова В.И. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 306 УК РФ, назначить ему наказание в виде 8 месяцев исправительных работ по основному месту работы с удержанием 10% заработка в доход государства².

¹ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pwPLJcvjX0U4/> (дата обращения: 15.05.2020).

² URL: <https://sudact.ru/regular/doc/a6Oms4c7V4gw/> (дата обращения: 18.05.2020).

Таким образом, Диминёв А.В. и Шарاپов В.И. избежали административной ответственности за управление транспортным средством, находясь в состоянии опьянения, с наложением административного штрафа в размере 30 тыс. рублей с лишением права управления транспортным средством на срок от полутора до двух лет.

Также в судебной практике имеется немало примеров совершения заведомо ложного доноса о хищении транспортного средства с целью получения страховой выплаты. При этом зачастую злоумышленникам не удается довести умысел на хищение денежных средств страховой компании до конца в связи с тем, что правоохранительные органы выявляют их противоправный характер в процессе расследования уголовного дела по ст. 306 УК РФ. На это обстоятельство прямо указано в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных ст. 159.5 УК РФ, судам следует иметь в виду, что мошенничество в сфере страхования совершается путем обмана относительно наступления страхового случая, например представление заведомо ложных сведений о наличии обстоятельств, подтверждающих наступление страхового случая, инсценировка дорожно-транспортного происшествия, хищение застрахованного имущества¹.

В соответствии с правилами комбинированного страхования транспортных средств, принадлежащих физическим лицам по договору страхования каско, страховыми рисками, при которых выплачивается страховая стоимость автомобиля, может быть признано хищение либо угон транспортного средства, то есть утрата застрахованного автомобиля в результате события, квалифицированного правоохранительными органами в соответствии с УК РФ как кража, грабеж, разбой или неправомерное завладение ТС без цели хищения (угон)².

В связи с этим у гражданина, попавшего в ДТП, за совершение которого он должен будет понести административную ответственность за нарушение правил дорожного движения и выплатить компенсацию

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=283918&fld=&dst=4294967295,0&nd=0.25634583979806924#0938130054940284/> (дата обращения: 19.05.2020).

² Официальный сайт ООО «Абсолют страхование». Приказ от 23.07.2019 № В-82-19 [Электронный ресурс]. URL: [/https://mafin.ru/insurance-policy](https://mafin.ru/insurance-policy) (дата обращения: 19.05.2020).

за причиненный ущерб собственнику поврежденного имущества, при отсутствии очевидцев происшествия и наличии у него страхового полиса добровольной гражданской ответственности каско может возникнуть желание, во-первых, скрыть произошедшее от органов власти, а во-вторых, получить страховую выплату за якобы угнанное транспортное средство, которое он впоследствии может либо продать по частям, либо реализовать через сбытчиков краденного.

Одинцовский городской суд Московской области в приговоре от 1 июня 2015 г. по делу № 1-379/2015 признал виновным Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159.5 УК РФ, при следующих обстоятельствах. Б., достоверно зная о том, что принадлежащий ему автомобиль находится в гаражном боксе без нумерации, обратился в дежурную часть МУ МВД России с заведомо ложным заявлением о привлечении к уголовной ответственности неизвестного лица, которое похитило принадлежащий ему указанный автомобиль. Заявление было зарегистрировано в КУСП МУ МВД России, однако в результате проведенной в порядке, установленном ст. 144–145 УПК РФ, проверки было установлено, что обстоятельства, указанные Б. в своем заявлении, полностью не соответствуют действительности, а само заявление является заведомо ложным. После чего Б. обратился в страховую компанию, где написал заявление о выплате страхового возмещения по договору «каска», предоставив при этом талон-уведомление о регистрации заявления об угоне в ОВД, однако Б. совместно с привлеченным для осуществления своего плана страховым агентом не довели свой преступный умысел до конца по независящим от них обстоятельствам, поскольку сотрудниками МУ МВД России были установлены факт инсценировки хищения указанного выше автомобиля и его местонахождение. В случае доведения своего преступного умысла до конца, противоправными действиями Б. и страхового агента был бы причинен материальный ущерб в размере 1 261 000 рублей¹.

Таким образом, при совершении ложного доноса с целью получения страховой выплаты содеянное необходимо квалифицировать по ст. 306 УК РФ в совокупности со ст. 159.5 УК РФ как мошенничество в сфере страхования². Такой подход разделяется в доктрине и проводится на практике³.

¹ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZFjH0orRxElH/> (дата обращения: 26.05.2020).

² См.: Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 7. С. 29–33; Ка-рабанова Е.Н. Совершение преступления как способ мошенничества // Уголовное право. 2015. № 5. С. 45–47; Харламова А.А. Некоторые вопросы квалификации мошенничества в сфере страхования // Уголовное право. 2017. № 6. С. 69–77.

³ См.: Приговор Калужского районного суда Калужской области от 11.03.2016 по делу № 1-126/2016; Апелляционное определение Калужского областного суда от 04.02.2019 по делу № УК-22-179/2019.

Как указал Останкинский районный суд города Москвы в приговоре от 29 мая 2018 г. по делу № 1-147/2018, по смыслу уголовного закона преступления, предусмотренные ст. 159.5 УК РФ и ст. 306 УК РФ, являются разнообъектными: объектом преступного посягательства при заведомо ложном сообщении о преступлении является посягательство на интересы правосудия, а при мошенничестве – отношения собственности. При этом целью обращения злоумышленника в правоохранительные органы является получение копии постановления о возбуждении уголовного дела по факту хищения его имущества, а в дальнейшем мошенничество совершается посредством предъявления этого и других необходимых документов страховщику с целью получения страхового возмещения, то есть способом совершения мошенничества выступает обман страховщика, а приобретение необходимых для введения в заблуждение документов не является способом совершения мошенничества, таким образом, имеет место реальная совокупность преступлений, предусмотренных ст. 159.5 УК РФ и ст. 306 УК РФ¹.

Учитывая результаты анализа судебной практики по делам о совершении заведомо ложного доноса, в целях более точной дифференциации ответственности за совершение данного преступления представляется целесообразным включить мотив корыстной или иной личной заинтересованности и цель уклонения от административной, гражданской или уголовной ответственности в качестве квалифицирующего признака данного преступления.

---

¹ URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/ostankinskij/services/cases/criminal/details/da870dbb-aae4-425d-9487-5c1e65f45592> (дата обращения: 26.05.2020).

Чуканова Е.С.,

К.Ю.Н.,

*заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБМАНА КАК СПОСОБА ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ

Понятие правосудия включает в себе две важные категории – ПРАВО и СУДИТЬ. То есть когда мы делегируем государственной власти исключительное полномочие по осуждению лица, совершившего преступления, то полагаем, что это осуждение должно быть основано на праве, которое требует, чтобы имеющие юридическую силу доказательства, положенные в основу обвинения, были получены в строгом соблюдении федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации) и соответствовали уголовно-процессуальному законодательству (ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)¹. Согласно подп. «g» п. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах «каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным»². Изложенные гарантии должны пониматься как отсутствие любого прямого или косвенного физического или ненадлежащего психологического давления со стороны следственных органов на обвиняемого в целях получения признания вины³.

Запрет на принуждении к даче показаний установлен в ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

² Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9 (извлечение).

Правоприменительная практика свидетельствует, что по заявлениям о фактах принуждения к даче показаний зачастую выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Есть все основания предполагать, что подобные деяния, будучи широко распространенными и обладающие высокой общественной опасностью, обладают чрезвычайно высокими показателями латентности. Во многом такая ситуация обусловлена не только недостатками в работе правоохранительных органов, но и недостатками самой ст. 302 УК РФ, а также смежных с ней уголовно-правовых норм.

Установив ответственность за данное преступление, законодатель провел тем самым межотраслевую дифференциацию¹ между ним и превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Объективная сторона рассматриваемого деяния состоит в принуждении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний, а эксперта и специалиста – в принуждении к даче заключения или показания. Однако, в отличие от общего состава должностного преступления, в диспозиции ч. 1 ст. 302 УК РФ указаны конкретные способы его совершения – угроза, шантаж или иные незаконные действия. Применение насилия, издевательства и пытки указано законодателем в качестве квалифицирующего признака.

Понятие признака «иные незаконные действия» как способа совершения принуждения к даче показаний в УК РФ не определено, не раскрывается это понятие и в уголовном процессе. Чрезмерно широкое толкование данного признака, встречающегося в научной литературе, затрудняет правильное применение уголовного закона. Л.В. Лобанова обращает внимание на то, что понятие «иные незаконные действия» не имеет конкретного определения ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законодательстве и является собирательным, что, в свою очередь, не позволяет правоприменителю получить четкое представление о признаках объективной стороны состава принуждения к даче показаний. Она предлагает перечислить в законе те незаконные методы, которые способны значительно повлиять на выбор допрашиваемым (лицом, дающим заключение) варианта поведения². Так, например, федеральные стандарты американской системы уголовного судопроизводства прямо

¹ См.: Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: от закона к практике // Современное общество и право. 2018. № 4 (35). С. 89.

² Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2000. С. 19.

запрещают принуждать лицо к даче показаний путем «ложной симпатии» и иными обманными действиями¹.

В связи с этим одной из проблем в данном аспекте является признание обмана как одного из способов принуждения к даче показаний. Многие авторы полагают, что обман является одним из признаков незаконных действий принуждения к даче показаний². Как утверждает И.Ю. Бунева, «к иным незаконным действиям следует отнести любые безнравственные или противоправные действия допрашивающего в отношении допрашиваемого с целью получить от него желаемые показания – провокационные методы допроса, связанные с созданием искусственных стимулов для дачи показаний (например, обещание предоставления различных благ, лишних свиданий, передач, обещание закрыть глаза на какое-либо преступление, совершенное лицом или его близкими), использование фальсифицированных доказательств и документов, иной обман»³. Аналогичного мнения придерживается и Р.Н. Дусаев, указывая на то, что «конкретизируя понятие обмана как потенциально незаконного способа принуждения к даче показаний, можно заключить, что он выражается в создании особой обстановки допроса, воздействующей на допрашиваемого в силу его индивидуальных качеств, таких, например, как суеверность, а также в применении любых провокационных методов допроса, связанных с созданием искусственных стимулов для дачи показаний, в предъявлении фальсифицированных доказательств, в ложных обещаниях улучшить каким-либо образом участь принуждаемого, в использовании обманных способов изобличения в ложности показаний и т.п.»⁴.

По мнению авторов, обман относится к незаконному принуждению и считается безнравственным действием. Тогда возникает вопрос: может ли привлекаться к уголовной ответственности допрашивающий за аморальные действия в виде невыполненных обещаний? К примеру, по мнению Верховного Суда РФ, «не могут рассматриваться как понуждение к действиям сексуального характера или как иные преступления против половой неприкосновенности

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 29.06.2007 «Дело «О'Халлоран (O'Halloran) и Фрэнсис (Francis) против Соединенного Королевства» (жалобы № 15809/02 и 25624/02) [рус., англ.] // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Шестаков А.Л. Квалификация действий органов внутренних дел при совершении преступлений против правосудия // Российский судья. 2010. № 5. С. 28–31.

³ См.: Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 10.

⁴ Шестаков А.Л. Квалификация действий органов внутренних дел при совершении преступлений против правосудия // Российский судья. 2010. № 5. С. 28–31.

и половой свободы личности действия лица, добившегося согласия потерпевшей на вступление в половое сношение или совершение действий сексуального характера путем обмана или злоупотребления доверием (например, заведомо ложного обещания вступить в брак и т.п.)»¹. Хотя очевидно, что подобное поведение лица является безнравственным и аморальным.

Другие авторы считают, что обман является самостоятельным способом совершения принуждения к даче показаний. Некоторые из авторов к иным незаконным действиям относят обман и (или) подкуп², другие же не включают обман в перечень иных незаконных действий как способ совершения рассматриваемого преступления³. Полагаем, что обман неправомерно относить к уголовно наказуемому принуждению, которое субъективно воспринимается как навязывание чужой воли, не соответствующее желаниям и интересам принуждаемого. Согласимся с А.В. Галаховой, которая утверждает, что обман не всегда представляет собой намерение причинить вред интересам лица, а лишь ставит последнего перед выбором, при этом допрашиваемый, осмысливая альтернативность предложения, принимает решение в условиях свободы волеизъявления⁴.

То, что обман и принуждение являются различными понятиями, усматривается в тексте апелляционного определения Забайкальского краевого суда от 24.10.2013 по делу № 22-10-4602-2013, в котором указано: «Учитывая соответствие признательных показаний фактическим обстоятельствам дела, соблюдение следователем права осужденного на защиту со стороны профессионального адвоката при даче показаний, оснований признать их недостоверными, полученными путем *обмана или принуждения* (курсив наш. – *Прим. авт.*), не имеется»⁵. Если буквально толковать данное утверждение, то мы можем сделать вывод, что суд разделяет понятия «обман» и «принуждение», не считает их тождественными.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

² См.: Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М., 1978. С. 42; Бабаева Э.У. и др. Расследование преступлений против правосудия, совершаемых работниками правоохранительных органов. М., 1991. С. 56.

³ См.: Коробейников Б.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 955.

⁴ Преступления против правосудия / А.Н. Александров, Ю.И. Антонов, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2005. 416 с. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 24.10.2013 по делу № 22-10-4602-2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Проведенный нами анализ материалов судебной-следственной практики показал, что лиц, привлеченных по ст. 302 УК РФ с указанием на такой способ совершения, как обман, не выявлено.

Вместе с тем на обман как способ принуждения к даче показаний обычно указывают сами подсудимые, что отражается в материалах апелляционных определений, в которых, как правило, указывают на то, «их принуждали к даче показаний под воздействием обмана и психотравмирующих ситуаций»¹.

Касаясь доводов М. и его адвоката о том, что признательные показания М. дал, так как сотрудники полиции обманом принудили дать признательные показания, обещали М. избрать меру пресечения в виде домашнего ареста, и учитывая, что потерпевшему он деньги отдал в размере 210 тыс. руб., суд пришел к следующему. Доводы М. и его адвоката ничем не подтверждены. Факт принуждения М. к даче признательных показаний путем обмана не установлен и никем не подтвержден. М. не указал, кто именно из сотрудников полиции и при каких обстоятельствах принуждал его. Кроме того, признательные показания М. соответствовали материалам дела и подтверждены показаниями свидетелей и потерпевших. Довод о том, что М. отдал деньги потерпевшим, опровергается потерпевшими и признательными показаниями самого М. В судебном заседании виновность М. в хищении имущества установлена показаниями свидетелей письменными доказательствами, приведенными выше (указанные доводы суда повторно не приводятся по другим фактам совершенных преступлений)².

Аналогичные доводы содержатся и в следующем примере.

Доводы осужденного о том, что он был принужден следствием к даче показаний и подписал их в результате обмана, тщательно проверялись судом первой инстанции и обоснованно отвергнуты с приведением в приговоре убедительных мотивов, связанных с тем, что протоколы следственных действий, проведенных с Швецом В.М., подписаны им и его защитником без замечаний, права подозреваемого и обвиняемого Швецу В.М. были разъяснены, в том числе и право отказаться от дачи показаний. На следствии он не жаловался на применение к нему недозволенных методов давления, видеозапись проверки показаний на месте свидетельствует о том, что показания он давал добровольно, без

---

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 01.03.2017 по делу № 10-2434/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

² Приговор Советского районного суда города Владикавказ от 08.11.2019 № 1-204/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

какого-либо принуждения. Проведенная по поручению суда проверка в порядке ст. 144–145 УПК РФ опровергла его доводы о принуждении к даче показаний¹.

Однако, как мы видим, все обвинения в том, что показания изымались под воздействием обмана, не находят подтверждения.

Являются ли обманом действия, состоящие в разъяснении следователем подсудимому положений действующего законодательства и меняющие его правовую позицию? Конечно нет, так как это не противоречит смыслу ст. 302 УК РФ и не направлено на подавление воли допрашиваемого. Подтверждением тому служит следующий пример.

Суд находит несостоятельными ссылки подсудимого на то, что признательные пояснения и показания он дал, будучи обманутым сотрудниками полиции, обещавшими не избирать в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу. Эти доводы защиты противоречат фактическим обстоятельствам дела: на стадии досудебного производства по делу по соответствующему ходатайству органа предварительного следствия судом К.Д. была избрана именно указанная мера пресечения².

Как отмечают А.С. Горелик и Л.В. Лобанова, «при принуждении речь идет о таком воздействии на допрашиваемого, которое лишает либо существенно ограничивает его волеизъявление, в результате чего он не может контролировать свои поступки»³. То есть обман не используется для подавления воли подсудимого, а предлагает последнему возможность изменения выбранной им позиции. Согласимся с мнениями ученых, которые полагают, что обман «следует признать недопустимым с точки зрения профессиональной этики, за что возможно привлечение к дисциплинарной ответственности»⁴. Нарушение профессиональной этики допрашиваемого, неэтичные и иные безнравственные действия, криминалистические приемы, психологические приемы и ловушки не содержат признаков уголовно наказуемого принуждения. При этом необходимо учитывать, что у каждого следователя различный опыт профессиональной деятельности, интеллектуальные, психологические и эмоциональные особенности личности и характера, гендерные особенности, то есть

---

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2015 № 66-ап/14-78 // СПС «КонсультантПлюс».

² Приговор Балтийского городского суда Калининградской области от 15.07.2016 по делу № 1-38/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 374.

⁴ Там же. С. 380.

конкретный следователь отражает своей профессиональной деятельностью конкретную ситуацию расследования по конкретному преступлению. Обман – этическая категория, безусловно аморальная и безнравственная, но обман не может являться основанием для привлечения допрашивающего к уголовной ответственности по ст. 302 УК РФ.

На основании вышеизложенного мы полагаем, что обман не может относиться к иным незаконным действиям по принуждению к даче показаний, так как этот способ давления со стороны допрашивающего лица всегда дает возможность допрашиваемому обдумать выдвинутые предложения и сделать сознательный выбор, то есть при обмане нет воздействия на свободу волеизъявления подсудимого. В случае получения информации о том, что допрашивающие лица получают признательные показания с использованием обмана, должен решаться вопрос о привлечении указанных лиц к дисциплинарной ответственности. Тем самым обман сам по себе не может быть отнесен к иным незаконным действиям, относящимся к объективной стороне ст. 302 УК РФ. Обман (например, в части создания у допрашиваемого представления об информированности следователя об обстоятельствах уголовного дела) является допустимым тактическим приемом, не противоречит положениям законодательства и не нарушает гарантированные законом права и свободы человека и гражданина.

Новиков И.А.,

*инспектор отдела планирования и
контроля качества учебного процесса и
практики учебного отдела
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 71-ФЗ¹ были внесены поправки в ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающую уголовную ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности. Изменения уголовного законодательства направлены на уточнение дифференциации уголовной ответственности² за счет конкретизации предмета и субъекта этого преступления.

Вопросы квалификации отдельных случаев фальсификации доказательств выступают поводом для разногласий в теории и практике³. Рассмотрим некоторые из них.

Диспозиция ст. 303 УК РФ носит бланкетный характер и отсылает к нормам соответствующего процессуального законодательства, что зачастую вызывает споры у исследователей. Так, предметом преступления выступают:

– доказательства по гражданскому делу, предусмотренные ч. 1 ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), а также ч. 1 ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ);

– доказательства по административному делу, предусмотренные ч. 1 ст. 59 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), а также ч. 1 ст. 26.2 Кодекса об

---

¹ Федеральный закон от 17.04.2017 № 71-ФЗ «О внесении изменений в статью 303 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2017. № 83 (7249).

² См.: Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: от закона к практике // Современное общество и право. 2018. № 4 (35). С. 88–93.

³ См. Яни П.С. Вопросы квалификации преступлений // Законность. 2018. № 11. С. 45.

административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ);

– доказательства по уголовному делу, предусмотренные ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ);

– результаты оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), предусмотренные ст. 5 УПК РФ.

В ч. 1 ст. 303 УК РФ указан состав преступления, который включает в себя преднамеренные действия, направленные на изменение полученных доказательств в процессе разбирательства по гражданскому или административному делу путем подделки документов либо изменения содержащихся в них данных, обладающих доказательственным значением.

Преступление считается оконченным, когда доказательства в искаженном виде попадают в материалы дела. Однако мнения исследователей начинают различаться в случае, когда суд признает доказательства недопустимыми. Следует согласиться с П.С. Яни, который считает, что преступление будет являться оконченным в момент, когда фальсифицированные доказательства предоставляются в суд, и, если суд откажется приобщать доказательство к делу, это не повлияет на признание преступления оконченным¹.

Состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 303 УК РФ, практически совпадает с указанным составом ч. 1 данной статьи, а отличается только тем, что искажение доказательственной информации происходит в рамках уголовного дела. По данной части авторы также расходятся во мнениях, в какой момент указанное преступление можно считать оконченным.

По мнению Ю.В. Будаевой, преступные действия могут носить окончательный характер с момента вынесения следственного постановления, в момент, когда суд решил приобщить искаженные доказательства к делу, либо в момент подписания участниками следственного действия поддельных протоколов или подписания фиктивных протоколов судебного заседания участниками судебного процесса². С точки зрения А.И. Чучаева, момент окончания преступления зависит от того, кто именно его совершил. Если это лицо, производящее дознание, – то с момента совершения действий, если

¹ Яни П.С. Фальсификация доказательств по гражданскому делу: вопросы квалификации // Законность. 2020. № 4. С. 36.

² Актуальные проблемы борьбы с преступностью: материалы Второй научно-практической конференции молодых ученых. М., 2003. С. 71.

это защитник, – то с момента предъявления доказательств органам дознания, предварительного следствия или суду¹. Н.А. Радачинская предполагает, что преступление, предусмотренное ст. 303 УК РФ, должно считаться оконченным в момент внесения любых, даже малых изменений в документы, которые уже содержатся в материалах уголовного дела². По нашему мнению, данная точка зрения более точная.

Ответственность, предусмотренная ч. 3 ст. 303 УК РФ, наступает, если действия можно квалифицировать по следующим признакам:

- фальсификация доказательств о тяжком или особо тяжком преступлении (ст. 15 УК РФ);
- фальсификация доказательств, повлекшая тяжкие последствия.

По нашему мнению, ответственность по ч. 3 ст. 303 УК РФ может наступить за фальсификацию доказательств как по гражданскому, административному, так и по уголовному делу. Оценка тяжких последствий напрямую зависит от обстоятельств определенного дела и законодателем не разъяснена. Такими последствиями могут выступать смерть или самоубийство, непоправимый ущерб здоровью потерпевшего или его семьи, разорение или банкротство и т.п.³

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Цель преступления учитывается при квалификации ч. 4 ст. 303 УК РФ. Так, преступлением является фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

Следует согласиться с Г.Г. Радионовым, который отмечает, что указанные цели порождают очевидный пробел, не позволяя применить эту норму в случаях фальсификации с целью освобождения от уголовной ответственности лица, заведомо причастного к

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.И. Чучаева. 2-е изд., испр., перераб. и доп. М., 2010. С. 697.

² Радачинская Н.А. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (уголовно-правовой анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 109.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 958.

совершению преступления¹. По нашему мнению, необходимо отказаться от целей фальсификации и сформулировать ч. 4 ст. 303 УК РФ следующим образом: «Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий».

В связи с бланкетным характером статьи споры вызывает и то, кого следует считать субъектами данного преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 303 УК РФ субъектами являются:

– лица, участвующие в гражданском деле (глава 4 ГПК РФ, глава 5 АПК РФ), либо их представители (глава 5 ГПК РФ, глава 6 АПК РФ);

– лица, участвующие в административном деле (глава 4 КАС РФ), либо их представители (глава 5 КАС РФ);

– участники производства по делам об административных правонарушениях либо их представители (глава 25 КоАП РФ);

– должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях (глава 23 КоАП РФ);

– должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях (ст. 28.3 КоАП РФ).

Субъекты преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, указаны в диспозиции: это лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или защитник. Возникает вопрос: допускается ли подделка доказательственной информации иными участниками уголовного судопроизводства?

Следует согласиться с А.Н. Поляковым, что ряд участников уголовного судопроизводства наделен правом представлять доказательства, в связи с чем последние имеют возможность их сфальсифицировать и не быть привлеченными к уголовной ответственности². По нашему мнению, ч. 2 необходимо сформулировать так: «Фальсификация доказательств по уголовному делу участниками уголовного судопроизводства».

Интересна позиция В.Н. Боркова, согласно которой возможна ситуация, когда лицо, не являющееся субъектом и не имеющее сговора с субъектом, фальсифицирует доказательство совершения преступления другим человеком. Данное лицо не будет являться

---

¹ Радионов Г.Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2015. С. 10.

² См.: Поляков А.Н. Проблемные вопросы фальсификации доказательств // Вестник ВИ МВД России. 2019. № 3. С. 232.

пособником, поскольку в вышеуказанном случае преступление не имеет исполнителя¹.

Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности представляет существенную угрозу общественной безопасности, ведь в связи с подделкой доказательств может быть осужден невиновный человек, а реальный преступник избежит уголовной ответственности. С нашей точки зрения, предлагаемые изменения и дополнения будут способствовать систематизации положений уголовного законодательства об ответственности за фальсификацию доказательств.

---

¹ См.: Борков В.Н. Квалификация фальсификации преступления // Законность. 2020. № 2. С. 34.

Раненкова Е.А.,

К.Ю.Н.,

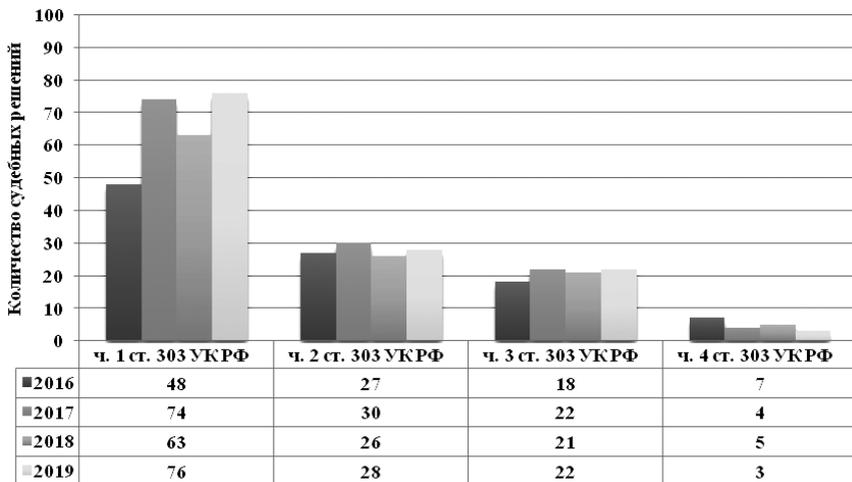
*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статистические показатели применения ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК) свидетельствуют об увеличении количества преступлений, связанных с фальсификацией доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (схема № 1)¹.

Схема № 1

КОЛИЧЕСТВО ОСУЖДЕННЫХ ЛИЦ ПО СТАТЬЕ 303 УК РФ

Оценивая эти данные, стоит учитывать, что они далеко не в полной мере отражают действительные масштабы фальсификации

¹ Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.ani-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 25.05.2020).

доказательств по многим причинам, ряд из которых мы в дальнейшем рассмотрим. Отметим лишь, что многие специалисты относят данные преступления к высокой группе латентности, особенно в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства¹.

Необходимо отметить высокую степень общественной опасности этих преступлений ввиду того, что даже единичный факт нарушения порядка доказывания и искажения оперативно-разыскной информации автоматически ставит под сомнение законность итогового судебного решения, причиняя тем самым вред интересам российского правосудия в целом, нарушает права и свободы лиц, вовлеченных в судопроизводство, в частности. Именно поэтому особого внимания заслуживают субъекты данных преступлений, непосредственно совершающие эти общественно опасные деяния, приводящие к таким крайне нежелательным последствиям.

Дифференциация ответственности лиц², осуществляющих фальсификацию доказательств, осуществлена в ст. 303 УК по признакам субъекта этого преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 20 УК субъектом преступления, предусмотренного ст. 303 УК, признается лицо, достигшее 16 лет. Кроме того, необходимо отметить и другие признаки общего субъекта, такие как вменяемость. В этой связи нельзя не отметить возросшее в 2019 г. количество дел с применением принудительных мер к невменяемым, которые не могут быть признаны субъектом данных преступлений: по ч. 1 ст. 303 УК – 65 судебных решений, по ч. 2 ст. 303 УК – 18 судебных решений. В 2018 г. и 2016 г. не было ни одного такого решения, в 2017 г. по ч. 1 ст. 303 УК – одно дело³. Такая тенденция является по меньшей мере не характерной для этих составов и заслуживает отдельного исследования, поскольку в них фигурируют специальные субъекты, а именно: должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях либо уполномоченные составлять

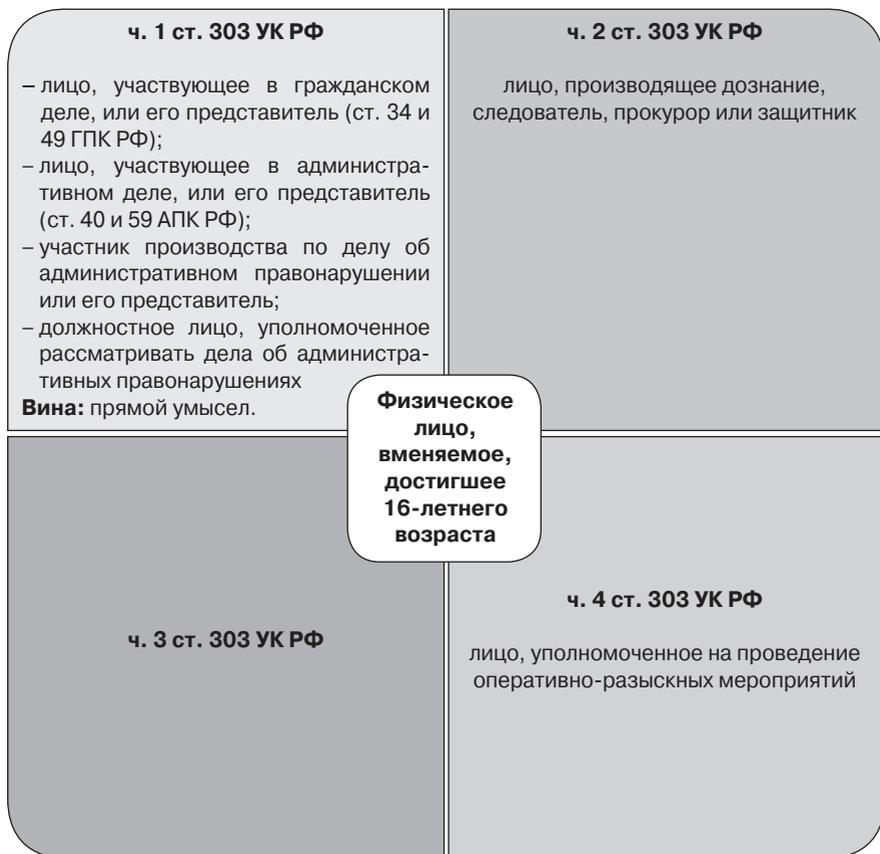
¹ См.: Антошин А.Н. Рассмотрение заявлений о фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Законность. 2011. № 5. С. 52; Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2007. С. 23; Спектор Л.А. Судебная власть как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 6; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / Под ред. С.М. Иншакова. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2011. С. 549.

² См.: Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: от закона к практике // Современное общество и право. 2018. № 4 (35). С. 88.

³ Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.ani-npesc.pf/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 25.05.2020).

протоколы об административных правонарушениях; должностные лица, производящее дознание, следователи, прокуроры, оперативные работники (схема № 2), то есть лица, в обязанность которых входит ежегодное прохождение плановых профилактических медицинских осмотров для допуска к несению службы.

Схема № 2

По ч. 1 ст. 303 УК состав лиц, участвующих в деле, определяется ст. 34 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК) и ст. 40 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК), а представителей – ст. 49 ГПК и ст. 59 АПК.

К субъектам преступления по ч. 2 ст. 303 УК законодатель относит лицо, производящее дознание, следователя, прокурора,

защитника. Все, кроме защитника, являются должностными лицами в силу своих обязанностей.

Отдельного внимания заслуживают особенности установления признаков одного из субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК, – лица, производящие дознание¹. В соответствии с п. 24 ст. 5 и п. 1 ч. 1 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) органом дознания являются органы внутренних дел РФ и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения) полиции. Сотрудники органов внутренних дел, в соответствии с положениями п. 7, 8, 17, 17.1, ст. 5, п. 1 ч. 1 и ч. 3 ст. 40 УПК, не являющиеся по должности дознавателями, могут быть наделены этим статусом по поручению начальника органа дознания (должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель), а в органах внутренних дел также заместители начальника полиции, уполномоченные поручать проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном УПК. Обычно в органах внутренних дел такими полномочиями наделяются сотрудники оперативных подразделений территориального органа и участковые уполномоченные полиции. В случае допущения фальсификации доказательств ответственность у таких лиц наступает по ч. 2 ст. 303 УК как «лицо, производящее дознание».

В соответствии с ч. 2 ст. 41 УПК «не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия». Оперативные работники, то есть лица, уполномоченные проводить оперативные мероприятия, являются специальными субъектами фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности по ч. 4 ст. 303 УК.

Но вместе с тем в соответствии с УПК следователь вправе поручить оперативному работнику провести некоторые следственные действия, например допрос свидетелей. Выполнения такого поручения не является оперативно-розыскной деятельностью, а, как мы уже сказали, относится к следственным действиям, которые выполняются в рамках возбужденного уголовного дела. По указанной норме закона такое лицо, сфальсифицировав, например, протокол допроса или иные документы, не будет привлечено к уголовной

---

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 959.

ответственности ни по одной из частей ст. 303 УК, где указаны специальные субъекты, за исключением ч. 3 ст. 303 УК, если «фальсификация доказательств была по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении, а равно фальсификация доказательств, повлекшая тяжкие последствия».

По мнению исследователей, этот перечень не является исчерпывающим, его необходимо дополнить судьями, экспертами, специалистами, секретарями судебного заседания и др., которые могут совершить фальсификацию доказательств. Вместе с тем не стоит забывать, что ни одно из вышеуказанных лиц не обладает процессуальными полномочиями для предоставления доказательств, кроме того, судья не является стороной процесса. Ответственность судьи в подобном случае наступает за служебный подлог по ст. 292 УК.

В ходе изучения судебных решений мы столкнулись с ситуациями, при которых активные действия по изготовлению подложного документа или искажению содержания документа выполняет лицо, не осведомленное о намерении использования указанного документа в качестве доказательства по делу, либо лицо, не являющееся субъектом преступления. Представляет же фальсифицированное доказательство в суд уже иное лицо, являющееся субъектом преступления. Получается, что лицо достоверно знает о подложности данного доказательства, но каких-либо действий по изготовлению или искажению содержания доказательства не совершает. Проиллюстрируем указанную ситуацию примером из судебной практики.

Подсудимая Ечевская Е.Л. обвиняется в совершении фальсификации доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле, то есть преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 303 УК РФ. В один из дней с 24 августа по 2 октября 2018 г. (более точные дата и время следствием не установлены) у подсудимой Ечевской Е.Л. возник преступный умысел, направленный на фальсификацию доказательств по гражданскому делу, с целью введения в заблуждение судебные органы относительно объема и стоимости восстановительного ремонта принадлежавшей ей квартиры, расположенной по адресу: <...>, а именно объема и стоимости восстановительных работ по ремонту электрооборудования в помещении коридора и ванной комнаты указанной квартиры, после ее залива 16 августа 2018 г. жильцами <...>, принадлежащей К.Л.Н. В результате Ечевская Е.Л., введя в заблуждение У.И.И., действующую в ее интересах на основании договора возмездного оказания услуг от 16 августа 2018 г., не осведомленную о ее преступных намерениях, попросила последнюю изготовить договор подряда на ремонт электрооборудования, заключенного между

ней (Ечевской Е.Л.) и М.Д.Ю., а также акт выполненных работ к договору подряда на ремонт электрооборудования, при этом умышленно предоставив У.И.И. сведения, не соответствующие действительности, в части объема и стоимости фактически проведенных М.Д.Ю. и Б.М.А. работ по ремонту электрооборудования¹.

По аналогичным делам у правоприменителей возникает множество вопросов. Кто в таком случае будет являться субъектом данного преступления? Ведь определить, кто же на самом деле сфальсифицировал доказательство, равно как располагали ли субъекты информацией о подложном характере доказательства, крайне затруднительно. Может ли идти речь о соучастии в преступлении? И т.п.

К сожалению, пока отсутствует единая правоприменительная практика, позволяющая дать однозначные ответы на эти вопросы. В этой связи Верховный Суд Российской Федерации мог бы отреагировать на возникающие в судебной практике вопросы и сориентировать нижестоящие суды на правильное применение правовых положений.

По нашему мнению, в таких спорных ситуациях квалификация может быть следующей.

1. В случае, когда надлежащий субъект представляет в суд заведомо сфальсифицированные другим лицом доказательства или результаты оперативно-разыскной деятельности, уголовная ответственность наступает по ст. 303 УК «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности».

2. В том случае, когда лицо, которое фальсифицирует доказательства или результаты оперативно-разыскной деятельности, не знает о цели своих действий и используется втемную иным лицом, возможен одна из двух вариантов квалификации:

а) уголовная ответственность наступает по ст. 327 УК «Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков», если предметом фальсификации являются изготовленные на заказ: официальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей; государственные награды Российской Федерации, РСФСР, СССР; штампы, печати, бланки;

---

¹ Постановление Пензенского районного суда Пензенской области от 28.11.2019. URL: https://sudact.ru/law/uk-rt/osobennaia-chast/razdel-x/glava-31/statia-303_1/ (дата обращения: 22.05.2020).

б) нет оснований для привлечения лица к уголовной ответственности в случае совершения деяния, не содержащего всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 327 УК.

3. Действия лица, осведомленного о цели фальсификации доказательств или результатов оперативно-разыскной деятельности и не являющегося субъектом по ст. 303 УК, следует квалифицировать как пособничество в преступлении, предусмотренном ч. 5 ст. 33 и соответствующей частью ст. 303 УК.

4. Действия лица, осведомленного о цели фальсификации доказательств или результатов оперативно-разыскной деятельности и являющегося субъектом по ст. 303 УК, должны квалифицироваться как соисполнительство по ст. 303 УК (например, когда один фальсифицировал, а другой представил доказательства в суд).

Доценко Е.А.,

*начальник кабинета специальных дисциплин
кафедры организации и обеспечения
раскрытия и расследования преступлений
Тверского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ НОРМЫ О МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ

Дифференциация уголовной ответственности предполагает наличие различных способов ее разграничения, в том числе при отделении преступлений от иных деяний по характеру и степени общественной опасности¹. В современной науке активно ведутся поиски альтернативы уголовной ответственности и наказания за совершенные деяния, которые не представляют большой опасности для общества. Как отмечает Л.Л. Кругликов, «в случае небольшой степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего, можно предположить, что такое лицо не совершит преступления вновь и реализация наказания оказывается нецелесообразной»², что позволяет говорить о необходимости существования норм освобождения от уголовной ответственности и наказания. В качестве одной из таких альтернатив ученые предлагают введение понятия уголовного проступка, при этом «привлечение к ответственности за его совершение не должно сопровождаться для осужденного таким негативным последствием, как судимость, а санкции за совершение уголовных проступков не должны предусматривать лишение свободы»³.

Однако до официального признания предлагаемой нормы правоприменитель, принимая решение об освобождении от уголовной ответственности, должен руководствоваться правоположениями,

---

¹ См.: Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: от закона к практике // Современное общество и право. 2018. № 4 (35). С. 88–93.

² См.: Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.В. Васильевский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 149 с.

³ Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 305.

закрепленными в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, на тесную взаимосвязь которых хотелось бы обратить внимание.

Основания освобождения от уголовной ответственности закреплены в главе 11 и примечаниях к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования закреплены в главе 4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Разъяснения о применении указанных норм УК РФ и УПК РФ даются в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Вместе с тем анализ следственной и судебной практики показывает, что современный уголовный закон имеет существенные противоречия, а отдельные его нормы конфликтуют со статьями УПК РФ, осуществляющими их процессуальное сопровождение. Наличие разногласий между нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства позволяет недобросовестным сотрудникам правоохранительных органов использовать их в своих корыстных целях. Одним из таких противоречий является применение нормы о малозначительности деяния, которое может служить поводом для совершения правоохранительными органами преступлений, предусмотренных ст. 300 УК РФ.

В научной литературе под освобождением от уголовной ответственности понимается акт правоохранительного органа, который фактически подтверждает отказ государства воспользоваться своими правами по признанию лица виновным и прекратить все возникшие уголовно-правовые отношения.

По мнению А.А. Князькова, «под освобождением от уголовной ответственности следует понимать выраженный в правоприменительном акте и сформулированный по нереабилитирующим основаниям отказ государственного органа подвергнуть лицо, нарушившее предусмотренный УК РФ запрет, мерам уголовно-правового характера»¹. Согласно п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 освобождение лица от уголовной ответственности, в том числе в

---

¹ См.: Князьков А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях (гл. 22 УК РФ): вопросы дифференциации и законодательной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 9.

случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части УК РФ, не означает отсутствие в деянии состава преступления, поэтому прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования в таких случаях не влечет за собой реабилитацию лица, совершившего преступление.

К сожалению, в настоящее время вопрос отнесения нормы о малозначительности деяния к институту освобождения от уголовной ответственности, который подразумевает прекращение уголовного дела и уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, остается дискуссионным. Судебно-следственная практика применения нормы о малозначительности деяния показывает, что для прекращения уголовного дела и уголовного преследования правоприменители обращаются к реабилитирующим основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, – отсутствие состава преступления¹.

Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), формально содержащее признаки деяний, предусмотренных УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. По смыслу приведенной нормы малозначительность деяния не исключает отсутствие состава преступления.

Согласимся с мнением В.Н. Винокурова, который считает, что малозначительные деяния – это деяния, совершенные умышленно или неосторожно, содержащие все признаки состава преступления, наказуемые только в соответствии с УК РФ и не влекущие административной или материальной ответственности². Ключевым в данном определении является указание автора на то, что малозначительные деяния содержат все необходимые для привлечения к уголовной ответственности признаки соответствующего состава преступления, хотя в науке есть и другие, противоположные взгляды³.

Следовательно, прекращение уголовного дела в связи с малозначительностью деяния по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, является неверным процессуальным решением.

---

¹ Апелляционное постановление № 22-2119/2019 от 30.10.2019 по делу № 22-2119/2019; Апелляционное постановление № 10-54/2019 от 20.09.2019 по делу № 10-54/2019; Апелляционное постановление Верховного суда Республики Хакасия № 22/-819/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² Винокуров В.Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 74–82.

³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд. М.: Издательство «Проспект». С. 314.

Указанная коллизия говорит о явной рассогласованности уголовного и уголовно-процессуального закона в области применения данной нормы. В данном случае можно говорить об отсутствии в деянии, содержащем все признаки преступления, предусмотренные соответствующей статьей УК РФ, признака преступления – общественной опасности, что, однако, нельзя рассматривать по аналогии с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, так как никакого полезного свойства для общества малозначительное деяние не несет.

Судебная практика о незаконном освобождении от уголовной ответственности в большинстве случаев указывает на то, что должностные лица, перед тем как вынести постановление о прекращении уголовного дела или прекращении уголовного преследования, искажают имеющиеся доказательства с целью подтверждения законности вынесенных ими уголовно-процессуальных актов. В отсутствие четких критериев малозначительности деяния¹, применение ч. 2 ст. 14 УК РФ дает широкие полномочия недобросовестным правоохранителям в манипулировании законом в части незаконного освобождения от уголовной ответственности лиц, в действиях которых установлены все признаки состава совершенного преступления.

Таким образом, существенные разногласия между уголовным и уголовно-процессуальным законодательством в области применения нормы о малозначительности деяния создают не только риски совершения должностных преступлений, связанных с незаконным освобождением от уголовной ответственности, но и позволяют должностным лицам, при корыстной необходимости, выносить постановления о прекращении уголовного дела и (или) прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, что дает возможность лицам, совершившим преступления, не только уйти от наказания, но и не понести уголовно-правовых последствий, наступающих при применении оснований освобождения от уголовной ответственности, закрепленных в УК РФ.

---

¹ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / И.С. Власов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. М.: ИЗИСП, Контракт, 2018. 280 с. // СПС «КонсультантПлюс».

Никонова Ю.В.,

К.Ю.Н.,

*доцент кафедры уголовного права и
криминологии*

*Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Глава 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в ст. 316 предусматривает ответственность за преступление, которое посягает на общественные отношения, складывающиеся в связи с воспрепятствованием выявлению и раскрытию особо тяжких преступлений¹, а также привлечению виновных лиц за совершение преступлений данной категории к уголовной ответственности.

Объективная сторона укрывательства преступлений выражается в активных действиях¹, а именно заранее не обещанном сокрытии следов преступления, орудий и средств совершения преступления, лица, совершившего преступление, и т.п. Состав преступления имеет формальную конструкцию и признается оконченным с момента выполнения общественно опасного деяния.

Прокуратура Северо-Западного административного округа г. Москвы утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении двоих 35-летних жителей Москвы. Женщина обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, а мужчина – по ст. 316 УК РФ. По версии следствия, в июле 2017 г. злоумышленница, находясь в состоянии алкогольного опьянения в квартире, из-за личных неприязненных отношений избивала свою знакомую и нанесла последней удар ножом, причинив тем самым колото-резаную рану, проникающую в полость груди с повреждением сердца. Потерпевшая от полученного ранения скончалась на месте. Свидетелем произошедшего был находящийся в квартире сожитель обвиняемой. При этом мужчина, имея юридическое образование и стаж работы в правоохранительных органах,

---

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 983.

изъял с места преступления нож, которым были причинены ранения потерпевшей, и вложил другой хозяйственно-бытовой нож в правую руку потерпевшей, создав видимость совершения последней самоубийства, а также проинструктировал свою сожительницу о том, что сообщать сотрудникам правоохранительных органов о произошедшем¹.

Таким образом, обвиняемый, путем изменения обстановки места, сокрытия следов и орудия, скрыл обстоятельства совершенного его сожительницей убийства.

В правоприменительной практике возникают некоторые вопросы, касающиеся привлечения лиц к уголовной ответственности за укрывательство преступлений. Остановимся более подробно на некоторых из них.

При анализе объективной стороны данного состава преступления, выявляется некоторая аналогия действий субъекта укрывательства преступления с действиями пособника в совершении преступления. Судебной практике известны случаи неправильного установления обстоятельств дела и, как следствие, неверной уголовно-правовой оценки совершенного общественно опасного деяния, когда, например, преступник участвует в качестве соисполнителя одного преступления, а помогает скрывать другое, но совершенное без его участия в отношении той же жертвы, что и подверглась посягательству в первом преступлении.

Президиум Верховного Суда РФ удовлетворил надзорное представление заместителя Генерального прокурора РФ и об отмене судебных решений в части осуждения Д. по ст. 316 УК РФ, и о прекращении дела в этой части за отсутствием в деянии состава преступления, который совершил в отношении потерпевшей преступление – разбой, однако в ее убийстве не участвовал, но принял меры к сокрытию этого преступления, совершенного другими лицами. Президиум указал, что, осуждая Д. за данные действия, суд не учел, что он укрывал не только совершенное другими лицами убийство, но и свои действия в отношении потерпевшей, а потому был заинтересован в сокрытии обоих преступлений².

Как известно, признаками соучастия являются совместность умысла соучастников на совершение умышленного преступления. То есть лицо, выполняя функции пособника, фактически должно внести своими действиями существенный вклад в облегчение совершения

---

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1465510/> (дата обращения: 03.05.2020).

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 4. С. 15–16.

исполнителем умышленного преступления. Таким образом, отличие пособничества в совершении преступления и укрывательства преступления заключается в том, что лицо заранее не давало своего согласия (обещания) будущему преступнику на укрывательство совершаемого им особо тяжкого преступления, то есть не выполнило действий, направленных на облегчение совершения преступления исполнителем. При этом возможная договоренность скрыть преступника или следы преступления осуществляется только по факту уже совершенного и только особо тяжкого преступления.

Далее, на наш взгляд, необходимо остановиться на указании в диспозиции ст. 316 УК РФ только об укрывательстве особо тяжкого преступления.

Обращаясь к анализу уголовного законодательства зарубежных стран, можно отметить некоторые различия в содержании диспозиций данного вида преступления. К примеру, Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ) содержит подобную норму, предусмотренную ст. 405.1. Однако, в отличие от нормы УК РФ, укрывательство преступлений по УК РБ предусматривает уголовную ответственность за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления. Причем эти категории преступлений размещены законодателем в разных частях ст. 405 УК РБ. При этом санкция за укрывательство особо тяжкого преступления является более суровой и предусматривает лишение свободы на срок до двух лет.

Уголовный кодекс Республики Казахстан¹ также содержит норму об укрывательстве преступлений, однако, в отличие от УК РФ и УК РБ, диапазон видов преступлений несколько расширен. К таковым относятся коррупционные преступления, тяжкие и особо тяжкие преступления, а также преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего лица.

Параграф 257 Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии предусматривает ответственность лишь за пособничество лицу, совершившему преступление². Согласно содержанию данного параграфа, лицо наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом, с указанием на то, что наказание не должно быть более тяжким, чем наказание лица, установленное за совершение им предшествующего деяния.

---

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252#pos=469;-47&sel_link=1004096401 (дата обращения: 03.05.2020).

² Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс]. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-fgr.html> (дата обращения: 03.05.2020).

Таким образом, состав преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ, по нашему мнению, несправедливо содержит наименьшее количество видов (категорий) преступлений, по сравнению с уголовным законодательством зарубежных стран, за укрывательство которых может наступить уголовная ответственность. На наш взгляд, это является существенным недостатком и требует внесения некоторых дополнений в ст. 316 УК РФ.

Стоит отметить, что некоторые шаги по модификации данной нормы уже предприняты. 3 июля 2018 г. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации принят в первом чтении проект Федерального закона № 388776-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних»¹.

В законопроекте предлагается внести изменения в анализируемый нами состав путем расширения дифференциации уголовной ответственности за счет криминализации заранее не обещанного укрывательства тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, а также повышения уголовной ответственности за укрывательство особо тяжких преступлений. Таким образом, законодатель предлагает изложить норму в двух частях, при этом квалифицирующим признаком будет являться укрывательство особо тяжких преступлений. В пояснительной записке к данному законопроекту указана необходимость внесения (в том числе подобных) изменений в связи с усилением мер борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних и укреплением государственных гарантий обеспечения безопасности детей.

С такой позицией законодателя, на наш взгляд, следует согласиться ввиду того, что повышение эффективности уголовного законодательства в области противодействия преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних является актуальным и важным направлением уголовной политики государства. Очевидно, что предложенная законодателем дифференциация уголовной ответственности за укрывательство преступлений позволит

---

¹ Паспорт проекта Федерального закона № 388776-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=7EC012FA360EC9E12A9E8E4091F88B75&req=doc&base=PRJ&n=168857&stat=refcode%3D16876%3Bindex%3D0#2dt3x11aei5> (дата обращения: 03.05.2020).

обеспечить в первую очередь соблюдение прав несовершеннолетних потерпевших и послужит гарантом реализации принципов справедливости привлекаемых к уголовной ответственности лиц¹.

Вместе с тем считаем необходимым не ограничиваться тяжкими преступлениями лишь сексуальной направленности, совершенными в отношении несовершеннолетних. В данном случае следует отметить высокую латентность отдельных категорий тяжких преступлений, одной из причин которой, как нам представляется, является укрывательство преступлений. К примеру, систематическое нанесение побоев несовершеннолетнему лицу (ч. 2 ст. 117 УК РФ), торговля людьми (ч. 1 и 2 ст. 127.1 УК РФ), использование рабского труда (ч. 1 и 2 ст. 127.2 УК РФ) и т.д. Введение уголовной ответственности за укрывательство тяжких преступлений, на наш взгляд, значительно повысит раскрываемость преступлений данной категории.

Также стоит рассмотреть вопрос о возможности дополнительной дифференциации уголовной ответственности за укрывательство преступлений путем включения в диспозицию ст. 316 УК РФ указания на укрывательство преступлений коррупционной направленности. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации², коррупция является одной из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации. В УК РФ криминализируются новые составы преступлений антикоррупционной направленности, вносятся изменения в уже имеющиеся, что свидетельствует об усилении мер борьбы с подобным негативным явлением, а также важности данного направления. Проблема борьбы с коррупционными проявлениями затрагивает различные сферы общества, однако особое беспокойство вызывают подобные противоправные действия государственных служащих системы МВД России. Преступления коррупционной направленности сотрудников правоохранительных органов, призванных предупреждать и раскрывать различного рода правонарушения, обладают большей общественной опасностью в связи с подрывом авторитета государственной власти в целом, правоохранительных органов и МВД России в частности.

В связи с этим укрывательство подобного рода преступлений, на наш взгляд, должно также признаваться преступлением.

---

¹ См.: Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: от закона к практике // Современное общество и право. 2018. № 4 (35). С. 88.

² Собрание законодательства РФ. 04.01.2016 № 1 (часть II). Ст. 212.

К примеру, государственный служащий, регулярно наблюдавший получение взятки своим коллегой, боясь самим быть привлеченным к уголовной ответственности, вынужден будет сообщить о преступлении коррупционной направленности.

Подводя итог проведенного исследования, по аналогии с зарубежным законодательством и с учетом предлагаемых депутатами Государственной Думы РФ изменений предлагаем в ст. 316 УК РФ внести следующие дополнения:

1) ч. 1 ст. 316 УК РФ изложить в следующей редакции:

Заранее не обещанное укрывательство коррупционных, а также тяжких преступлений – наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет;

2) ч. 2 ст. 316 УК РФ изложить в следующей редакции:

Заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений – наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет.

Меерсон В.Р.,

*адъюнкт Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

**К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ДЕЙСТВИЙ,
ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ,
ОТ ИНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
(ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

Лишение свободы является наиболее используемым видом наказания в Российской Федерации и Республике Беларусь. Несмотря на возрастание роли альтернативных видов наказания в обеих странах, обусловленное мировой тенденцией к гуманизации уголовной политики, на данный момент число лиц, находящихся в изоляции от общества, достаточно велико. С учетом этого не теряет актуальности рассмотрение вопросов, связанных с повышением качества применения ряда статей особенной части Уголовных кодексов, позволяющих симметрично реагировать на преступные деяния, совершаемые в учреждениях уголовно-исполнительной системы осужденными и направленные на дестабилизацию упорядоченной деятельности системы исполнения наказаний. Определенно значимую роль играют в данном аспекте ст. 410 УК Республики Беларусь и аналогичная ей ст. 321 УК РФ.

В Российской Федерации за последние пять лет (с 2014 по 2019 гг.) общее количество осужденных, содержащихся в исправительных и воспитательных колониях, тюрьмах, а также подследственных в СИЗО, по данным информационно-аналитического отдела Федеральной службы исполнения наказаний, уменьшилось на 22,6%¹. Однако, согласно сведениям из отчета Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о числе осужденных по всем составам преступлений², можно прийти к выводу, что за данный период динамика осужденных по ст. 321 УК РФ

---

¹ Федеральная служба исполнения наказаний [Электронный ресурс]. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/> (дата обращения: 20.03.2020).

² Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.03.2020).

(дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества) существенно не менялась, заметен незначительный рост их количества в последние годы. В этой связи необходимо также обратить внимание на высокий уровень латентности исследуемого преступления, которое может расцениваться администрацией исправительного учреждения как дисциплинарный проступок. Несмотря на то обстоятельство, что в Республике Беларусь факты осуждения лиц за совершение действий, дезорганизующих работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома (ст. 410 УК Республики Беларусь), исчисляются единичными случаями, необходимость в рассмотрении и изучении указанного преступления имеет достаточно важное значение в связи с высокой превентивной направленностью данных норм, необходимостью принятия решений о правильной квалификации подобного рода деяний.

Сложность производства в рамках норм уголовного процесса по рассматриваемым составам, а также специфический характер общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране, свидетельствуют об определенной проблематике при юридической оценке фактических обстоятельств дела. Так, А.В. Беляков выделяет такие обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию в ходе предварительного расследования по делам рассматриваемой категории, как: характеризующие событие преступления (факт применения насилия или угрозы применения насилия; последствия применения насилия; причинно-следственную связь между ними; время, место, способ совершения преступления; средства совершения преступления; обстановку совершения преступления); характеризующие виновность лица, совершившего преступление (форму вины; мотивы и цели совершения преступления); обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (степень приобщенности обвиняемого к ценностям субкультурной идеологии, отношение обвиняемого к положительно характеризующимся осужденным и сотрудникам ИУ, официальная характеристика преступника в аспекте отношения к наказанию, труду, режиму содержания, степень исправленности) и т.д.¹ Их перечень достаточно широк, что подчеркивает необходимость владения определенным спектром специфических знаний, что на практике иногда

---

¹ См.: Беляков А.В. Методика расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Псков, 2010. 23 с.

упускается из виду. По действующему уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации, органы и учреждения уголовно-исполнительной системы являются органами дознания. Но оперативным сотрудникам учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, производство дознания поручается лишь в том случае, если они не проводили или не проводят оперативное сопровождение по данному уголовному делу, что на практике является определенным препятствием, так как в условиях закрытого исправительного учреждения данное условие выполнить достаточно не просто. Вместе с тем предварительным расследованием совершенных преступлений в обеих странах занимаются следственные органы (Следственный комитет и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь), что может в ряде случаев повлечь за собой частичную утрату доказательного материала, имеющего важное значение для квалификации и принятия того или иного решения по находящемуся в производстве уголовному делу. В определенной степени данные обстоятельства являются проблемой для правильной квалификации преступления, совершенного в учреждении уголовно-исполнительной системы. Обратив внимание на вышеизложенные обстоятельства, необходимо провести разграничение исследуемого преступления от иных преступлений, содержащихся в тех же главах Особенной части Уголовных кодексов двух государств.

Преступление, предусмотренное ст. 410 УК Республики Беларусь, относится к преступлениям против правосудия и имеет схожий непосредственный объект посягательства со ст. 411 УК Республики Беларусь «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы». Объектом посягательства по ст. 411 УК являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы. Объективная сторона заключается в отказе от исполнения обращенного к конкретному осужденному законного требования представителя администрации, которое осужденный был обязан выполнить и имел возможность это сделать, а также в противодействии администрации. Противодействие заключается в совершении осужденным действий, препятствующих осуществлению функций администрации исправительного учреждения. Если опираться лишь на объект посягательства двух преступлений, а также диспозицию ст. 411 УК Республики Беларусь, достаточно

проблематично провести конкретное разграничение между двумя составами и уяснить необходимость их параллельного существования. В соответствии со ст. 410 УК Республики Беларусь дезорганизация деятельности учреждения уголовно-исполнительной системы может быть выражена в трех вариантах: терроризировании осужденного (осужденных) с целью воспрепятствования его (их) исправлению или из мести за исполнение им (ими) общественной обязанности; нападении на представителя администрации исправительного учреждения или арестного дома; создании организованной преступной группы с целью терроризирования осужденных или нападения на представителей администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома. Терроризирование осужденного во внешнем проявлении представляет собой совершение таких действий (психологического и нетяжкого физического насилия), которые вызывают у осужденного чувство постоянного страха за свою безопасность. Таким образом, только в случае совершения одной из трех исчерпывающих альтернативных форм противоправных действий в соответствии с нормой ст. 410 УК Республики Беларусь можно говорить о дезорганизации деятельности учреждения уголовно-исполнительной системы и нарушении его функционирования. Иные действия, направленные на препятствование функционированию исправительного учреждения, арестного дома, необходимо квалифицировать при наличии всех необходимых признаков по ст. 411 либо по иным составам Особенной части, связанным с уклонением от отбывания наказания.

Содержание ст. 321 УК РФ имеет некоторое сходство с иными составами, находящимися в главе 32 «Преступления против порядка управления». Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, – общественные отношения, обеспечивающие установленный нормативными актами порядок исполнения наказания и обеспечения изоляции от общества осужденных (то есть нормальную деятельность места лишения свободы или места содержания под стражей). Дополнительный объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие право на жизнь и здоровье. Объективная сторона состава преступления характеризуется совершением действий, которые могут быть выражены альтернативно в: применении насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного или сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей либо их близких; угрозе применения

насилия к осужденному или к сотруднику места лишения свободы или места содержания под стражей либо к их близким. К насилию, не опасному для жизни или здоровья, могут относиться побои, причинение физической боли и т.п. Угрозы применения насилия охватывают любую степень насилия, в том числе и угрозы убийством. Угроза должна быть реальной и действительной¹. Не так явно прослеживаются различия между ч. 2, 3 ст. 321 УК РФ и составами преступлений против порядка управления насильственного характера (ст. 317 и 318 УК РФ). Необходимо отметить, что потерпевшим от противоправных посягательств является сотрудник уголовно-исполнительной системы, являющийся с одной стороны представителем власти, с другой – сотрудником правоохранительных органов.

В то же время диспозиция ст. 317 УК РФ описывает специфическую цель преступного посягательства – воспрепятствование законной деятельности сотрудников правоохранительного органа по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Некоторые авторы высказывают предположение, что квалификация убийства сотрудника УИС по ст. 317 УК РФ применима только в случае, если во время посягательства он выполнял законную деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности². В то же время необходимо учитывать тот факт, что функционально органы уголовно-исполнительной системы в соответствии с Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» подобной деятельности не выполняют (кроме как обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, но к общественному порядку и общественной безопасности это имеет достаточно отдаленное отношение). Наиболее верное в данном случае решение по квалификации дано в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», а именно: «Убийство сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей, совершенное лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы или содержащимся под стражей, надлежит квалифицировать, помимо соответствующей части ст. 105 УК РФ, по ст. 321 УК РФ, предусматривающей

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. / Под ред. д.ю.н., профессора С.В. Дьякова, д.ю.н., профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2017. С. 969.

² См.: Зезюлина Т.А., Горшкова Н.А. Проблемы квалификации преступлений против порядка управления, совершаемых в местах лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 5. С. 15.

ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»¹.

Касаемо разграничения преступлений, предусмотренных ст. 321 и ст. 318 УК РФ, необходимо признать, что ч. 2 ст. 321 УК РФ (насилие, совершаемое в отношении сотрудника УИС) является специальной по отношению к ст. 318 УК РФ, так как сотрудник мест лишения свободы является представителем власти. Вместе с тем применение насилия, совершенного в местах лишения свободы, в отношении представителей власти, не являющихся сотрудниками этих учреждений, необходимо квалифицировать по ст. 318 УК РФ.

В заключение можно отметить, что насильственные преступления, совершаемые в местах лишения свободы, как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь, в ряде случаев причиняют вред двум группам общественных отношений – связанным с личной безопасностью человека и составляющим нормальное функционирование пенитенциарной системы. В связи с этим насильственные преступления, совершаемые в местах лишения свободы, обладают определенной спецификой и требуют дальнейшего более глубокого исследования в рамках разграничения от смежных составов и квалификации. Необходимо обратить внимание, что, несмотря на частое описание рядом авторов решения тех или иных сложностей, возникающих при квалификации действий, дезорганизующих функционирование учреждения уголовно-исполнительной системы, фактически продолжают существовать и появляться спорные вопросы, связанные с проблемами отграничения рассматриваемого общественно опасного деяния от иных преступлений. Указанное обстоятельство влечет за собой закономерный вывод о необходимом совершенствовании уголовно-правовых норм, законодательных регламентаций.

---

¹ Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/> (дата обращения: 29.03.2020).

Чефранов К.А.,

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРТА

Общественную опасность заведомо ложного заключения эксперта трудно измерить, так как данное преступление посягает на нормальную судебную деятельность по разрешению дел и на деятельность правоохранительных органов, проводящих предварительное расследование, проверки по материалам. Отечественный законодатель выделил важность заключения эксперта для процесса доказывания, установив его в ст. 75 УПК РФ на третьем месте, сразу же после показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Думается, что тем самым было подчеркнуто, что заключение эксперта является первостепенным средством установления объективной истины после информации, полученной непосредственно от лиц, участвовавших или наблюдавших за совершением преступного деяния.

Приведем характерный пример.

Приговором Зареченского районного суда г. Тулы от 31 августа 2010 г. признаны виновными сразу два сотрудника государственного учреждения здравоохранения «Бюро судебно-медицинской экспертизы». Как установлено судом, начальник учреждения Ш. дал указание эксперту К. составить заведомо ложное заключение о тяжести вреда, причиненного здоровью пострадавшего в дорожно-транспортном происшествии, что последний и выполнил. Свои противоправные действия сотрудники судебно-медицинского учреждения совершили с целью помочь избежать уголовной ответственности виновнице ДТП – врачу клинично-диагностического центра Тульской областной больницы. Приговором суда действия Ш. были квалифицированы по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 307, ч. 1 ст. 286 УК РФ и назначено наказание в виде штрафа в размере 150 000 рублей, К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ, ему назначен штраф в размере 60 000 рублей¹.

---

¹ Официальный сайт решений судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gcourts.ru/case/6501722> (дата обращения: 15.06.2020).

Как видно из приговора, помощь внутри так называемого «медицинского братства», не всегда приводит к позитивному исходу событий.

При применении ст. 307 УК РФ следственные органы сталкиваются с первостепенной задачей относительно разграничения понятий «экспертная ошибка» и «заведомо ложное заключение». Экспертные ошибки – это несоответствующие объективной действительности суждение эксперта или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования, являющиеся результатом добросовестного заблуждения¹. Заведомо ложное экспертное заключение – это умышленное действие, направленное на сознательное и целенаправленное игнорирование или умалчивание при исследовании существенных фактов и свойств объекта экспертизы. Оно может состоять в осознанных неверных действиях по проведению экспертизы, умышленно неверном применении или выборе методики экспертного исследования, заведомо неправильной их оценке². Думается, что законодатель не просто указал на важность такого признака, как «заведомость», в диспозиции ст. 307 УК РФ, ведь для разграничения вышеприведенных двух понятий именно заведомость имеет важнейшее значение для определения преступности деяния.

При производстве расследования по ст. 307 УК РФ орган предварительного следствия должен доказать факт осведомленности эксперта о заведомо неверных ответах на поставленные перед ним вопросы. Представляется крайне сложным со стороны правоприменителя доказать причастность эксперта к даче заведомо ложного заключения, ведь последний в любой момент может сослаться на добросовестное заблуждение или неумышленную ошибку.

По нашему мнению, следует считать спорной судебную практику, сложившуюся при квалификации действий сотрудников Бюро судебно-медицинской экспертизы, по имеющемуся ряду приговоров, которые СМИ назвали «феноменом пьяных детей».

20 мая 2019 г. Щелковским городским судом Московской области был вынесен приговор эксперту ГБУЗ Московской области «Бюро судебно-медицинской экспертизы» К. Судом было установлено, что К. проводил судебно-медицинскую экспертизу тела шестилетнего ребенка, погибшего в результате наезда автомобиля в апреле 2017 г. По ее результатам сделан вывод о том, что при исследовании крови трупа обнаружен

¹ См.: Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Изд-во «БЕК», 1997. С. 347.

² Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2014. С. 544.

этиловый спирт, содержание которого составило 2,7 промилле. Подобная концентрация алкоголя в крови человека (тем более малолетнего) соответствует состоянию поверхностной комы. Назначенная в ходе следственной проверки в отношении К. комплексная судебная экспертиза, проведенная комиссией из 18 экспертов, подтвердила, что у малолетнего на момент дорожно-транспортного происшествия алкогольное опьянение отсутствовало, ребенок был трезв. Обнаруженный при химическом исследовании образца его крови этиловый спирт возник посмертно. По данным следствия, образец крови был изъят ненадлежащим образом, что привело к его загрязнению спиртообразующей микрофлорой и процессу спиртового брожения. Таким образом, исследование крови проводилось с грубейшими нарушениями, в том числе приказа Минздравоохранения от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации».

Считаем справедливым отметить тот факт, что при проведении судебно-медицинской экспертизы трупа гистологический архив предоставляется эксперту в приложении к постановлению о назначении судебной экспертизы, а не изымается им, таким образом, эксперт дает заключение исключительно по объектам исследования и представленным ему материалам. В то же время К. было дано заключение, которое могло быть использовано основанием для постановления обвинительного приговора, что в свою очередь не исключает преступность его деяния. Учитывая тот факт, что эксперту стандартно при проведении экспертизы разъясняется ответственность по ст. 307 УК РФ, подсудимый, по нашему мнению, должен был нести ответственность по ст. 307 УК РФ, однако действия К. были квалифицированы по ч. 1 ст. 293 УК РФ (халатность), и ему назначено наказание в виде исправительных работ сроком на 10 месяцев с удержанием в доход государства 10% заработка. 13 августа 2019 г. суд апелляционной инстанции установил, что в соответствии со ст. 78 УК РФ на стадии апелляционного рассмотрения дела истек срок давности уголовного преследования К. за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 293 УК РФ, что в соответствии с положениями ч. 8 ст. 302 УПК РФ влечет освобождение осужденного от наказания, назначенного за его совершение¹.

¹ Официальный сайт судебных и нормативных актов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/3vPyV9F5jrUg/?regular-txt=Клейменов&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+293.+Халатность%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1583750947992&snippet_pos=148#snippet (дата обращения: 15.06.2020).

Из вышеприведенного приговора суда следует, что вопрос отсутствия доверия к институту экспертизы в РФ связан с тем, что в государстве нет инстанции, которая осуществляла бы контроль за выданными заключениями экспертиз. Если рассуждать предметно о медицинских экспертизах, то отсутствие контроля за заключениями приводит к совершению преступлений, посягающих не только на отношения в сфере осуществления правосудия. Для привлечения медицинского работника к уголовной ответственности заключение может дать только другой врач, который в свою очередь подчиняется Министерству здравоохранения РФ. Как справедливо было замечено учеными, следственно-судебная практика по этой категории дел показывает, что в настоящее время «царицей доказательств» по делам о врачебных преступлениях является заключение судебно-медицинской экспертизы, которой следователи, прокуроры и судьи слепо доверяют из-за своей слабой осведомленности в области медицины¹.

Исходя из вышеизложенного, следует вывод, что причиной дачи заведомо ложного заключения экспертом могут служить такие факторы, как: материальная выгода, обещание карьерного роста, административный ресурс заинтересованных лиц, чувство ненависти и другие низменные потребности.

Проведенный анализ проблемы привлечения медицинских работников к уголовной ответственности приводит нас к выводу о том, что для реального и действенного осуществления надзорной функции в Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения следует создать структурные подразделения для анализа правоприменительной практики, связанной с «делами врачей» и независимое от Министерства здравоохранения подразделение для проведения экспертиз. Таким образом, будет сформирована система независимой экспертизы.

Важно понимать, что для качественного функционирования предлагаемого института он должен быть основан на принципах анонимности, объективности и независимости, что в свою очередь обеспечит высокую степень непредвзятости при оценке действий медицинского персонала. Подобный государственный механизм поможет осуществить юридически значимую дифференциацию между заведомо ложным заключением эксперта и добросовестным

---

¹ См.: Оставчук Д.И., Флоря В.Н. «Царица доказательств» по делам о врачебных преступлениях // Медицинское право. № 5 (45). М.: Юрист, 2012. С. 53–56.

заблуждением, обеспечит авторитет судебной экспертизы, защитит интересы правосудия на всех стадиях, в особенности при рассмотрении и разрешении дел судами.

В настоящий момент представляется согласованной и логичной позиция законодателя, отраженная в ФЗ от 2 декабря 2010 г. № 410-ФЗ «О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹. Применительно к исследуемой теме, ранее эксперт привлекался к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в ходе производства предварительного расследования, что естественно, ведь постановление о производстве экспертизы до изменений, внесенных в УК РФ и УПК РФ 4 марта 2013 г.², могло быть вынесено только после возбуждения уголовного дела и принятия его к производству. В настоящий момент определено, что эксперт, выдавший заведомо ложное заключение в ходе досудебного производства, должен быть привлечен к уголовной ответственности. Понятие досудебного производства нашло свое отражение в п. 9 ст. 5 УПК РФ.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что ответственность за лжесвидетельство, ложные показания потерпевшего, заведомо ложное заключение эксперта и заведомо неправильный перевод, указанные в ст. 307 УК РФ, нуждается в дополнительной дифференциации, так как перечисленные деяния имеют различные степени общественной опасности, а зачастую обладают неравной значимостью для вынесения решения судом, так как суд предполагает абсолютную верность, объективность и независимость заключения эксперта. Опасность этих преступлений становится более высокой, если они совершаются из корыстных побуждений. Данный признак следует включить в качестве квалифицирующего в действующую редакцию ст. 307 УК РФ.

---

¹ Официальный сайт нормативно-правовых актов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339073/ (дата обращения: 15.06.2020).

² Официальный сайт нормативно-правовых актов Российской Федерации [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100064 (дата обращения: 15.06.2020).

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Эффективность расследования преступлений зависит от целого ряда факторов, среди которых большое значение приобретает минимизация противодействия законной деятельности участников уголовного судопроизводства со стороны заинтересованных лиц. Совершенно справедливо отмечается в научной литературе¹, что противодействие расследованию затрудняет расследование и рассмотрение уголовных дел, увеличивая сроки следствия, существенно затрудняя процесс доказывания, осложняя борьбу с преступностью и обуславливая недостижение целей уголовного судопроизводства. Противодействие расследованию может приобретать различные формы, в том числе и самые категоричные, которые представляют собой совершение преступлений, имеющих целью незаконное воздействие на участников уголовного судопроизводства, процесс производства по уголовному делу.

Согласно действующему законодательству применение меры пресечения в виде заключения под стражу обусловлено необходимостью обеспечения нормального хода уголовно-процессуальной деятельности, возможности осуществления процессуальных действий, исполнения потенциально возможного судебного решения. Именно благодаря мерам пресечения соответствующие должностные лица добиваются добросовестного исполнения участниками

---

¹ См.: Абраменкова В.С. Противодействие при расследовании: понятие, формы и способы // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 59; Лобанов С.В. Противодействие расследованию преступлений, совершенных организованными преступными группами: сущность, проблемы и способы его преодоления // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 4 (9). С. 169; Флоря Д.Ф. Средства обнаружения организованного противодействия расследованию // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 1 (11). С. 69; Варданян А.В. Посткриминальное противодействие раскрытию и расследованию тяжких преступлений против личности // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 1 (92). С. 170; Головин А.Ю., Цурбанов С.А. Противодействие предварительному расследованию: некоторые вопросы системных исследований // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 1 (88). С. 142.

уголовного процесса возложенных на них обязанностей. Они необходимы для понуждения тех или иных лиц к выполнению законных требований властных субъектов уголовного судопроизводства. При этом заключение под стражу согласно международно-правовым стандартам и положениям Конституции РФ не имеет цели наказания и должно исключать наложение необоснованных ограничений. Автор разделяет научную позицию, согласно которой проблему противодействия следует рассматривать не только применительно к досудебным стадиям, так как «подсудимые, а затем и осужденные могут занимать весьма активную позицию по воспрепятствованию осуществлению правосудия»¹.

Современное уголовно-процессуальное законодательство развивается по пути повышения уровня процессуальных гарантий лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства², что позволяет сбалансировать правовые статусы сторон и системы средств их обеспечения, повышая в результате качество предварительного расследования и правосудия.

Применение заключения под стражу обосновывается предположением властных субъектов уголовного судопроизводства о возможности совершения подозреваемым, обвиняемым активных действий, имеющих целью противодействие производству по уголовному делу. Предусмотренные законодателем основания применения заключения под стражу являются гарантией правового статуса личности³ и не позволяют самопроизвольно использовать принудительные инструменты уголовно-процессуального характера.

Согласно ч. 2 ст. 29 УПК РФ только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении ее срока. Однако принятие указанного решения возможно лишь в определенных законом случаях. Часть 1 ст. 97 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ закрепляют, что избрание заключения под стражу допускается только в отношении обвиняемого и подозреваемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание

---

¹ См.: Бурганова Г.В., Рахматуллин Р.Р. Преодоление противодействия раскрытию и расследованию преступлений: некоторые концептуальные аспекты // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. № 1. С. 173.

² См.: Давыдов В.А., Качалова О.В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2018. № 29. С. 69.

³ См.: Гришин Д.А., Малышева Ю.В. Регламентация права подозреваемого, обвиняемого на защиту в отечественном законодательстве и международных правовых актах // Человек: преступление и наказание. 2011. № 4 (75). С. 69.

в виде лишения свободы на срок свыше трех лет. Кроме того, необходимо наличие некоторых условий, в качестве которых законодатель закрепляет обоснованное предположение о том, что указанные участники: скроются от дознания, предварительного следствия или суда; продолжат заниматься преступной деятельностью; будут угрожать участникам уголовного судопроизводства; примут меры к уничтожению доказательств; иным образом будут препятствовать производству по уголовному делу.

Учитывая потребности правоприменительной практики в рассматриваемой сфере общественных отношений, законодателем предусмотрены исключительные случаи избрания заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. Согласно ч. 1 ст. 108 УПК РФ указанное возможно, если: данные участники уголовного судопроизводства не имеют постоянного места жительства на территории РФ; их личность не установлена; ими нарушена ранее избранная мера пресечения; они скрылись от органов предварительного расследования или от суда.

Указанные основания применения рассматриваемой меры пресечения являются проявлениями противодействия процессу расследования, оказывают негативное влияние на его эффективность, делают невозможным его завершение. Именно поэтому заключение под стражу следует рассматривать как способ минимизации противоправной активности заинтересованных лиц, направленной против нормального осуществления правосудия.

На основании изложенного мы склонны резюмировать следующее.

1. Противодействие расследованию оказывает существенное негативное влияние на эффективность производства по уголовным делам, минимизируя возможность достижения целей уголовного судопроизводства.

2. Есть все основания рассматривать меру пресечения в виде заключения под стражу как средство нейтрализации противодействия уголовному судопроизводству за счет изоляции подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, минимизации его общения с заинтересованными лицами.

Миронов В.В.,

*инспектор по особо важным поручениям
Центрального аппарата Федеральной
службы войск национальной гвардии
Российской Федерации*

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В конце 2016 г. были внесены существенные изменения в ст. 299 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), направленные на усиление наказания за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, а также на введение самостоятельного состава преступления, заключающегося в незаконном возбуждении уголовного дела, целью которого являлось воспрепятствование предпринимательской деятельности, либо если это незаконное деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и привело к прекращению предпринимательской деятельности или к причинению крупного ущерба (свыше 1,5 млн рублей)¹.

Состав незаконного возбуждения уголовного дела закреплен в ч. 3 ст. 299 УК РФ, при этом в пояснительной записке к соответствующему законопроекту целесообразность его введения обоснована распространенностью случаев возбуждения уголовного дела не в отношении определенного предпринимателя, а по факту совершения преступления, причем подобные дела расследуются в течение нескольких месяцев, после чего прекращаются, что зачастую влечет частичное или полное разрушение бизнеса². В основе данного законопроекта лежат предложения рабочей группы по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере

---

¹ См.: Федеральный закон от 19.12.2016 № 436-ФЗ «О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7485.

² См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 169 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 07.05.2020).

предпринимательства, которая была образована по распоряжению Президента России¹.

Изучение статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ показало, что за период с 2017 г. по 2020 г. включительно по ч. 3 ст. 299 УК РФ осужденных не было. За тот же период по ч. 1 ст. 299 УК РФ было осуждено пять человек, а по ч. 2 данной статьи – один². Полагаем, что отсутствие осужденных по ч. 3 ст. 299 УК РФ не в последнюю очередь обусловлено недостатками законодательной регламентации данного уголовно-правового запрета.

Так, уже на момент внесения указанных изменений и дополнений в ст. 299 УК РФ учеными были высказаны критические замечания по поводу содержания ч. 3 данной статьи, касающиеся уголовно-правовых и уголовно-процессуальных аспектов ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела. А.С. Александров и И.А. Александрова пишут про отсутствие необходимой системности в регулировании уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, обеспечивающих защиту законных интересов предпринимателей, несмотря на ряд предпринятых законодательных мер, включая дополнение ст. 299 УК РФ частью 3 об ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела, существенно нарушающее указанные интересы³. М.В. Зяблина отмечает, что применительно к преступлению, предусмотренному ч. 3 ст. 299 УК РФ, являющемуся специфической разновидностью воспрепятствования предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ), практически невозможно доказать умысел на его совершение, а с учетом имеющихся положений уголовно-процессуального законодательства об обжаловании незаконных и необоснованных действий следователя и дознавателя сама перспектива возбуждения уголовного дела за отдельную разновидность последних сводится к нулю⁴. Ю.П. Попова указывает на проблему определения соотношения преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 299 и ч. 2 ст. 169 УК РФ, а также отмечает, что до введения

---

¹ См.: Распоряжение Президента РФ от 16.02.2016 № 27-рп «О рабочей группе по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 8. С. 1111.

² См.: сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 06.05.2020).

³ См.: Александров А.С., Александрова И.А. Особый (частно-публичный) организационно-правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 80–93.

⁴ См.: Зяблина М.В. Новеллы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, направленные на защиту прав и законных интересов предпринимателей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 92.

самостоятельного состава преступления в виде незаконного возбуждения уголовного дела подобные деяния проблематично было квалифицировать по ст. 285 или 286 УК РФ об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и за превышение таких полномочий, поскольку последние уголовно-правовые нормы содержат оценочный признак, характеризующий общественно опасные последствия соответствующих должностных преступлений – существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций, охраняемых законом интересов общества и государства¹.

Соглашаясь в целом с замечаниями, высказанными данными и другими авторами, охарактеризуем проблемы регламентации ответственности по ч. 3 ст. 299 УК РФ в целом. В первую очередь выскажем свое мнение о том, что с учетом видового объекта преступлений, предусмотренных нормами главы 31 УК РФ, целесообразно рассматривать каждую из таких норм, в том числе ст. 299 УК РФ, в качестве уголовно-правового запрета на совершение деяний, посягающих на интересы правосудия в целом, а не на интересы отдельных социальных групп и (или) сфер деятельности. Не умаляя важность всесторонней охраны предпринимательской деятельности и лиц, ее осуществляющих (предпринимателей), тем не менее считаем, что при введении рассматриваемого уголовно-правового запрета следовало исходить из принципа равенства граждан перед уголовным законом (ст. 4 УК РФ), а также задач Уголовного кодекса (ст. 2 УК РФ), к которым, в частности, относится охрана прав и свобод каждого человека и гражданина. Поэтому в ч. 3 ст. 299 УК РФ целесообразно было установить ответственность за незаконное возбуждение уголовного дела без конкретизации, что это деяние связано именно с предпринимательской деятельностью. Это деяние может существенно нарушить права и свободы любого человека, незаконно вовлекаемого в сферу уголовного судопроизводства, а не только интересы предпринимателей, тогда как существующая редакция диспозиции ч. 3 ст. 299 УК РФ необоснованно выводит остальных граждан из-под защиты уголовного закона. При этом общественно опасные последствия такого деяния, на наш взгляд, следует закрепить в качестве квалифицирующего, а не конститутивного признака состава преступления.

Кроме того, полагаем важным исключить из законодательной регламентации состава незаконного возбуждения уголовного дела

---

¹ См.: Попова Ю.П. Часть 3 статьи 299 Уголовного кодекса РФ: камни преткновения // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 2. С. 51–61.

указание на цель и мотив совершения деяния, поскольку таковые не могут быть признаками, отличающими преступное поведение от аналогичных нарушений, осуществляемых из иных побуждений и не влекущих в настоящее время уголовной ответственности. Степень нарушения интересов потерпевшего от незаконного возбуждения уголовного дела не меняется в зависимости от того, какими мотивами и целями руководствовалось соответствующее должностное лицо. Именно такой подход имеет место в ч. 1 и ч. 2 ст. 299 УК РФ, предусматривающих привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, не содержащих указания на мотивацию или целевую направленность данных незаконных действий.

Принимая во внимание взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также регулируемых ими общественных отношений, считаем, что в названии и диспозициях ч. 1 и ч. 2 ст. 299 УК РФ целесообразно использовать понятие «уголовное преследование», заменив таковым имеющуюся в них формулировку «привлечение к уголовной ответственности» как не отвечающую требованию правовой определенности. Кроме того, согласимся с А.А. Симоненко в том, что узкая законодательная трактовка незаконного привлечения к уголовной ответственности, не позволяющая, например, признать таковым предъявление обвинения в совершении иного, более тяжкого преступления, нежели фактически совершенное соответствующим лицом, нуждается в изменении¹. По нашему мнению, преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 299 УК РФ, следует определить как незаконное уголовное преследование, что позволит обеспечить более полную уголовно-правовую охрану лиц, подвергаемых мерам государственного принуждения в рамках уголовного процесса.

Таким образом, ст. 299 УК РФ нуждается в дальнейшем совершенствовании, направления которого мы обозначили в настоящей работе. Не меньшее значение имеет и разработка постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики по делам о преступлениях против правосудия, в том числе разъясняющее особенности применения ст. 299 УК РФ во взаимосвязи с уголовно-правовыми нормами об ответственности за должностные преступления и преступления в сфере экономической деятельности.

---

¹ См.: Симоненко А.А. Уголовно-правовые средства противодействия незаконному уголовному преследованию: оценка эффективности // Lex russica. 2018. № 12. С. 107.

Рамазанов Р.М.,

*аспирант кафедры уголовного процесса и
криминалистики
юридического факультета
Казанского федерального университета*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СУДЕЙ И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Значение безопасности судей при отправлении правосудия состоит в обеспечении надлежащих правовых и иных гарантий, которые выражаются в том числе и в создании достаточной безопасности судебной деятельности. При этом большое значение имеет комплексность создания такой системы защитных средств, включая меры уголовно-процессуального характера и иные внепроцессуальные меры, которые создают возможность вынесения правосудного приговора по уголовному делу.

В российской юридической литературе на многочисленные проблемы безопасного рассмотрения уголовного дела в судебном заседании обращено внимание в достаточном количестве научных работ¹, в том числе с позиций сравнительного анализа российского и зарубежного законодательства в этой сфере применения права².

---

¹ См.: Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 35. С. 92–99; Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 77–81; Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004; Епихин А.Ю. Совершенствование правового регулирования безопасности личности в новом УПК РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 1. С. 115–122; Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии. М., 1995; Зайцев О.А. Правовые основы и практика обеспечения участия свидетеля на предварительном следствии. М., 1995. Епихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995 и др.

² См., например: Епихин А.Ю. Решения Европейского Суда по правам человека о безопасности участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. 2019. С. 214–219; Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Мишин А.В. Проблемы имплементации международного опыта безопасности участников российского уголовного процесса // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 2. С. 3–7; Брусницын Л.В. Меры безопасности для содействующих уголовному правосудию: отечественный, зарубежный и международный опыт // Государство и право. 1998. № 9. С. 45 и др.

В целях выявления прогрессивных правовых средств обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, по нашему мнению, представляет определенный интерес сравнительный анализ российского законодательства и уголовно-процессуального закона близких по правовым и процессуальным традициям законов стран ближнего зарубежья, в частности УПК Республики Казахстан¹.

Такое предпочтение нами определено в связи с принятием нового УПК РК, который, как полагаем, вобрал в себя современные прогрессивные правовые формы и способы производства по уголовному делу, включая правовой механизм обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, адекватный состоянию преступности в наши дни.

Так, например, в отличие от российского УПК, в УПК Казахстана² механизму правового регулирования процесса применения мер безопасности отведена самостоятельная глава 12 «Обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе» (ст. 95–98). Такое определение группировки процессуальных норм процедуры обеспечения безопасности в самостоятельной главе, несомненно, является положительным примером, так как в одной группировке соединены статьи, регламентирующие безопасность участников производства по уголовному делу.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить принципиально верной по определению и объединению правового регулирования совокупности мер безопасности всех участников уголовного процесса, включая судей, присяжных заседателей, прокуроров, следователей, дознавателей, защитников, экспертов, специалистов, секретарей судебного заседания, судебных приставов, а равно членов их семей и близких родственников (ст. 95), а также потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых и других лиц, участвующих в уголовном процессе (ст. 96).

В УПК РФ такое объединение или совокупность норм о безопасности участников уголовного судопроизводства, включая судей, к

---

¹ См., например: Вареникова С.П. Проблемные вопросы государственной защиты судебных экспертов в Республике Казахстан // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 33–35; Чернов А.Е. Принципы осуществления правосудия в странах СНГ // Российская юстиция. 2013. № 3. С. 34–35; Быкова Е.В., Ахметзакиров Н.Р. Республика Казахстан: реформы в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 11. С. 58–62 и др.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.05.2020). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 15.06.2020).

нашему сожалению, отсутствует. В ч. 3 ст. 11 УПК РФ установлены не только основания, но и перечень уголовно-процессуальных мер безопасности, которые принимаются лицами, в чьем производстве находится уголовное дело, в отношении иных участников производства по уголовному делу. То есть судьи как участники российского уголовного процесса в такой ситуации как бы выводятся из уголовно-процессуальных правоотношений по обеспечению безопасности профессиональной деятельности, в отличие от УПК РК.

Вместе с тем, в отличие от ч. 1 ст. 95 УПК РК, в которой предусматривается защита только «членов семей и близких родственников участников уголовного процесса», в ч. 3 ст. 11 УПК РФ устанавливается более широкий круг лиц, которые подлежат государственной защите, – «близких родственников, родственников или близких лиц»¹. При этом ч. 2 ст. 95 УПК РК устанавливает декларативную норму об обязанности государства обеспечить безопасность этой категории лиц, отправляющих уголовное правосудие «в порядке, определенном законом».

Основанием применения защитных мер в отношении судей и иных лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, за исключением потерпевших, свидетелей и других участников, перечисленных в ст. 96 УПК РК, является установление факта «посягательства на их жизнь или иного насилия в связи с рассмотрением уголовных дел или материалов в суде, производством досудебного расследования» (ч. 2 ст. 95 УПК РФ). Как видно, предпосылками решения вопроса о применении мер безопасности являются связи со служебной деятельности указанных лиц: рассмотрение уголовного дела (имеется в виду судебное разбирательство); рассмотрение в суде материалов (ходатайства о мере пресечения, наложение ареста на имущество и пр.); производство по уголовному делу в досудебной стадии².

Следует обратить внимание и на названия ст. 95 («Обеспечение безопасности...») и ст. 96 («Обязанность принятия мер безопасности...») УПК РФ. Законодатель акцентирует внимание правоприменителя именно на обязанности принятия своевременных мер к обеспечению безопасности потерпевших, свидетелей и иных лиц, перечисленных в ст. 96 УПК РК.

---

¹ Подробнее см., например: Якубина Ю.П., Выходов А.А. Содержание принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2018. № 3. С. 95–98; Авдонкин В.С. Полномочия председательствующего по обеспечению права потерпевшего на участие в судебном разбирательстве уголовного дела в суде первой инстанции // Судья. 2017. № 4. С. 20–28 и др.

² В УПК Республики Казахстан отсутствует стадия возбуждения уголовного дела.

Отметим, что в ч. 1 ст. 96 УПК РК установлено в качестве основания применения мер безопасности наличие «данных об угрозе совершения в отношении них насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния». Во-первых, это предоставляет возможность обеспечить безопасность при получении любых данных, не обязательно доказательств, включая оперативно-разыскную информацию об угрозе. Во-вторых, не конкретизируется форма (способы) такого насилия, оно может быть различным. В-третьих, угроза может быть выражена в форме «иного запрещенного уголовным законом деяния», то есть не насилия, но уголовно наказуемого поведения в отношении участника процесса в связи с его уголовно-процессуальной деятельностью.

В этой связи обратим внимание на соотношение оснований применения безопасных мер по УПК РФ и УПК РК. В ч. 3 ст. 11 УПК РФ установлена обязанность применения мер безопасности при наличии угрозы «убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями». Отметим, что следует указать на формулировку «иных опасных противоправных деяний», которая расширяет основания применения мер безопасности по сравнению с «иным запрещенным уголовным законом деянием». Следовательно, в ст. 96 УПК РК в сравнении с ч. 3 ст. 11 УПК РФ несколько ограничено основание принятия решения о применении мер безопасности, так как устанавливает только уголовно наказуемые формы угрозы безопасности потерпевших и свидетелей.

Как представляется, российский УПК создает более широкое применение в форме определения угрозы безопасности как «иных опасных противоправных деяний», в качестве которых могут применяться и не наказуемые уголовным законом формы поведения и воздействия.

Таким образом, сравнительный анализ уголовно-процессуальных законодательств Российской Федерации и Республики Казахстан в части обеспечения безопасности участников судебного разбирательства по уголовному делу позволяет сделать вывод о том, что есть позитивные правовые способы взаимного использования эффективных правовых механизмов. Преимуществом содержательной стороны УПК РК является объединение института безопасности участников уголовного процесса в одной самостоятельной главе, закрепляющей основания и механизм безопасности. Вместе с тем такой подход показывает и наличие определенных проблем правовой регламентации оснований только уголовно наказуемых деяний, оставляя без внимания мер безопасности «иные опасные противоправные деяния», как это установлено в ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Ланшаков Д.С.,
*аспирант юридического института
Сыктывкарского государственного
университета имени Питирима Сорокина*

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ СВЕДЕНИЙ О МЕРАХ БЕЗОПАСНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ СУДЬИ И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Действующее национальное законодательство устанавливает различные правовые и иные гарантии независимости отправления правосудия по уголовным делам. Одним из таких средств является установление уголовной ответственности за разглашение сведений о мерах безопасности, которые принимаются в отношении представителей уголовного правосудия (ст. 311 УК РФ). Многочисленные вопросы сложного и многообразного процесса безопасного участия личности в сфере уголовного судопроизводства указывают на актуальность их дальнейшей научной разработки.

Примечательно, что на вопрос об оценке эффективности уголовно-правовой охраны участников процесса путем установления уголовной ответственности за разглашение данных о мерах безопасности в ст. 311 УК РФ 78,6% из числа опрошенных нами следователей и судей указали ее недостаточное влияние на процесс безопасности по причине незначительного количества уголовных дел по данной статье¹.

Конечно же, только усилением или совершенствованием уголовно-правовой охраны процесса безопасности участников уголовного процесса кардинально эту проблему не решить. Вместе с тем такой вывод практикующих сотрудников правоохранительной и судебной систем о незначительном влиянии установления уголовного наказания по ст. 311 УК РФ указывает на наличие определенных проблемных ситуаций в правоприменительной деятельности при производстве по уголовному делу. Как представляется, одной из таких проблем может являться некоторая сложность оценки признаков

---

¹ Опрошено 224 респондента в период с января 2019 г. по февраль 2020 г. в четырех регионах Российской Федерации (Республика Коми, Республика Татарстан, Москва и Московская область).

преступления, предусмотренного в ст. 311 УК РФ, как на начальном этапе, при возбуждении уголовного дела, так и в последующем производстве.

В настоящее время принят солидный перечень законов и подзаконных нормативных актов, направленных на обеспечение безопасности судьи и других участников производства по уголовному делу. Подобные нормативные акты регулируют различные сферы этого сложного и многообразного механизма, в целом они являются комплексной организацией мер государственной защиты.

На многочисленные проблемы института безопасности личности в уголовном процессе, в том числе защиты свидетелей и иных лиц как участников процесса, обращено достаточное внимание со стороны ученых¹.

В юридической литературе безопасность также рассматривается с позиций исследования начального момента обеспечения безопасности², организации контрольно-надзорной деятельности их осуществления³, а также общих проблем реализации безопасного участия граждан в сфере уголовного процесса⁴.

---

¹ См.: Зайцев О.А. Степень научной разработанности проблем государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 18–23; Зайцев О.А. О реализации современной уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 152–156; Зайцев О.А. Свидетели и иные лица, содействующие правосудию // Следователь. 2002. № 2; Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса // Российская юстиция. 1992. № 9–10. С. 16; Епихин А.Ю. Поводы и основания применения и реализации мер безопасности защищаемых лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2004. № 7. С. 4–11; Епихин А.Ю. Предпосылки применения мер безопасности участников уголовного процесса // В сборнике: Материалы Международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Гуманитарные науки и образование: опыт, проблемы, перспективы. Тольятти, 2004. С. 180–183.

² См., например: Епихин А.Ю. Поводы и основания применения и реализации мер безопасности защищаемых лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2004. № 7. С. 4–11; Епихин А.Ю. Предпосылки применения мер безопасности участников уголовного процесса // В сборнике: Материалы Международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Гуманитарные науки и образование: опыт, проблемы, перспективы. Тольятти, 2004. С. 180–183.

³ См.: Епихин А.Ю. К вопросу о надзоре (контроле) за обеспечением безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства // Черные дыры в Российском законодательстве. 2004. № 3. С. 359.

⁴ См.: Епихин А.Ю. Некоторые проблемы российского законодательства, обеспечивающего безопасность жертв преступлений как участников уголовного судопроизводства // Роль прокуратуры и контролирующих органов в обеспечении экологической безопасности: сборник материалов науч.-практ. конф., 19–20 декабря 2003 г. / Отв. ред. Н.П. Дудин. СПб., 2004. С. 83–85; Епихин А.Ю. Совершенствование правового регулирования безопасности личности в новом УПК РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 1. С. 115–122.

Особо следует отметить фундаментальное исследование вопросов концептуального содержания государственной защиты судей и других участников уголовного судопроизводства в научных работах профессора О.А. Зайцева¹.

Правовое регулирование отношений, складывающихся по поводу обстоятельств, подлежащих доказыванию, имеет существенное значение с точки зрения оптимизации всей уголовно-процессуальной деятельности и установления доказательств виновности (невиновности) в совершении преступления конкретного лица (лиц). Перечень таких обстоятельств в современном уголовно-процессуальном законодательстве установлен в ст. 73 УПК РФ.

Квалификация уголовно-правового деяния, предусмотренного ст. 311 УК РФ, имеет определенные проблемы в правоприменительной практике. Основные сложности могут выражаться в отграничении признаков, предусмотренных в ст. 311 и 320 УК РФ. Кроме того, имеются сложности при отграничении уголовно наказуемого деяния от административного проступка (ст. 17.13 КоАП РФ). Такое разграничение обусловлено различной степенью общественной опасности и может вызывать проблемы при квалификации деяния в любой стадии уголовного процесса.

Следует отметить, что при буквальном толковании диспозиции ст. 17.13 КоАП РФ административная санкция определена за разглашение сведений о мерах безопасности в отношении должностного лица «правоохранительного или контролирующего органа...». Однако суд и участники уголовного процесса к этой категории не могут относиться, хотя они (судьи) включены в перечень лиц, подлежащих государственной защите, на основании ст. 2 закона № 45-ФЗ². Вместе с тем этот отличительный признак не всегда отмечается при оценке противоправности деяния.

Социологический опрос респондентов о критериях разграничения показал, что 65,2% опрошенных указали в качестве отграничения факт наступления общественно опасных последствий и только

---

¹ См.: Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 35. С. 92–99; Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 77–81; Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии. М., 1995; Зайцев О.А. Правовые основы и практика обеспечения участия свидетеля на предварительном следствии. М., 1995 и др.

² Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // Собрание законодательства РФ. 24.04.1995. № 17. Ст. 1455.

34,8% отметили установление общественной опасности как общего правила и признака уголовно наказуемого деяния. Опрос практических работников о том, на какие именно сведения должна распространяться уголовная ответственность по ст. 311 УК РФ, подавляющее количество респондентов (93,7%) отметили информацию о мерах безопасности, установленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, а также в законах № 45-ФЗ и № 119-ФЗ. Хотя при буквальном толковании содержания ст. 311 УК РФ сведения должны относиться только к мерам безопасности, которые применяются в отношении судьи и лиц, перечисленных в диспозиции этой статьи. То есть действие ст. 311 УК РФ не может распространяться на разглашение сведений, которые относятся к мерам безопасности, применяемым в «отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, а также его близких», они находятся под охраной положений ст. 320 УК РФ.

Производство по уголовному делу осуществляется дознавателем или следователем. В этой процессуальной деятельности принимают участие в форме ведомственного контроля начальник подразделения дознания или, например, руководитель следственного органа. Формально эти участники подпадают под диспозицию ст. 311 УК РФ как иные участники уголовного судопроизводства.

Вместе с тем сохранность сведений о мерах безопасности в отношении этих лиц обеспечивается уголовным наказанием, установленным в другой уголовно-правовой норме – в ст. 320 УК РФ «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа». Таким образом, при сопоставлении признаков ст. 311 и 320 УК РФ можно определить внешне одинаковые элементы, однако, разные по содержанию и находящиеся в разных главах уголовного закона. Учитывая такую ситуацию, полагаем, что целесообразно дополнить диспозицию ч. 1 ст. 311 УК РФ после слов «других участников уголовного процесса» фразой «за исключением лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 320 настоящего кодекса»¹.

Такое дополнение диспозиции ч. 1 ст. 311 УК РФ позволит применять ее более точно в соответствии с ее буквальным толкованием в правоприменительной практике.

---

¹ Подробнее см.: Ланшаков Д.С. Содержание предмета доказывания при разглашении сведений о мерах безопасности участников уголовного процесса // Пробелы в российском законодательстве. 2019. Выпуск № 7. С. 146–150.

Петровский З.М.,

*аспирант кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Института права и управления
Московского городского
педагогического университета*

**К ВОПРОСУ
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОВОКАЦИЮ ВЗЯТКИ,
КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА ЛИБО ПОДКУПА
В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ
ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД**

Сфера государственных закупок характеризуется коррупционной пораженностью, что обусловлено повышенной уязвимостью данной сферы к коррупционным посягательствам¹. Создание эффективного механизма выявления и расследования преступлений, связанных с госзаказом, зависит от уровня его теоретической разработанности. С научной точки зрения проблемы выявления и расследования преступлений, связанных с госзаказом, еще недостаточно изучены².

В таком контексте дополнительный интерес представляет анализ уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 304 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за провокационные действия по предоставлению незаконного вознаграждения (взятки, коммерческого подкупа и подкупа) в сфере осуществления государственных закупок.

Анализируемое преступление посягает на основной объект в виде нормальной деятельности суда, прокуратуры, органов дознания и предварительного следствия, дополнительным обязательным объектом выступают интересы государства и общества в вопросах обеспечения функционирования через деятельность в сфере

---

¹ См.: Шурпаев Ш.М. О состоянии защищенности сферы государственных и муниципальных закупок от коррупционных проявлений: историко-правовой и сравнительно-правовой аспекты // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 3 (22).

² См.: Лавров В.П., Лапин В.О. Преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: вопросы выявления и расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38).

государственных закупок, дополнительным факультативным объектом могут выступить интересы личности.

Предмет преступления – аналогично указанным в ст. 290–291.2 УК РФ. Заметим, что попытка передачи предмета, не имеющего стоимостного значения, исключает вменение ст. 304 УК РФ. В литературе также отмечается, что «...в настоящее время судебная и следственная практика признания предметом провокации имущественных прав и услуг имущественного характера отсутствует»¹.

Потерпевшим от данного преступления может быть: должностное лицо; иностранное должностное лицо; должностное лицо публичной международной организации; лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческих или иных организациях; лицо, указанное в ч. 1 ст. 200.5 УК РФ².

Не может быть признано потерпевшим по ст. 304 УК РФ лицо, которое хоть и является сотрудником предприятия/учреждения/организации, однако не обладает организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями.

Говоря об объективной стороне анализируемого состава преступления, заметим важность такого признака, как отсутствие согласия потерпевшего при попытке передачи ему денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера.

В практической деятельности существует проблема установления согласия или несогласия должностного лица на принятие незаконного вознаграждения. Подтверждение или опровержение согласия/несогласия необходимо устанавливать, исходя из всей совокупности обстоятельств, предшествующих преступлению. Так, например, предварительное согласие на получение незаконного вознаграждения, которое в последующем не подтверждается, и лицо отказывается принять взятку, не является достаточным основанием для привлечения к ответственности.

По конструкции данное преступление характеризуется формальным составом и является оконченным с момента совершения отмеченных в законе действий, однако в практической деятельности все же вызывает сложность установление момента окончания преступления. При попытке передачи ценностей как совершении

---

¹ См.: Капинус О. Уголовное право России. Особенная часть. Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры. В 2 т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. Litres, 2019. 556 с.

² Там же.

определенных действий, которые непосредственно направлены на их передачу или на оказание услуг, преступление окончено с момента совершения таких действий. Если речь идет о передаче имущественных выгод, преступление считается оконченным с момента совершения таких действий, «которые создают видимость принятия взятки либо предмета коммерческого подкупа должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации»¹.

Особенностью по ст. 304 УК РФ является то, что, к примеру, если сотрудники правоохранительных органов искусственно создают ситуацию, в которой лицо принимает предмет взятки или коммерческого подкупа, его уголовная ответственность исключается.

Психическое отношение виновного к совершению провокации характеризуется только прямым умыслом. Более того, в соответствии с законом, обязательным признаком субъективной стороны является цель преступления, которая в анализируемом составе установлена как искусственное создание доказательств совершения преступления или шантаж. Под искусственным созданием доказательств понимается возможность использования полученных «результатов» для дальнейшего преследования в уголовном порядке.

Отметим некоторую законодательную нелогичность и неточность в формулировках нормы закона. Термин «шантаж» является не юридическим, а скорее бытовым, и применять его в тексте УК РФ вряд ли целесообразно. Более того, указание в законе специальной обязательной цели создает, на наш взгляд, опасность сложности доказывания причинной связи между провокацией взятки/коммерческого подкупа и дальнейшим преследованием/шантажом.

Считаем более правильным исключить цель из диспозиции статьи, поскольку сам факт провокации является общественно опасным деянием и считается оконченным с момента совершения действия, независимо от цели, которую преследует виновный.

Более того, цели могут отличаться от тех, которые законодатель указал в статье, например месть со стороны виновного или желание получить досрочное звание за «удачную» операцию. Таким образом, виновный может избежать ответственности ввиду четкого указания двух конкретных целей в качестве обязательного признака, исключающих все иные как признак состава преступления.

---

¹ См.: Ермаков С.В. Вопросы уголовно-правовой квалификации по статье 304 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89).

Следует обратить внимание на позицию Д.В. Гук, в соответствии с которой предлагается исключить ст. 304 из УК РФ, а подобные «деяния, направленные на имитацию совершения преступления, квалифицировать по ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств», для чего расширить упомянутый в статье круг субъектов преступления»¹. На наш взгляд, довольно рациональное предложение, имеющее право быть рассмотренным и изученным дополнительно.

Подводя итог сказанному, отметим, что конструкция уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за провокацию взятки или коммерческого подкупа, не является совершенной и создает определенные сложности при квалификации преступных деяний, в частности речь идет об однообразном понимании момента окончания преступления, а также при установлении субъективной стороны и ее обязательного признака – цели.

---

¹ См.: Гук Д.В. Проблемные аспекты борьбы со взяточничеством в сфере госзакупок // Юридическая наука. 2013. № 1.

Бурганов Р.С.,

К.ю.н.,

доцент кафедры

уголовно-правовых дисциплин

Казанского филиала

Российского государственного

университета правосудия

**К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СТАТЬЯ 303 УК РФ)
И НЕКОТОРЫХ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ (СТАТЬИ 285 И 286 УК РФ)**

Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ст. 303 УК РФ) является достаточно распространенным преступлением. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2019 г. по ч. 1 ст. 303 УК РФ как по основной статье обвинения осуждено 76 лиц, по ч. 2 ст. 303 УК РФ – 28 лиц, по ч. 3 ст. 303 УК РФ – 22 лица и по ч. 4 ст. 303 УК РФ – трое. Как по дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 303 УК РФ осуждено 50 лиц, по ч. 2 ст. 303 УК РФ – 3 лица, по ч. 3 ст. 303 УК РФ – 7 лиц и по ч. 4 ст. 303 УК РФ – 15 лиц.

Вместе с тем зачастую в практике судов мы можем обнаружить ошибки при вынесении приговоров за совершение данного преступления. Неправильное применение уголовного закона является одним из распространенных оснований для отмены приговора и нередко связано с нарушениями при квалификации действий подсудимого. Статья 303 УК РФ конкурирует с различными составами как преступлений против правосудия и против государственной власти в целом, так и других преступлений. В этом плане большое значение имеет отграничение фальсификации доказательств от составов, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ.

Здесь следует отметить, что если превышение должностных полномочий или злоупотребление должностными полномочиями образует специальный состав преступления, то на основании ч. 3 ст. 17 УК РФ ответственность должна наступить лишь по специальной норме.

Железнодорожным районным судом г. Пензы рассмотрено уголовное дело в отношении дознавателя отдела судебных приставов С.А.В., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286 и ч. 2 ст. 303 УК РФ. Судом установлено, что подсудимый, являясь дознавателем, от имени должностного лица внес в носители письменной информации сведения, не соответствующие действительности ни по форме, ни по содержанию, составил протоколы допросов от имени лиц, не допрошенных им, разъяснил права и обязанности, то есть внес в документы не соответствующие действительности сведения о факте их производства, времени и месте их проведения, о содержании следственных и процессуальных действий и лицах, принимавших участие в них, подписал указанные документы, то есть сфальсифицировал доказательства по уголовному делу. Суд, руководствуясь ст. 252 УПК РФ, исключил из обвинения квалификацию действий по ч. 1 ст. 286 УК РФ как излишне вмененную, принимая во внимание, что его действия, оцененные органами предварительного расследования как фальсификация доказательств, помимо ч. 2 ст. 303 УК РФ, квалифицированы по ч. 1 ст. 286 УК РФ как превышение должностных полномочий. В соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ в этом случае содеянное следует квалифицировать только по специальной норме – по ч. 2 ст. 303 УК РФ, а общая норма (ч. 1 ст. 286 УК РФ) подлежит исключению как излишне вмененная. Приговором суда С.А.В. осужден по ч. 2 ст. 303 УК РФ¹. Здесь суд выбрал специальную норму, руководствуясь ч. 3 ст. 17 УК РФ и запретом на привлечение к уголовной ответственности дважды за одно и то же преступление.

Вместе с тем соотношение между ст. 285, 286 УК РФ как общими, с одной стороны, и ст. 303 УК РФ как специальной не охватывает всех случаев и представляется зачастую недостаточным для правильной квалификации. На это указывают Н.В. Мирошниченко и Ю.Е. Пудовочкин, которые также предлагают следующие правила квалификации: 1) при фальсификации доказательств, причиняющей вред только порядку их получения, содеянное необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 303 УК РФ; 2) при фальсификации, повлекшей за собой существенное нарушение прав и законных интересов личности, общества или государства, – по ч. 1 ст. 285 УК РФ; 3) при фальсификации, повлекшей тяжкие последствия, – по ч. 3 ст. 303 УК РФ².

¹ Практика рассмотрения уголовных дел о преступлениях, связанных со злоупотреблением и превышением должностными полномочиями (статьи 285 и 286 УК РФ). Пензенский областной суд. 11.04.2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Мирошниченко Н.В., Пудовочкин Ю.Е. Некоторые проблемы квалификации последствий служебных преступлений // Уголовное право. 2012. № 2. С. 62.

Г.Г. Радионов, признавая оригинальность и определенную теоретическую обоснованность такого подхода, отмечает, однако, что он вступает в прямое противоречие с правилами квалификации преступлений при конкуренции общей и специальной норм. Отсутствие в ст. 303 УК РФ указания на наступление последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов личности, общества или государства, как представляется, не позволяет преодолеть общетеоретическое требование о необходимости квалификации содеянного именно по специальной норме, то есть норме о фальсификации доказательств¹. Представляется, что данная коллизия должна быть разрешена законодателем, а до этого момента подлежит применению специальная норма, то есть ч. 2 ст. 303 УК РФ.

Необходимо также учитывать и процессуальное оформление переквалификации содеянного. Так, суд по следующему уголовному делу пришел к выводу о квалификации содеянного по ч. 2 ст. 303 УК РФ, а не ч. 1 ст. 285 УК РФ. Поскольку последним предусмотрено более мягкое наказание, то переквалификация действий в суде была невозможно, и суд был вынужден вернуть дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Постановлением Головинского районного суда г. Москвы от 25 октября 2017 г. уголовное дело в отношении С. возвращено прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом – в связи с наличием оснований для квалификации его действий, которые органом следствия квалифицированы по ст. 285 ч. 1 УК РФ, по ст. 303 ч. 2 УК РФ, поскольку о наличии оснований для переквалификации действий С. на указанную статью свидетельствуют фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении. Согласно материалам уголовного дела, С. предъявлено обвинение в том, что он, являясь дознавателем, при проведении дознания по уголовному делу в отношении Д., действуя из иной личной заинтересованности, с целью завышения личных показателей направления уголовных дел прокурору, а также окончания дознания в кратчайший срок, используя неустановленные оттиски штампов, изготовил требования, содержащие недостоверные сведения об отсутствии у Д. судимостей. Из показаний обвиняемого С., изложенных в обвинительном заключении, следует, что требования о судимости в отношении Д. были им подделаны с помощью имеющихся

---

¹ См.: Радионов Г.Г. Отграничение фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ст. 303 УК РФ) от смежных составов преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 4 (42). С. 129.

у него штампов, а не получены в установленном законом порядке в информационных центрах правоохранительных органов, так как для этого потребовалось бы много времени. Штампы, с помощью которых он подделал требования, были им сразу же уничтожены, так как он опасался разоблачения и привлечения к уголовной ответственности. Московский городской суд оставил без изменения постановление суда, а апелляционное представление без удовлетворения, указав, что при таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции не может признать обоснованным утверждение государственного обвинителя об отсутствии у С. прямого умысла на фальсификацию требований о судимостях Д. С учетом изложенного районный суд пришел к обоснованному выводу о том, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий С. как более тяжкого преступления – предусмотренного ст. 303 ч. 2 УК РФ¹.

Другим важным критерием разграничения рассматриваемых составов является субъективная сторона преступления. Совершая фальсификацию доказательств, лицо осознает, что будут сфальсифицированы именно доказательства по уголовному делу, понимает, что в результате его действий в материалах дела (гражданского, уголовного, дела оперативного учета и др.) будут содержаться документы, которые не соответствуют действительности или получены с нарушением закона. Лицо осознает возможность вынесения уполномоченным лицом (судьей, судом, следователем, прокурором и др.) на основании этих документов определенного процессуального акта, законность которого может быть поставлена под сомнение, и желает наступления таких последствий.

При этом мотивы такого поведения не имеют значения для квалификации, однако из изученных нами приговоров судов следует, что это были, как правило, желание улучшить показатели по работе, снизить нагрузку, ошибочно понятые интересы службы, корыстные мотивы (получить премию либо иное вознаграждение). Были выявлены и приговоры, в которых мотив совершения преступления отдельно не устанавливался и в приговоре суда не отражен. Вместе с тем исключением является ч. 4 ст. 303 УК РФ, устанавливающая цель уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, либо причинение вреда чести, деловой репутации и достоинству личности в качестве обязательного

---

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 28.11.2017 по делу № 10-19719/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

признака при квалификации действий лица как фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности.

Поскольку согласно ст. 73 УПК РФ мотивы и цели лица являются теми обстоятельствами, которые подлежат доказыванию по уголовному делу, нам представляется, что они должны быть установлены и по делам по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ.

Следует отметить, что подобных приведенным в статье примеров в судебной практике много. Учет изложенных обстоятельств поможет избежать ошибок как материально-правового, так и процессуального характера при квалификации и принятии процессуальных решений.

Примов Д.Р.,
*аспирант кафедры уголовного
права и процесса
Тамбовского государственного университета
имени Г.Р. Державина*

ГЕНЕЗИС НОРМЫ О САМОУПРАВСТВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ АКТАМ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Подходя к вопросу анализа ныне действующей нормы о самоуправстве, следует обратить внимание на генезис указанной нормы, а также на правовые аспекты, породившие понятие самоуправства в уголовно-правовой мысли¹.

Отечественная уголовно-правовая наука не предполагает единого подхода к периодизации российского уголовного законодательства². Р.Б. Осокин считает целесообразным проводить ретроспективный анализ эволюции правового регулирования данного исследуемого института в рамках следующих исторических этапов: «некодифицированного» (до 1845 г.), «кодифицированного» (1845–1917 гг.), социалистического (1917–1991 гг.) и современного (1991 г. – настоящее время)³. Согласившись с такой периодизацией, мы фактически объединяем все периоды вплоть до 1917 г. и характеризуем их как досоветский этап развития уголовного законодательства в целом.

Проводя тщательный анализ нормы о самоуправстве, возможно проследить первое упоминание о ней в договоре Руси с Византией 944 г. Уже тогда прослеживался вектор выделения нормы о самоуправстве, отдаленно напоминающей ее современный облик. Согласно вышеуказанному договору, в отношении лиц русской национальности, а равно лиц иных национальностей, совершивших

---

¹ См.: Артюшкина С.В. Самоуправство: история криминализации в российском законодательстве // Закон и право. 2010. № 4. С. 115–118.

² См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1996. С. 60; Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. Т. 1. С. 17–19.

³ См.: Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 77.

самовольное завладение собственностью иных подданных Киевского князя, применяются одинаковые меры ответственности (ст. 5)¹. Следует подчеркнуть, что наказание для греков, проживающих на территории Руси, назначалось властью Киевского князя, а не византийского императора (ст. 12)². Из указанного документа следует, что у истоков отечественного уголовного законодательства находились и нормы о самоуправстве, по крайней мере в том виде, насколько возможно было описать ограничение самовольных действий в отношении подданных государства.

Среди исторических памятников древнерусского права, ставших основанием законодательного регулирования всех последующих эпох, наибольшую известность получила Русская Правда. Важно указать, что в данном историческом источнике права, как и во многих других законодательных документах того времени, отсутствуют нормативные предписания, которые можно было бы интерпретировать в качестве исторических аналогов уголовно-правового состава преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ в современном его понимании.

В 20–70-е гг. XI в. была создана краткая редакция Русской Правды, в которой было закреплено положение, дающее право любому лицу совершить убийство вора, застигнутого на месте преступления. При этом данное право имело свои ограничения. Так, убить вора при наличии указанных выше обстоятельств было разрешено только ночью и, кроме того, запрещалось убийство связанного вора.

Более позднее изложение Русской Правды определяло следующее положение о самовольной расправе: «Если же обиженный, не стерпев, в отместку сам ударит мечом, то того в вину ему не ставить» (п. 26)³. Кроме того, пространная редакция закрепляла и положения о самоуправных действиях в отношении смерда: «Аже смерд мучить смерда без княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кун; аже огнищанина мучить, то 12 гривен продажи, а за муку гривна»⁴. Из изложенного выше документа следует, что деяния, подпадающие в разряд самоуправства и совершенные лицами, не отнесенными к представителям государственной власти,

---

¹ Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова; сост. А.А. Зимин. Памятники права Киевского государства X–XII вв. М.: Госюриздат, 1952. Вып. 1. С. 32.

² Там же. С. 33.

³ Русская правда. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX веков в 9 т. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 64.

⁴ Там же.

карались уголовным штрафом. Те же самые деяния, совершенные против бояр, наказывались штрафом, в несколько раз превышающим штраф за самоуправство над смердом. При этом пострадавшему боярину или смерду полагалось идентичное возмещение вреда.

Русская Правда (ст. 62) применяла ограничения и запреты на самоуправные действия в отношении закупа со стороны господина. В тексте документа содержится правовое дозволение для категории собственников (господ) без наложения правовой ответственности применять в отношении категории зависимого населения «закупов» физическую силу в целях насильственного принуждения последних к труду, но с той оговоркой, что применение силы не должно быть чрезмерным. Так, в случае превышения господином права на применение физической силы для принуждения к труду, закуп имел право обратиться в суд для «взыскания с господина за самоуправные деяния» (ст. 56).

Подытоживая сказанное, следует сделать акцент на том, что разные редакции Русской Правды предписывали различные, зачастую противоречивые друг другу положения касаясь самоуправства. Оно было несколько ограничено, при этом не существовало строгого запрета, в некоторых случаях самоуправство считалось допустимым. Реализация самовольных действий считалась возможной, когда «обиженный не стерпел» и ударил кого-либо мечом или же когда вор мог быть убит на месте преступления в ночное время суток.

Важно отметить тот факт, что в зависимости от статуса и положения лица, которому вследствие самоуправных деяний был причинен вред, отличался и размер наказания в виде штрафа, а именно: за самоуправные действия против боярина штраф равнялся 12 гривнам, против смерда – 3 гривнам.

Принятие христианства на Руси в 988 г. обусловило бурные перемены в общественной жизни государства. Наряду с появлением церкви, государипросветители Владимир и Ярослав озаботились дать ей экономическую и юридическую силу с целью единения и дисциплины как для самого государственного аппарата, так и для его воздействия на общество¹. В некоторой степени это обусловило создание ряда нормативных документов, к числу которых относились, например, Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных, Устав Князя Ярослава о церковных судах.

---

¹ См.: Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб.: Тип. А.М. Котомина. 1872. С. 172.

Устав Князя Ярослава о церковных судах стал своего рода основополагающим документом, который регулировал общественные отношения, отнесенные им к церковной юрисдикции. Например, Церковный устав фиксировал наложение запрета на самовольный развод супругов. Статья 4 Краткой редакции Устава князя Ярослава запрещала развод по одному лишь желанию мужа¹. Церковь также имела право наказать супругов за самовольное прекращение брачных отношений, несмотря даже на тот факт, что это происходило по их обоюдному согласию. Если развод происходил исключительно по желанию мужа, то на него налагалась обязанность выплатить штраф в пользу епископа и жены; в случае совместного желания супругов на развод штраф выплачивался только в пользу епископа². В ст. 10–11 Краткой редакции Церковного устава устанавливались нормативные положения, которые запрещали супругам самовольное прекращение брака по причине наличия у одного из них болезней (недугов). Более полная редакция данной нормы дополнялась положением, согласно которому церковью запрещалось в одностороннем порядке расторгать брак жене. В случае вступления женщиной в новый брак без расторжения предыдущего недействительными признавались оба брака.

Необходимо подчеркнуть, что подобные предписания регламентировались Смоленской уставной грамотой. Важно указать, что ст. 11 Уставной и жалованной грамоты князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу (около 1136 г.) устанавливалось общее наименование категории преступных деяний, находящихся в ведении церковных судов, – «роспуст» (самовольные расторжения брака)³.

Детальное изучение исторических документов начального периода образования Руси (до принятия Русской Правды) указывает на существование плюралистических подходов к содержанию норм относительно самовольных деяний. Аналогичного рода практика в последующем нашла свое отражение в Русской Правде, которая к тому же устанавливала различную уголовную ответственность виновного за самоуправство в зависимости от его статуса и социального положения. С приходом новой эпохи, начиная с Крещения

¹ Краткая редакция устава Князя Ярослава // Российское законодательство X–XX веков в 9 т. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 168.

² Устав князя Ярослава (пространная редакция) // Российское законодательство X–XX веков в 9 т. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 193.

³ См.: Смоленские уставные грамоты // Российское законодательство X–XX веков в 9 т. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 215.

Руси в 988 г., большая роль, в том числе нормотворческая, была отдана церквям. Указанное обстоятельство, несомненно, повлияло на специфику законодательного процесса и обусловило появление новых правовых документов, охраняющих религиозно-нравственные ценности (Устав Князя Ярослава о церковных судах). Учитывая это, к разряду церковных нарушений стали относиться деяния, связанные с самовольным прекращением брачных отношений между супругами по обоюдному согласию или по желанию мужа.

Алимирзаев Э.А.,
*аспирант кафедры уголовного
права и процесса
Тамбовского государственного университета
имени Г.Р. Державина*

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА НАДРУГАТЕЛЬСТВА НАД ТЕЛАМИ УМЕРШИХ И МЕСТАМИ ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ

В соответствии с имеющимися на сегодняшний день уровнем развития общества, цивилизации, повышением нравственного состояния людей, а также усилением процесса урбанизации проблема надругательства над телами умерших и местами их захоронения имеет такую значимость и обширность, которые не могли проследиваться ни на одном другом этапе общественного развития. Диспозиция, содержащаяся в ст. 244 УК РФ, представляет собой такие деяния, которые отражают безнравственность, распущенность, наглость лиц, совершающих подобные поступки, и совершенно противоречат этическим нормам современного общества.

В связи с этим, а также по некоторым другим обстоятельствам в официальной уголовной статистике фигурирует гораздо меньшее количество таких преступлений, как надругательство над телами умерших и местами их захоронения, чем их существует в действительности. Это, в свою очередь, подчеркивает их высокую латентность¹.

Базы данных таких справочно-правовых систем по судебным решениям судов общей юрисдикции и мировых судей, как «Судебные решения.РФ»², ГАС РФ «Правосудие»³, содержат в себе информацию о более чем тысячи судебных обвинительных приговоров по уголовным делам о надругательстве над телами умерших

---

¹ На основании формы государственного статистического наблюдения «Единый отчет о преступности» (форма 1-Г) за 1997–2019 гг. / По данным ГИАЦ МВД России.

² Судебные решения.РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/> (дата обращения: 15.06.2020).

³ ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: <http://sudrf.ru/> (дата обращения: 15.06.2020).

и местами их захоронения. Такая разница между реальным количеством преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ, и информацией, содержащейся в базах данных по данным деяниям, во многом происходит из-за ошибок их квалификации по некоторым другим статьям, содержащим похожие признаки. Речь идет о таких статьях, как кража, вандализм и хулиганство. Квалификация деяний, предусмотренных ст. 244 УК РФ, по статьям, относящимся к преступлениям против собственности, указывает на недостаток уголовного законодательства и судебной практики.

Выявив влияние таких преступлений, как надругательство над телами умерших и местами их захоронения, на общественную нравственность, необходимо проанализировать генезис запрета указанного выше деяния на различных этапах зарождения и развития уголовного права России.

При рассмотрении происхождения уголовно-правовой нормы о надругательстве над телами умерших и местами их захоронения необходимо условно выделить некоторые периоды истории России. Но при периодизации истории всегда существовала проблема, которая заключается в неопределенности и субъективности данного процесса. Поэтому для того, чтобы правильно выделить периоды, необходимо обратиться к наиболее объективному и конкретному подходу в этой области. По оценке различных ученых, наиболее подходящими для решения данного вопроса являются работы таких исторических деятелей, как Н.М. Карамзин¹, С.М. Соловьев², В.О. Ключевский³ и др.⁴

Проведя исследование различных вариантов периодизации российской истории указанными выше учеными, имеющими различные основания в процессе деления всей истории нашего государства на определенные периоды, возникает необходимость рассмотрения и изучения формирования и становления уголовного права как целостной системы, а также иных государственно-правовых процессов на шести исторических этапах государственного развития: 1) период формирования Древнерусского государства (IX–XIII вв.);

¹ См.: Карамзин Н.М. История государства российского. М.: Эксмо, 2015. 1024 с.

² См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2009. 1024 с.

³ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. От древности до эпохи Ивана Грозного: монография (лекции I–XXIX) [Электронный ресурс]. М.: Академический Проект, 2015. 486 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/36390>. ЭБС «IPRbooks», по паролю.

⁴ См.: Степанищев А.Т. История России в вопросах, задачах, графике: учебное пособие [Электронный ресурс]. М.: Владос, 2008. 406 с. URL: http://his95.narod.ru/tab/t_period.htm (дата обращения: 15.06.2020).

2) период раздробленности (XIII – сер. XV вв.); 3) объединение Руси (2-я пол. XV – XVII вв.); 4) имперский период (XVIII – нач. XX вв.); 5) социалистический период (кон. 1910-х гг. – кон. 80-х гг. XX в.); 6) современный период (нач. 90-х гг. XX в. – настоящее время).

Так как в периодах образования и становления Древнерусского государства, а также удельной раздробленности на Руси не прослеживаются значимых различий в отношении государственно-правовых закономерностей, сопряженных со становлением и развитием запрета надругательства над телами умерших и местами их захоронения, в рамках рассмотрения данного вопроса ученые объединяют указанные периоды и именуют его общим названием – этап становления Древнерусского государства. Период объединения русских княжеств в единое государство ученые переименовывают в период сословно-представительной монархии в связи с происходящими значительными изменениями в государственном аппарате.

Время Российской империи называют периодом абсолютизма, что обуславливается особенностями государственного управления, при которых контроль над всеми рычагами управления государством находится в руках верховного правителя.

Так как описанный выше способ рассмотрения и анализа генезиса нормы о надругательстве над телами умерших и местами их захоронения является объективным, точным и всеобъемлющим, а также позволяет оценивать развитие этой нормы на всех исторических этапах развития государства с момента его образования и до современного состояния, то именно этот подход с перечисленными этапами и будет применяться при исследовании генезиса.

Н.М. Карамзин рассматривает всего три этапа исторического развития русского государства, в связи с чем эго подход является менее объективным и точным, так как не основывается на самых значимых политико-организационных изменениях государства, отразившихся в нормативных актах того времени. Это еще раз подкрепляет выбор первого подхода к рассмотрению причины динамики и порядка развития общественных отношений, а также неразрывно связанного с ними генезиса нормы, предусмотренной ст. 244 УК РФ. Также используемый метод является приоритетным в отношении теорий периодизации истории С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Этот приоритет обуславливается критериями, на основании которых осуществлялось деление истории нашего государства по периодам. Одна из теорий подразумевает периодизацию на основании роли родовых отношений в политической жизни, борьбы

родовых и государственных начал и вступления России в систему европейских государств. Другая теория обосновывает деление истории по периодам различной зависимостью от государственного и территориального центра, разделения и расширения территории. Указанные критерии этих теорий не в данном исследовании не используются в полной мере и не позволяют получить ответа на стоящий вопрос, так как не исчерпывают все этапы развития уголовного законодательства в исследуемой области, что заставляет нас использовать периодизацию истории, разработанную современными историками, ведь пути развития уголовного законодательства в области надругательства над телами умерших и местами их захоронения согласно данной системе отслеживаются наиболее полно и точно.

Любые государственные и общественные изменения затрагивают все сферы жизни, поэтому деление истории на периоды связано с периодами развития российского права.

Что касается истории развития русского права¹ в целом, то в отношении нее также существует множество способов и вариантов периодизации. Например, А.Х. Саидов² не разделяет историю развития права России на определенные этапы. За основание собственной системы периодизации он принимает отдельные нормативно-правовые акты, которые, в свою очередь, на этапах своего существования и являлись основой правовой системы России.

Примером таких актов, на которых основывалась периодизация А.Х. Саидова, являются: Русская Правда – сборник правовых норм Киевской Руси, созданный Ярославом Мудрым; Судебник Ивана III (1497 г.), который представлял собой общегосударственный законодательный документ, принятый в целях систематизации существующих норм права; Судебник Ивана IV (1550 г.), являющийся собой первый законодательный акт исторической эпохи сословно-представительной монархии, который позиционировался в качестве единственного источника права в государстве; Соборное Уложение (1649 г.), представляющее собой сборник законов Русского царства, который был принят Земским собором, а также некоторые другие нормативно-правовые акты. В свою очередь, русский

---

¹ См.: Гладких В.М. Проблема периодизации развития правовой системы России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 36. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-periodizatsii-razvitiya-pravovoy-sistemy-rossii> (дата обращения: 12.07.2015).

² Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. Основные правовые системы современности. М.: Юрист, 2003. 448 с.

ученый А.В. Васильев¹ разделяет историю российской правовой системы на пять периодов: 1) от основания Древнерусского государства до предпосылок распада удельной системы; 2) период сословно-представительной монархии; 3) период формирования законодательства абсолютной монархии; 4) период первой и второй третей XIX в.; 5) период конца XIX в – формирование сборников некоторых правовых норм.

М.Ф. Владимирский-Буданов² создал самую признанную и эффективную систему периодизации истории российского законодательства. Согласно этой системе, история права России делится на три этапа: древнерусский, московский и имперский. С таким подходом соглашался и другой ученый-историк В.Н. Синуков, в работах которого на эту тему имеется подходящая цитата: «Российская правовая система прошла, в принципе, те же этапы, что и российская государственность»³.

Принимая во внимание вышеизложенные мнения известных ученых, Р.Б. Осокиным были рассмотрены и проанализированы следующие периоды эволюции правового регулирования рассматриваемого правового института: «казуистический» (до 1845 г.), «кодифицированный» (1845–1917 гг.), социалистический (1917–1991 гг.) и современный (1991 г. – настоящее время), выявлены закономерности происхождения и развития нормативных предписаний, регламентирующих ответственность за совершение преступных деяний, связанных с нарушениями общественной нравственности. Кроме того, важно указать, что «казуистический» и «кодифицированный» этапы по-другому именуется досоветским этапом в целом⁴.

Проанализировав особенности государственного развития в различные исторические периоды, становится вполне возможным установить те закономерности и события, которые в большей мере определили время и способ формирования и развития правовой системы российского государства.

Опираясь на вышеизложенное, можно сделать вывод, что, изучая периоды развития российского государства и этапы возникновения

---

¹ См.: Васильев А.В. Законодательство и правовая система дореволюционной России: учеб. пособие для вузов / Под ред. С.А. Комарова. СПб.: Питер, 2004.

² См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / Науч. ред. Глазычев А.Л., Уткин А.И., Филиппов А.Ф., Хестанов Р.З. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005.

³ Синуков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2013.

⁴ Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 77.

и преобразования права России в совокупности, приходится убеждаться в крепкой, неразрывной связи указанных процессов. По мере совершенствования права совершенствовалась одновременно и исследуемая нами норма. Также следует отметить, что уже продолжительное время периодизация русского права и законодательства осуществляется, основываясь на перечисленных этапах развития российской истории. Из этого следует, что генезис ст. 244 УК РФ необходимо изучать по периодам, которые соответствуют установленным историками этапам развития российского государства.

Попова А.Ю.,
курсант 4-го курса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Укрывательство – это особая уголовно-правовая категория, которая, по мнению исследователей, относится одновременно к двум различным институтам Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – институту прикосновенности и институту соучастия¹.

В российском уголовном праве укрывательство признается наказуемым деянием, посягающим на интересы правосудия², предусмотренным ст. 316 УК РФ. Заранее не обещанное укрывательство преступления и преступника является наиболее опасной формой прикосновенности, поскольку было криминализовано ранее других. Так, она впервые была отражена еще в Русской Правде. В Соборном Уложении 1649 г., а именно в главе 21 «О разбойных и татийных делах» в ст. 19–20 определялась ответственность в виде штрафа за укрывательство преступников, а в ст. 60–62, 77–79 были установлены сами способы укрывательства преступления, за которые лицо несло уголовную ответственность³.

В УК РСФСР 1960 г. в ст. 18 Общей части укрывательство определялось как заранее не обещанное укрывательство преступника, а равно орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем. При этом сами нормы о конкретных видах укрывательства содержались в Особенной части: ст. 88.2 «Укрывательство государственных преступлений» и ст. 189 «Укрывательство преступлений», в которых

---

¹ См.: Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 202.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 444.

³ Соборное Уложение от 29 января 1649 г. // СПС «Гарант».

были перечислены особо опасные и менее опасные преступления, укрывательство которых могло повлечь уголовную ответственность¹.

Традиционно дискуссионным является вопрос сущностного содержания данного уголовно-правового института. В частности, П.К. Евдокимов считал, что укрывательство любого вида необходимо относить к соучастию². При этом Г.И. Баймурзин полагал, что об укрывательстве следует рассуждать исключительно в собственном смысле этого слова³. По нашему мнению, отождествление укрывательства преступлений и соучастия не верно, поскольку различна их правовая природа. Кроме того, заранее не обещанное укрывательство в отличие от соучастия в преступлении возникает на основе уже совершившегося преступления.

В юридической литературе зачастую встречается мнение, что укрывательство – это совокупность обособленных правовых норм, которые несут в себе уголовную ответственность за утаивание преступлений и лиц, причастных к этому, а также как разновидность препятствия правосудию⁴. Вышеуказанный подход к пониманию укрывательства вполне оправдан, так как, полагаем, укрывательство выступает как часть более обширного правового института – прикосновенности к преступлению, который отражается в конкретных нормах УК РФ, в той или иной мере содержащих признаки сокрытия преступной деятельности в различных формах.

Постепенное развитие уголовной ответственности за укрывательство преступлений в отечественном законодательстве привело к созданию целой системы правовых норм в Особенной части УК РФ, регламентирующих это деяние, что дает основание для обособления самостоятельного института прикосновенности к преступлению. К таковым, помимо собственно ст. 316 УК РФ, можно отнести ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем», ст. 205.6 УК РФ «Несообщение

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР (в ред. Закона РСФСР от 25.07.1962) (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // СПС «КонсультантПлюс».

² Козаченко И.Я. Уголовное право. Особенная часть. Учебник / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.: Юрайт, 2020. С. 568.

³ Сулейманов С.М. Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2019. С. 87.

⁴ Кустова Н.К. К вопросу о правовой природе укрывательства преступлений // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 5. С. 127.

о преступлении». Эти преступления, за исключением последнего, совершаются путем активных действий.

Так, в определении Верховного Суда РФ от 8 августа 2010 г. № 67-Д10-8сп указано, что не образует состава преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ, одно лишь недонесение о ставшем известном факте совершенного преступления, если лицо не осуществляло других активных действий, направленных на укрывательство совершенного преступления. Исходя из этого, укрывательство преступлений в широком смысле – это система уголовно-правовых норм, предусмотренных различными статьями УК РФ, устанавливающих те или иные формы преступного действия или бездействия по сокрытию совершенного другими лицами преступления.

В связи с этим можно говорить об ограничении подинститута укрывательства в рамках Особенной части уголовного закона, при этом общая дефиниция укрывательства в уголовном законе отсутствует. Мы полагаем, что это порождает дискуссионное поле касемо правовых признаков укрывательства, что, в свою очередь, может отрицательно отразиться на правоприменительной практике. В указанной ситуации правоприменительные органы могут определять укрывательство по-разному, что может создать опасность необъективной оценки противоправного деяния. Расширение законодателем перечня норм, в которых дифференцируется уголовная ответственность за укрывательство преступлений, требует, на наш взгляд, уточнения понимания системообразующей уголовно-правовой категории «укрывательство»¹.

В связи с этим возникает необходимость определения правового понятия «укрывательство». К примеру, если обратиться к толковому словарю С.И. Ожегова, то укрывательство следует понимать как «умышленное сокрытие преступника, орудий преступления или преступно добытых предметов»². Некоторые отечественные исследователи, опираясь на положения ч. 5 ст. 33 УК РФ, считают, что укрывательство как проявление прикосновенности и укрывательство как проявление пособничества различаются лишь отсутствием обещания скрыть преступление. Н.К. Кустова подтверждает, что сокрытие следов, средств, орудий совершения преступления и есть укрывательство в рамках диспозиции ст. 316 УК РФ³.

¹ См.: Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: от закона к практике // Современное общество и право. 2018. № 4 (35). С. 88–93.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. 907 с. URL: <http://ozhegov.info/slovar> (дата обращения: 15.06.2020).

³ Кустова Н.К. Указ. соч.

Совершенно очевидно, что обещание содействовать преступлению в форме пособничества дается соучастником ДО совершения преступления, а укрывательство осуществляется исключительно ПОСЛЕ такового. Нельзя укрыть то, чего еще нет. Следовательно, нельзя признавать укрывательство формой соучастия в преступлении. Уместнее говорить о том, что лицо, которому стало известно о совершенном преступлении, создает дополнительные условия для того, чтобы это преступление осталось скрытым от правоохранительных органов и лица, его совершившие, не понесли уголовную ответственность. Именно в этом и заключена главная характеристика общественной опасности укрывательства – безнаказанность преступника и продуцирование (создание дополнительных условий) совершения новых преступлений. Как справедливо указывает И.А. Николайчук, сокрытие преступления – это негативные действия или бездействие, которые препятствуют расследованию и установлению истины по уголовному делу, а также способствуют уклонению от наказания причастных к совершению преступления лиц¹. Поэтому если лицо пытается укрыть преступление, о котором уже известно органам правосудия, то его действия нельзя квалифицировать как заранее не обещанное укрывательство, то есть укрывательство возможно до возбуждения уголовного дела.

Таким образом, если говорить об укрывательстве преступлений в широком смысле и исходить из того, что оно криминализовано не только в ст. 316 УК РФ, но и других вышеперечисленных нормах, следует дать более емкое понятие этой категории уголовного права в рамках института прикосновенности к преступлению.

Итак, под укрывательством следует понимать любые действия (бездействие) лица, которому в силу различных обстоятельств стало известно о совершенном преступлении, направленные на сокрытие такой информации от органов, осуществляющих правосудие.

---

¹ См.: Николайчук И.А. Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 83–84.

Поличной Р.В.,
*оперуполномоченный
по особо важным делам 4 отдела
ОРЧ УР № 2 ГУ МВД России
по Московской области*

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности предусмотрена в ч. 4 ст. 303 УК РФ¹. Данное деяние приобрело значение самостоятельного состава преступления в конце 2012 г.², тогда как ранее случаи такой фальсификации в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного квалифицировалась по нормам главы 30 УК РФ, в частности по ст. 286 УК РФ об ответственности за превышение должностных полномочий.

Согласно данным судебной статистики, в 2013 г. по ч. 4 ст. 303 УК РФ осужденных не было, в 2014 г. было осуждено 4 лица, в 2015 г. – 9 лиц, в 2016 г. – 11 лиц, в 2017 г. – 14 лиц, в 2018 г. – 11 лиц и в 2019 г. – 18 лиц³. При этом 36,84% таких лиц были осуждены по дополнительной квалификации, то есть совершили фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в совокупности с более тяжкими преступлениями.

В настоящее время типичной является сопряженность фальсификации результатов ОРД с такими должностными преступлениями, как получение взятки, превышение должностных полномочий и т.д.

Б.С., В. и Б.А. были признаны виновными в том, что они, будучи сотрудниками оперативного подразделения, совершили покушение на получение взятки (ч. 3 ст. 30, п. «а», «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ) за осуществленную

---

¹ Здесь и далее под УК РФ понимается Уголовный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу 1 января 1997 г.

² См.: Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 49. Ст. 6752.

³ См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 07.05.2020).

ими фальсификацию результатов ОРД (ч. 4 ст. 303 УК РФ), Б.С. также был признан виновным в превышении должностных полномочий (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ)¹.

Непосредственным объектом фальсификации результатов ОРД выступают общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок получения и представления данных результатов². Дополнительным непосредственным объектом этого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие права, свободы и законные интересы лиц, которые могут быть без законных на то оснований подвергнуты уголовному преследованию, а также честь, достоинство и деловая репутация данных лиц.

Предметом данного преступления выступают результаты ОРД, то есть фактические данные, полученные в установленном порядке, о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, о причастных к этому лицах, а также о лицах, скрывшихся от органов предварительного расследования и суда. Соответствующие фактические данные отражаются в определенных оперативно-разыскных документах (справках, сводках, рапортах и т.д.), которые в дальнейшем могут быть приобщены к материалам уголовного дела. Эти фактические данные имеют как уголовно-процессуальное, так и самостоятельное оперативно-разыскное значение, в том числе они могут быть использованы для проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), направленных на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также на выявление и установление причастных к ним лиц³. Учитывая альтернативные цели преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, предметом последнего могут выступать результаты ОРД, которые имеют уголовно-процессуальное и (или) оперативно-разыскное значение, позволяющее виновному создать предпосылки для незаконного уголовного преследования определенного лица либо для причинения ему морального вреда.

Порядок получения и представления данных результатов преимущественно регулируется Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴ и основанными на нем ведомственными

¹ См.: определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.11.2019 № 46-УД19-37 и от 05.02.2020 № 46-УД20-1 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsr.fu/> (дата обращения: 10.05.2020).

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд. перераб. и доп. / Под ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С. 957.

³ См.: Кузнецова Н.И. Понятие результатов оперативно-розыскной деятельности и требования, предъявляемые к ним // Новый юридический журнал. 2014. № 3. С. 111–112.

⁴ См.: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-

актами¹, в том числе имеющими конфиденциальный характер. С учетом того, что ОРД осуществляется посредством сочетания гласных и негласных методов и средств, получение и представление результатов данной деятельности также связано с соблюдением нормативных положений о государственной тайне.

Согласно ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в уголовном процессе могут быть использованы только те результаты ОРД, которые отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, то есть сотрудникам оперативных подразделений при получении и представлении указанных результатов необходимо учитывать положения законодательства, связанные с процессом доказывания по уголовным делам, в том числе обязательность обеспечения относимости, допустимости и достоверности получаемой информации. Кроме того, отдельные аспекты ОРД, в том числе порядок получения и представления ее результатов, затрагиваются в федеральных законах, регламентирующих деятельность органов, оперативные подразделения которых уполномочены на осуществление ОРД².

Отмеченные особенности регламентации порядка получения и представления результатов ОРД обуславливают многоуровневую бланкетность диспозиции ч. 4 ст. 303 УК РФ, что усложняет применение данного уголовно-правового запрета. Данная проблема требует самостоятельного комплексного исследования, здесь же остановимся на анализе других элементов состава фальсификации результатов ОРД.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, состоит в фальсификации результатов ОРД, которая может выражаться в получении последних с нарушением установленного порядка проведения ОРМ, в том числе при отсутствии необходимых оснований, при инсценировке таких мероприятий, а равно во внесении недостоверных сведений в содержание оперативно-разыскных документов, оформляемых в связи с проведением ОРМ.

розыскной деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.08.2019).

¹ См., например: Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // Российская газета. 13.12.2013.

² См., например: Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О федеральной службе безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2019).

Г. был осужден за превышение должностных полномочий и фальсификацию результатов ОРМ в целях уголовного преследования И. Для этого им были сфальсифицированы материалы якобы проведенных двух проверочных закупок. В дальнейшем Г. под видом добровольно выданного закупщиком направил на химическое исследование психотропное вещество, которое он ранее приискал и хранил для данного случая, что привело к незаконному и необоснованному осуждению И.¹

Для признания рассматриваемого преступления оконченным не требуется наступления каких-либо общественно опасных последствий, в том числе тех, что составляют содержание его целей (уголовное преследование не причастного к преступлению лица, причинение вреда чести, достоинству, деловой репутации). Вместе с тем, учитывая категории преступлений, для выявления которых проводятся ОРМ, фальсификация их результатов преимущественно приводит к наступлению последствий, оцениваемых как тяжкие. Так, применительно к фальсификации доказательств, повлекшей тяжкие последствия (ч. 3 ст. 303 УК РФ), под таковыми понимается, в частности, осуждение невиновного лица², что по соответствующим уголовным делам подтверждается последующими отменой обвинительного приговора и постановлением оправдательного приговора в связи с отсутствием события преступления или состава преступления либо недоказанностью причастности лица к его совершению, включая случаи признания недопустимыми доказательств, полученных на основе результатов ОРД.

Поскольку, в отличие от фальсификации доказательств (ч. 1–3 ст. 303 УК РФ), для рассматриваемого состава преступления (ч. 4 ст. 303 УК РФ) уголовный закон не предусматривает квалифицирующий признак в виде наступления тяжких последствий, на практике это обуславливает квалификацию содеянного по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 303 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Такая квалификация обосновывается и соотношением санкций ч. 4 ст. 303 и ч. 3 ст. 286 УК РФ: если в первой из них наиболее строгим наказанием является лишение свободы на срок до 4 лет, то во второй – лишение свободы на срок от 3 до 10 лет. При этом мы не можем согласиться с мнением В.Н. Боркова, считающего,

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.09.2019 № 36-УДП19-6 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsr.fu/> (дата обращения: 10.05.2020).

² См.: Уголовное право России: учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 706.

что провокационно-подстрекательские действия сотрудников оперативных подразделений нельзя признать превышением их должностных полномочий¹, а такой критерий, как наступление тяжких последствий либо их отсутствие, не должен предопределять соответствующее изменение квалификации содеянного². Мы поддерживаем точку зрения Е.Г. Быковой и С.А. Яшкова, согласно которой вплоть до включения в ст. 303 УК РФ квалифицированного состава фальсификации результатов ОРД, повлекшей тяжкие последствия, с адекватным отражением степени общественной опасности данного деяния в санкции новой части этой статьи, содеянное в таких случаях в настоящее время требует дополнительной квалификации по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ³. Фальсификация результатов ОРД, сопряженная с совершением других преступлений, например получением взятки или сбытом наркотических средств, также квалифицируется с учетом совокупности соответствующих уголовно наказуемых деяний⁴.

Отмеченные выше цели, присущие преступлению, предусмотренному ч. 4 ст. 303 УК РФ, ограничивают сферу применения данного уголовно-правового запрета, тогда как фальсификация доказательств, влекущая ответственность по ч. 1–3 ст. 303 УК РФ, какой-либо обязательной целью совершения деяния не характеризуется. По нашему мнению, данное обстоятельство указывает на отступление от принципа системности уголовно-правовой охраны общественных отношений.

Таким образом, введение состава фальсификации результатов ОРД является социально обоснованной мерой, однако для повышения эффективности данного уголовно-правового запрета и формирования единообразной практики его применения целесообразно согласовать его с взаимосвязанными составами фальсификации доказательств, в том числе дифференцировать уголовную ответственность за рассматриваемое преступление.

---

¹ См.: Борков В.Н. Провокация преступления: уголовно-правовая оценка действий провокатора и спровоцированного // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 70–72.

² См.: Борков В.Н. Квалификация преступлений, совершаемых в сфере оперативно-разыскной деятельности // Уголовное право. 2018. № 1. С. 17–21.

³ См.: Быкова Е.Г., Яшков С.А. Превышение должностных полномочий и фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности: возможна ли совокупность? // Уголовное право. 2016. № 4. С. 20–21.

⁴ См.: Быкова Е.Г., Яшков С.А. Уголовно-правовая оценка действий должностных лиц по инсценировке преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров // Уголовное право. 2017. № 2. С. 26–32.

Научное издание

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ,
СОВЕРШАЕМЫЕ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Формат 60×90/16. Бумага офсетная
Гарнитура *SchoolBook*
Печать офсетная. Печ. л. 19,0. Тираж 500 экз.

ИД «Юриспруденция»
115419, Москва, ул. Орджоникидзе, 11
www.jurisizdat.ru, e-mail: y-book@mail.ru
Тел. (495) 784-8406